КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVI.

1899 г.

ІЮЛЬ.

Кіевъ. типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 6 іюля 1899 года.

Харьковскій университетъ въ первые годы своего существованія.

(Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. По неизданнымъ матеріаламъ. Томъ 1. 1802—1815 г. Харьковъ. 1893—1898).

(Продолженіе).

Перейдемъ теперь къ обзору научной и преподавательской дѣятельности харьковскихъ профессоровъ перваго десятилѣтія.

Мы говорили уже, что подобрать профессорскую коллегію въ полномъ составѣ изъ русскихъ было дѣломъ немыслимымъ въ началѣ столѣтія. Пришлось обратиться заграницу и, главнымъ образомъ, въ разсадникъ учености того времени—въ нѣмецкіе университеты. Большая часть приглашенныхъ профессоровъ и были нѣмцы (изъ 29 иностранцевъ ихъ было 18). За ними слѣдовали западные славяне, которые съ западно-европейскимъ образованіемъ соединяли то преимущество, что могли сравнительно легко овладѣть русскимъ языкомъ, такихъ профессоровъ—славянъ въ Харьковѣ на первыхъ порахъ было 7. Менѣе значительно было число французовъ—ихъ было всего четверо.

Не всегда, конечно, выборъ приглашаемыхъ профессоровъ былъ удаченъ, но все таки въ общемъ профессора-иностранцы, особенно нѣмцы, и по своей научной подготовкѣ, и по ученой продуктивности стояли выше своихъ русскихъ коллегъ. Въ Харьковъ ѣхали не только тѣ ученые, которымъ не удалось до-

биться каѳедры дома, но иногда пріѣзжали и такіе профессора, которые занимали уже каѳедры и даже составили себѣ имя въ ученомъ мірѣ.

Мы остановимся на біографіяхъ нѣкоторыхъ харьковскихъ профессоровъ.

Среди нѣмцевъ особенно выдѣлялись Роммель, Шадъ, Якобъ, Гутъ и Гизе.

Христофоръ Роммель родился въ семьѣ протестантскаго пастора въ Касселѣ (въ Гессенѣ) и первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ отца, потомъ учился въ Кассельскомъ лицеѣ и Марбургскомъ и Геттингенскомъ университетахъ. Здѣсь онъ почувствовалъ влеченіе къ филологіи. Уже первые ученые труды его по арабской словесности обратили на него вниманіе даже иностранныхъ ученыхъ. Еще въ 1803 году ему предложена была каѳедра въ Харьковѣ, но Роммель предпочелъ остаться въ Геттингенѣ и, получивъ степень доктора, началъ читать здѣсь курсъ о Гомерѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Скоро его пригласили профессоромъ въ Марбургъ. Роммель не былъ узкимъ спеціалистомъ—на ряду съ филологіей онъ интересовался географіей, этнографіей, статистикой и политическими науками. На каѳедрѣ онъ явился горячимъ послѣдователемъ Винкельмана и Гейне—сторонникомъ эстетическаго изученія древняго міра. Въ Марбургѣ сначала Роммель имѣлъ успѣхъ, но мало по малу у него начались столкновенія съ товарищами, болѣе склонными къ сухому буквоѣдству, чѣмъ къ глубокому и живому изученію древности; разочаровали молодого профессора и слушатели, которые отдавали предпочтеніе хлѣбнымъ юридическимъ и богословскимъ наукамъ передъ находившеюся тогда въ загонѣ филологіей. Появленіе въ Германіи французовъ переполнило чашу. Стали носиться слухи о закрытіи университетовъ. Въ отчаяніи Роммель рѣшился покинуть родину и въ 1810 г. принялъ предложенную ему вторично каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ. Но и въ Харьковѣ Роммель оставался недолго. Менѣе чѣмъ черезъ 4 года онъ выѣхалъ опять заграницу.

Гораздо богаче драматическими эпизодами жизнь другого ученаго нѣмца—Шада.

Іоганнъ-Баптистъ Шадъ былъ крестьянскій сынъ, родился онъ въ 1758 г. и 10 лѣтъ отъ роду отданъ былъ отцомъ въ Банцскій бенедиктинскій монастырь для обученія пѣнію (Шадъ былъ католикъ). Здѣсь монахи обучили его музыкѣ и латинскому языку. Черезъ нѣсколько лѣтъ его перевели въ Бамбергскую іезуитскую семинарію, гдѣ онъ и пробылъ 6 лѣтъ. Въ этой семинаріи изучались древніе языки, но исключительно съ грамматической стороны, авторовъ читали только въ отрывкахъ—для упражненія въ синтаксисѣ и заботливо внушали питомцамъ, что все, написанное языческими писателями, есть сплошное заблужденіе; учебникъ исторіи зазубривался наизустъ; преподаваніе нѣмецкаго языка было въ самомъ жалкомъ состояніи. Надо всѣмъ царила схоластическая логика и діалектика. Шадъ вынесъ изъ школы знакомство съ классическими авторами, но этимъ знакомствомъ онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ. Возвратившись въ Банцскій монастырь, Шадъ принялъ монашество. Но скоро въ немъ начался внутренній разладъ; семь лѣтъ провелъ онъ въ тяжеломъ душевномъ состояніи, былъ даже близокъ къ самоубійству. Подъ вліяніемъ сочиненій Канта въ немъ понемногу произошелъ переворотъ—изъ ортодоксальнаго католическаго монаха онъ сдѣлался свободнымъ мыслителемъ-гуманистомъ. Шадъ рѣшается, не выходя изъ монастыря, дѣйствовать на умы путемъ литературы. Онъ издаетъ рядъ богословскихъ и философскихъ сочиненій, шедшихъ въ разрѣзъ съ католическимъ богословіемъ. Положеніе его въ монастырѣ сдѣлалось щекотливымъ—монахи не разъ уже выступали печатно противъ его сочиненій. Наконецъ Шадъ тяжко заболѣлъ и докторъ предупредилъ его, что жить ему осталось не болѣе полугода. Тогда Шадъ написалъ ѣдкую сатиру на монашество подъ заглавіемъ „Судьба почтеннаго отца Синцеруса“ и отдалъ ее въ печать съ такимъ разсчетомъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ его смерти. Но врачъ ошибся, Шадъ выздоровѣлъ. Между тѣмъ книга вышла. Шаду грозила опасность быть отправленнымъ въ одинъ изъ

испанскихъ монастырей въ заточеніе. Тогда онъ рѣшился бѣжать изъ монастыря. Ночью выпрыгнулъ онъ въ окно, перелѣзъ черезъ стѣну и скрылся. Чтобы обезопасить себя отъ преслѣдованія монаховъ, Шадъ принялъ протестантство. Въ Іенѣ онъ получилъ степень доктора философіи и сдѣлался приватъ-доцентомъ. Знаменитый Фихте, оставляя каѳедру, рекомендовалъ студентамъ Шада, какъ своего преемника. Въ Іенѣ Шадъ издалъ цѣлый рядъ философскихъ сочиненій. Въ 1804 г. онъ перешелъ въ Харьковъ ординарнымъ профессоромъ философіи. Приглашенъ онъ былъ сюда попечителемъ Потоцкимъ по рекомендаціи Шиллера и Гете. Кипучая натура Шада сказалась и въ Харьковѣ. Онъ принималъ горячее участіе въ университетской жизни, издалъ здѣсь много сочиненій, оставилъ учениковъ. Намъ еще придется упоминать о немъ дальше, скажемъ теперь только, что и въ Россіи Шаду не посчастливилось. Во вторую половину царствованія Александра I, когда началась реакція, Шадъ былъ высланъ изъ Россіи, какъ человѣкъ и ученый крайне вреднаго направленія.

Извѣстностью въ ученомъ мірѣ пользовался и Людвигъ Кондратьевичъ Якобъ. Онъ учился въ Галле и здѣсь же былъ профессоромъ, читая лекціи сначала по филологическимъ наукамъ, а потомъ по исторіи и политикѣ. Три года сряду онъ былъ ректоромъ Галльскаго университета. Его учебники были въ ходу не только въ Германіи, но и въ Даніи и Венгріи, а сочиненіе „Общая религія“ разошлось въ нѣсколько дней въ количествѣ 2500 экземпляровъ. Имъ было издано 35 ученыхъ сочиненій. По закрытіи университета въ Галле Якобъ перешелъ въ 1807 г. въ Харьковъ на каѳедру дипломатики и политической экономіи. Впрочемъ здѣсь онъ пробылъ недолго, такъ какъ въ 1809 г., по приглашенію Сперанскаго, перешелъ на службу въ министерство финансовъ.

Не менѣе извѣстенъ былъ и Иванъ Ивановичъ Гутъ, профессоръ математики и физики во Франкфуртскомъ университетѣ, пріобрѣвшій ученую репутацію твоими работами по астрономіи. И Гутъ недолго пробылъ въ Харьковѣ: съ 1808 по 1811 г.

Профессоръ химіи и фармаціи Фердинандъ Ивановичъ Гизе родомъ изъ Пруссіи, занялъ каѳедру въ Харьковѣ очень молодымъ и его ученая репутація создана была уже въ Россіи.

Среди французовъ не было ученыхъ съ громкимъ именемъ, за исключеніемъ развѣ А. А. Дюгура, превратившагося впослѣдствіи въ Дегурова и пріобрѣвшаго извѣстность во вторую половину Александровскаго царствованія, но только вовсе не учеными трудами.

Изъ профессоровъ—славянъ самымъ выдающимся былъ уже извѣстный намъ Стойковичъ, но онъ болѣе славился какъ лекторъ, а ученые труды его, хотя и довольно многочисленные, не отличались оригинальностью.

Изъ русскихъ профессоровъ на первомъ мѣстѣ надо поставить Тимковскаго, Рижскаго и Осиповскаго.

Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, сынъ переяславскаго полкового есаула, учился въ Переяславской семинаріи, затѣмъ въ Кіевской академіи и Московскомъ университетѣ. Благодаря своей книгѣ „Систематическое расположеніе законовъ россійскихъ“, онъ пользовался репутаціей знатока русскаго законовѣдѣнія. Подобно Рижскому и Осиповскому, Тимковскій не имѣлъ ученой степени и только впослѣдствіи получилъ докторство honoris causa.

Другой извѣстный русскій профессоръ Иванъ Степановичъ Рижскій происходилъ изъ духовнаго званія, учился въ Псковской и Троицкой семинаріяхъ, былъ въ послѣдней преподавателемъ, оттуда перешелъ учителемъ въ горный кадетскій корпусъ и занималъ въ Петербургѣ нѣсколько другихъ должностей. Его учебники логики и реторики пользовались большимъ распространеніемъ и за нихъ онъ былъ избранъ членомъ Россійской академіи. Въ 1803 г. Рижскій былъ назначенъ въ Харьковъ профессоромъ россійской словесности и краснорѣчія.

Профессоръ математики Тимоѳей Ѳедоровичъ Осиповскій былъ воспитанникомъ Владимірской семинаріи и Петербургской учительской гимназіи, служилъ учителемъ въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ, и затѣмъ профессоромъ въ Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ.

Каѳедра русской исторіи была предложена Н. М. Карамзину, а послѣ его отказа назначенъ былъ адъюнктомъ учитель Воронежскаго народнаго училища Гавр. Петр. Успенскій, не имѣвшій никакихъ трудовъ по русской исторіи, но извѣстный какъ талантливый преподаватель и переводчикъ. Въ Воронежѣ Успенскій принадлежалъ къ кружку прот. Болховитинова, впослѣдствіи извѣстнаго митр. Евгенія.

Изъ остальныхъ русскихъ профессоровъ назовемъ только Ивана Евсеевича Срезневскаго, отца знаменитаго Измаила Ив—ча. Ив. Ев—чъ, воспитанникъ Рязанской семинаріи и Московскаго университета, былъ профессоромъ русскаго языка и краснорѣчія въ Демидовскомъ училищѣ высшихъ наукъ въ Ярославлѣ и въ 1812 г. занялъ каѳедру умершаго Рижскаго.

Уже въ первое десятилѣтіе существованія Харьковскаго университета въ немъ являются преподаватели изъ его же воспитанниковъ. Ихъ было четверо. Яковъ Никитичъ Громовъ поступилъ изъ Харьковскаго коллегіума въ университетъ въ день его открытія. По окончаніи курса преподавалъ латинскій языкъ и логику, а затѣмъ пріобрѣлъ степень магистра естественной исторіи. Командированный въ Москву, онъ занимался тамъ зоологіей и минералогіей подъ руководствомъ Фишера, а по возвращеніи въ 1813 г. въ Харьковъ получилъ степень доктора и былъ избранъ въ адъюнкты. Другой питомецъ Харьковскаго университета Ник. Мих. Архангельскій, изъ курскихъ семинаристовъ, окончилъ университетъ въ 1808 году, былъ учителемъ Харьковской и Черниговской гимназій, затѣмъ читалъ математику въ университетѣ и, получивъ уже степень магистра, былъ прикомандированъ на годъ къ академіи наукъ, а въ 1813 г. опредѣленъ адъюнктомъ прикладной математики. Вас. Серг. Комлишинскій, изъ Харьковскаго главнаго нар. училища, окончивъ университетъ, преподавалъ студентамъ математику и физику, былъ учителемъ Черниговской гимназіи и, получивъ степени магистра и доктора физики, въ томъ же 1813 г. избранъ адъюнктомъ по этому предмету. Моложе ихъ былъ Дем. Гер. Адамовичъ, окончившій курсъ въ 1811 г. и въ слѣдующемъ году назначенный

и. д. адъюнкта всеобщей исторіи. Изъ харьковскихъ же студентовъ было еще два лектора—Андрей Павловскій и Дм. Борзенковъ, читавшіе первый математику, а второй русскую словесность.

Такимъ образомъ уже къ концу перваго десятилѣтія Харьковскій университетъ обезпечилъ себя до нѣкоторой степени преподавателями изъ своихъ же воспитанниковъ, что при начавшемся въ это время бѣгствѣ изъ Харькова профессоровъ-иностранцевъ и при недостаткѣ научныхъ силъ въ Россіи вообще имѣло большое значеніе. Отмѣтимъ еще, что многіе изъ молодыхъ профессоровъ прошли черезъ учительство въ гимназіяхъ, а такъ какъ среднія и низшія учебныя заведенія были связаны тогда съ университетомъ въ административномъ отношеніи и совѣтъ ун—та игралъ немаловажную роль въ дѣлѣ средняго и низшаго образованія, то и было очень важно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ членовъ совѣта были знакомы съ жизнью подчиненныхъ ему заведеній не изъ прекраснаго далека, а на практикѣ.

Несмотря на то, что встрѣчались затрудненія въ пріискиваніи преподавателей и на то, что въ преподаваніи бывали, за неимѣніемъ профессора, перерывы, ученье на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, шло болѣе или менѣе правильно. Да и на этомъ факультетѣ дѣло тормозилось вслѣдствіе недостатка слушателей. Въ январѣ 1809 г. ректоръ донесъ совѣту, что на медицинскомъ факультетѣ всего 3 студента, изъ нихъ одинъ боленъ, а другой въ отпуску и потому лекціи прекратились. Въ 1811 г. на медицинскомъ факультетѣ также не было слушателей и профессора его получилъ отъ совѣта порученія заняться чѣмъ нибудь постороннимъ. Въ виду такого положенія дѣлъ попечитель предложилъ было вовсе упразднить медицинскій факультетъ, но съ этимъ мнѣніемъ не согласились ни совѣтъ, ни министръ нар. просв. гр. Разумовскій. Приняты были мѣры къ увеличенію числа студентовъ и къ устройству вспомогательныхъ учрежденій и къ концу десятилѣтія медицинскій факультетъ функціонировалъ болѣе или менѣе правильно.

Мы познакомились съ тѣмъ каковы были крупнѣйшія силы, которыми располагалъ Харьковскій университетъ. Но у насъ есть еще возможность судить до извѣстной степени о томъ, какое впечатлѣніе производили харьковскіе профессора на своихъ современникомъ—товарищей и слушателей. Проф. Роммель и двое харьковскихъ студентовъ того времени—Селивановъ и Розальонъ—Сошальскій оставили свои записки, въ которыхъ описываютъ харьковскую университетскую жизнь.

Изъ словесниковъ всѣ они на первомъ мѣстѣ ставятъ Рижскаго. Роммель называетъ его человѣкомъ замѣчательнаго дарованія. По словамъ Розальонъ-Сошальскаго, „Рижскій пользовался глубочайшимъ уваженіемъ студентовъ и всего общества, какъ профессоръ и какъ человѣкъ; преподавалъ онъ превосходно". Селивановъ, говоря о Рижскомъ, отмѣчаетъ характерную черточку. Рижскій принадлежалъ къ славянофиламъ, не любилъ, когда употреблено было иностранное слово тамъ, гдѣ ту же мысль можно было выразить словами русскими и часто на лекціи говорилъ: „Можно ли выразить на французскомъ щебетникѣ то, что выражается сильнымъ, точнымъ, мѣткимъ, благозвучнымъ, славянскимъ языкомъ". Намъ придется еще говорить о Рижскомъ, какъ о типичномъ представителѣ тогдашней науки. Объ Успенскомъ отзывались, какъ о знатокѣ русскихъ законовъ. Съ большимъ уваженіемъ говорятъ современники о трудолюбіи и свѣдѣніяхъ Осиповскаго. Интересны отзывы объ адъюнктѣ архитектуры Васильевѣ. Селивановъ говоритъ: „Васильевъ имѣлъ большія природныя способности и хорошія свѣдѣнія по многимъ частямъ. Онъ, кромѣ архитектуры, читалъ алгебру, знакомъ былъ съ физикой и химіей, но былъ безпеченъ, часто не бывалъ на лекціяхъ и архитектуру свою часто облекалъ въ забавныя формы". Розальонъ-Сошальскій отзывается въ немъ такъ: „архитектуру преподавалъ адъюнктъ Васильевъ, человѣкъ остраго ума, бонмотистъ, но—употреблю современный терминъ—человѣкъ довольно легкомысленный". Хорошіе отзывы слушатели давали и о математикѣ Павловскомъ, о Комлишинскомъ, о Крюгерѣ. Относительно Тимковскаго Селивановъ гово-

ритъ: „Все у него было изысканное, говорилъ всегда фразами, и фразы его были обдуманы, выработаны, какъ-бы выточены, вышлифованы, выполированы. Примѣрный, неподражаемый педантъ! Такимъ слогомъ были написаны его рѣчи и его лекціи. Но Т. съ каѳедры читалъ рѣчи очень хорошо, декламировалъ превосходно. Впрочемъ онъ зналъ языки и имѣлъ многостороннія свѣдѣнія и вообще своимъ тономъ, своимъ оригинальнымъ взглядомъ на вещи и вычурнымъ краснорѣчіемъ всякаго на первый разъ могъ озадачивать". Тотъ же Селивановъ приводитъ слѣдующій анекдотъ о Тимковскомъ: „Однажды поздно вечеромъ, посѣщая студенческія камеры, ректоръ Рижскій зашелъ къ студенту Сазонову, который зубрилъ права И. Ѳ. Т—го и, не замѣчая, что сзади его стоялъ Рижскій, читалъ громко; наконецъ, оглянувшись, увидѣлъ ректора и ректоръ говоритъ: „Что, понимаете вы?" Сазоновъ отвѣчалъ: „Понимаю". „А я, сказалъ Рижскій, ничего не понимаю, ей Богу, ничего не понимаю". Впрочемъ, такой же анекдотъ могъ случиться и съ самимъ Рижскимъ, у котораго красивыя фразы часто прикрывали весьма туманное содержаніе. Роммель высоко цѣнилъ дарованіе Тимковскаго.

Большого роста, толстый, осанистый и порядочно облѣнившійся деканъ медицинскаго факультета Шумянскій, по разсказамъ современниковъ, очень любилъ острить и часто прибѣгалъ къ родному малорусскому языку. Однажды онъ прочелъ на этомъ языкѣ даже цѣлую вступительную лекцію въ юмористическомъ духѣ въ курсъ діэтетики. О профессорахъ-иностранцахъ сохранилось немного отзывовъ, быть можетъ потому, что ихъ лекціи были менѣе понятны русскимъ слушателямъ. Ничего не говорятъ современники о преподаваніи Шада, Якоба, Роммеля. О Швейкардтѣ Роммель пишетъ: „занимаясь въ Германіи воспитаніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій, онъ усвоилъ себѣ изящное свѣтское обращеніе; въ памяти своей онъ хранилъ множество анекдотовъ и отличался увлекательнымъ даромъ разсказа". Сохранились отзывы слушателей о Стойковичѣ (который, впрочемъ, читалъ большею частью по русски) и о химикѣ Гизе. О первомъ Селивановъ говоритъ: „Аѳанасій Ива-

новичъ роста былъ высокаго, сухощавъ, носъ имѣлъ продолговатый, прямой, говорилъ довольно скоро, съ жаромъ, выразительно; употреблялъ довольно много славянскихъ словъ, обладалъ свѣтлой логикой, которая выражалась особенно на лекціяхъ, при изложеніи многосложныхъ предметовъ и разныхъ теорій, былъ находчивъ, гибокъ, смѣлъ, рѣшителенъ, нетерпѣливъ и не всегда ровенъ". И Роммель, и Розальонъ-Сошальскій отзываются о Стойковичѣ, какъ о рѣдкомъ ораторѣ. Съ большимъ уваженіемъ говорятъ современники о трудолюбіи Гизе. Замѣчательно, что онъ умѣлъ привлечь студентовъ къ самостоятельнымъ занятіямъ и имѣлъ учениковъ. Краснорѣчіемъ отличался профессоръ греческой и французской словесности Белленъ-де-Беллю. Хорошій практическій врачъ Дрейсигъ не обладалъ даромъ слова. Агрономъ Нельдехенъ, по словамъ Роммеля, „пріѣхалъ изъ Берлина и, не вѣдая ничего о жирной почвѣ Украины, съ первыхъ же лекцій возбудилъ смѣхъ студентовъ своимъ ученіемъ объ удобреніи навозомъ". Какъ о полномъ ничтожествѣ отзываются о Паки-де-Совиньи.

Профессора—нѣмцы читали лекціи обыкновенно по латыни, только немногіе изъ нихъ читали по нѣмецки. Умѣнье говорить на латинскомъ языкѣ они усвоили себѣ еще въ Германіи. Нѣкоторые изъ профессоровъ славились, какъ отличные латинисты, особенно извѣстны были въ этомъ отношеніи Шадъ и Стойковичъ, послѣдній даже устроивалъ у себя латинскіе вечера, на которыхъ говорили по латыни, а иногда по гречески. Французы читали большею частію на своемъ родномъ языкѣ. Русскіе профессора, хотя обыкновенно читали лекціи по русски, были довольно сильны въ латыни. Знаніе латинскаго языка было необходимо для университетскаго обихода, такъ какъ на немъ производились экзамены, велись дебаты въ совѣтѣ и въ факультетахъ, составлялись протоколы. Конечно, чтеніе на разныхъ языкахъ дурно отзывалось на ходѣ университетскаго преподаванія. Студентъ долженъ былъ для слушанія лекцій, понимать и по латыни, и по нѣмецки и по французски. Такимъ знаніемъ языковъ большинство студентовъ не обладало. Студенты семина-

ристы были привычны къ разговорному латинскому языку, но обыкновенно не знали французскаго и нѣмецкаго; дворянскія дѣти, поступавшіе въ университетъ изъ главныхъ народныхъ училищъ или послѣ домашней подготовки, были слабѣе въ латыни, но зато большею частью владѣли новыми языками, особенно французскимъ.

Переходя къ обзору ученой дѣятельности профессоровъ, нужно замѣтить, что они рѣдко являлись изслѣдователями,—они были главнымъ образомъ популяризаторами научныхъ истинъ среди широкой публики. Это явленіе обусловливалось разными причинами. Прежде всего многіе изъ профессоровъ, особенно русскихъ, не были подготовлены къ самостоятельнымъ научнымъ изысканіямъ—они были до извѣстной степени самоучками и если и успѣвали пріобрѣсть значительный запасъ свѣдѣній по своей спеціальности, то имъ не хватало знакомства съ научнымъ методомъ изслѣдованія. Да и русское общество того времени предъявляло къ профессорамъ иные запросы. Требовалось главнымъ образомъ краснорѣчивое изложеніе, и часто формѣ отдавалось предпочтеніе передъ содержаніемъ. Сами университетскіе слушатели раздѣляли вкусы публики и мало склонны были слушать чтенія, требовавшія большого умственнаго напряженія и извѣстной подготовки отъ аудиторіи. Наконецъ нужно прибавить, что отсутствіе въ Харьковѣ необходимыхъ пособій крайне неблагопріятно отзывалось на научной продуктивности даже тѣхъ профессоровъ, которые до перехода въ Харьковъ работали много и создали серьезные научные труды.

Вслѣдствіе всѣхъ помянутыхъ выше условій въ Харьковѣ особенное значеніе получили академическія рѣчи. За первыя 10 лѣтъ существованія университета ихъ было произнесено на актахъ 40 (ежегодно было по два акта и на каждомъ произносилось по двѣ и даже болѣе рѣчей). Публика, повидимому, охотно посѣщала эти акты и хорошіе ораторы пользовались большою популярностью. Темы для рѣчей выбирались такія, которыя могли заинтересовать большинство слушателей.

Съ другой стороны харьковскіе профессора посвящали не мало времени и труда на составленіе учебниковъ. При недостаткѣ учебныхъ руководствъ составленіе ихъ являлось дѣломъ крайней необходимости. Связь университета со средними и низшими учебными заведеніями заставляла профессоровъ взяться за составленіе учебниковъ и для этихъ заведеній. И дѣйствительно многіе изъ учебниковъ, составленныхъ профессорами Харьковскаго университета, пріобрѣли широкое распространеніе. Профессора-естественники занимались еще изученіемъ природныхъ богатствъ края.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя было и ожидать, чтобы харьковскіе ученые внесли много цѣнныхъ вкладовъ въ науку. Но все таки нѣкоторыми изъ нихъ были изданы замѣчательныя для своего времени работы. Двое изъ профессоровъ посвятили свои труды русской исторіи. Успенскій издалъ „Опытъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ"—первый трудъ на русскомъ языкѣ, посвященный систематическому обзо́ру битовой исторіи Россіи. Рейтъ издалъ въ 1811 году „Specimen historiae Rossorum"—опытъ политической исторіи до-монгольской Руси на основаніи иностранныхъ источниковъ. Очень интересны труды Якоба. Онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе, въ которомъ вооружался противъ крѣпостного права (онъ предлагалъ освободить крестьянъ безъ земли), за другое сочиненіе о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда Якобъ получилъ отъ Вольнаго Экономическаго Общества золотую медаль. Направленіе Якоба выразилось и въ его актовой рѣчи „О вліяніи университетовъ на культуру и благосостояніе народа", въ которой онъ настаиваетъ на томъ, что образованіе, даже высшее, должно быть доступно всѣмъ сословіямъ государства. Въ то же время Якобъ не пренебрегалъ составленіемъ учебниковъ—онъ написалъ всеобщую грамматику для учащихся и логику. Спеціальныя изслѣдованія по химіи и технологіи, несмотря ни отсутствіе сколько нибудь сносной лабораторіи, производилъ Гизе, ему же принадлежитъ капитальная „Всеобщая химія для учащихъ и учащихся" въ 5 томахъ на нѣмецкомъ

языкѣ; это сочиненіе было переведено и на русскій языкъ адъюнктомъ Комлишинскимъ. Много писалъ и Шадъ.

Намъ остается упомянуть объ обязательныхъ ученыхъ сочиненіяхъ—диссертаціяхъ на ученыя степени. Но предварительно необходимо сказать нѣсколько словъ о порядкѣ полученія этихъ степеней.

Учоныхъ степеней на всѣхъ факультетахъ (не исключая и медицинскаго) было три: кандидата, магистра и доктора. Магистерскіе и докторскіе экзамены происходили въ факультетахъ въ присутствіи двухъ членовъ совѣта, избранныхъ по жребію. Аспиранты подвергались предварительному испытанію въ коммиссіи изъ декана и двухъ профессоровъ и лица, признанныя неудовлетворяющими требованіямъ, не допускались къ испытанію въ факультетѣ. Послѣ экзаменовъ читали пробныя лекціи—магистранты одну, докторанты три. Защита диссертаціи происходила на латинскомъ языкѣ, но, съ согласія факультета, могла происходить и на русскомъ. Факультеты возводили въ доктора и безъ экзамена и защиты диссертаціи—honoris causa. Въ Харьковѣ такимъ путемъ получили высшія ученыя степени Рижскій, Осиповскій, Тимковскій, Белленъ-де-Баллю и Срезневскій. Можно было добиваться и прямо докторской степени, минуя магистерскую.

Охотниковъ попасть въ магистры и доктора въ Харьковѣ было много и притомъ только меньшинство аспирантовъ имѣло въ виду посвятить себя ученой дѣятельности, большинство же добивалось высшихъ ученыхъ степеней потому, что онѣ давали право на полученіе сразу чиновъ титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора, что при господствовавшей въ то время страсти къ чинамъ являлось весьма заманчивымъ для молодыхъ людей. Это стремленіе къ пріобрѣтенію дипломовъ имѣло послѣдствіемъ деморализацію профессоровъ—за дипломы стали брать взятки. Роммель разсказываетъ о двухъ попыткахъ подкупить его. Побочный сынъ бывшаго херсонскаго губернатора и богатаго помѣщика Хорвата Дегай передъ своимъ докторскимъ экзаменомъ явился къ Роммелю и сказалъ: „Я слышалъ, что вы

изъявили желаніе купить у меня дрожки и лошадей". (А дрожки и лошади были великолѣпныя). „Вовсе и не думалъ", отвѣтилъ Роммель. Вскорѣ Роммель увидѣлъ и дрожки и лошадей у одного изъ своихъ русскихъ коллегъ, а потомъ узналъ, что надъ его честностью много подсмѣивались. Въ другомъ случаѣ сынъ директора Екатеринославской гимназіи явился къ Роммелю посломъ отъ своего отца, желавшаго получить высшій чинъ путемъ экзамена, и привезъ carte blanche на 500 р. при письмѣ, „къ которомъ глупый его батюшка съ настойчивостью и самоувѣренностью говорилъ о своихъ правахъ на чинъ, ссылаясь на орденъ, недавно ему пожалованный". Розальонъ-Сошальскій также подтверждаетъ разсказы о подкупахъ при выдачѣ дипломовъ. Впрочемъ онъ оговаривается, что нѣкоторые получали докторство вполнѣ заслуженно и роскошные обѣды, которыми родители ихъ угощали экзаменаторовъ, были лишними. Въ числѣ такихъ докторантовъ онъ называетъ и фигурирующаго въ разсказѣ Роммеля Дегая. Нѣкоторые получали дипломы и безъ помощи обѣдовъ и взятокъ, но было достаточно и такихъ докторовъ, которые съ наукою ничего общаго не имѣли. Повидимому, на угощеніе обѣдами смотрѣли довольно снисходительно, а приватные уроки были въ большомъ ходу, самъ Роммель давалъ такіе уроки тому же Дегаю.

Присужденіе дипломовъ на ученыя степени было часто поводомъ къ ожесточеннымъ столкновеніямъ между профессорами въ факультетскихъ и совѣтскихъ засѣданіяхъ.

Особенное ожесточеніе борющихся партій вызвало дѣло о докторизаціи Хлапонина. Молодой курскій купецъ Григорій Хлапонинъ приступилъ въ 1813 г. къ экзамену на степень доктора философіи. Готовился къ экзамену онъ, состоя вольнослушателемъ университета. Экзаменовался Хлапонинъ не только по философіи у проф. Шада, но и по другимъ предметамъ—естественному праву, латинской и русской словесности, физикѣ, математикѣ, исторіи, географіи и статистикѣ. Результаты экзаменовъ признаны были удовлетворительными всѣми экзаменаторами, за исключеніемъ проф. Швейкардта, который экзамено-

валъ Хлапонина по естественному праву и находилъ возможнымъ дать ему только степень магистра. Послѣ экзаменовъ пошли пререканія. Хлапонину покровительствовалъ Шадъ. Врагъ Шада ректоръ Стойковичъ выступилъ противъ удостоенія Хлапонина степени доктора. Къ Стойковичу присоединились проф. Швейкардтъ и секретарь совѣта проф. Лангъ, который полагалъ, что Хлапонинъ долженъ былъ экзаменоваться по всѣмъ предметамъ этико-политическаго факультета. Хлапонинъ съумѣлъ какъ то заручиться покровительствомъ русскаго посла въ Парижѣ кн. Куракина, который рекомендовалъ его министру нар. просв. гр. Разумовскому. Сохранилось нѣсколько просительныхъ писемъ Хлапонина къ министру, въ которыхъ онъ униженно умоляетъ о защитѣ. Съ своей стороны Стойковичъ также писалъ министру и даже послалъ ему доносъ адъюнкта Болгаревскаго; въ этомъ доносѣ Болгаревскій разсказывалъ, что у Хлапонина бывали на „пирахъ" нѣкоторые профессора, названные имъ поименно, „даже съ женами". Въ концѣ концовъ Хлапонинъ получилъ желаемый дипломъ. Надо сказать, что диссертація Хлапонина была одной изъ самыхъ серьезныхъ по содержанію и самой объемистой среди харьковскихъ диссертацій того времени.

Не менѣе страстную борьбу вызвалъ и докторскій экзаменъ упоминавшагося выше Дегая. Только здѣсь роли перемѣнились— во главѣ оппозиціи стоялъ уже Шадъ.

Харьковскія диссертаціи того времени писались, по обычаю, на латинскомъ языкѣ и за рѣдкими исключеніями представляли тоненькія брошюры въ 20—30, а иногда даже въ 12 страницъ. Больше всего писалось диссертацій по философіи (у Шада)— ихъ было 2 докторскихъ и 2 магистерскихъ. Прочихъ диссертацій было 5 докторскихъ и 1 магистерская.

Выслушавшіе трехлѣтній курсъ студенты могли заявлять декану о своемъ желаніи подвергнуться кандидатскому экзамену. Экзаменъ этотъ производился письменно и устно. Къ нему допускались также лица, не бывшія въ университетѣ.

По указу 6 августа 1809 г. для полученія чина коллеж-

скаго ассесора и статскаго совѣтника надо было или имѣть университетскій дипломъ, или выдержать экзаменъ при университетѣ. Для подготовки къ этому экзамену и для производства его былъ учрежденъ такъ называемый Институтъ гражданскихъ чиновниковъ. При открытіи его въ 1810 г. записалось въ слушатели 27 человѣкъ, въ 1811 г. слушателей было только 19 и на экзаменъ не явился никто; въ 1812 г. записался одинъ слушатель и потому чтеній не открывали, а единственному слушателю разрѣшили посѣщать нѣкоторыя университетскія лекціи вмѣстѣ со студентами и брать приватные уроки; экзаменовался въ этомъ году одинъ чиновникъ, вовсе на курсахъ не бывшій.

Съ 1811 г. при университетѣ существовалъ еще Педагогическій Институтъ, для приготовленія учителей гимназій, но и этотъ институтъ, видимо, не процвѣталъ.

Связь университета съ мѣстнымъ обществомъ должно было поддерживать состоящее при университетѣ ученое общество. Хотя объ этомъ обществѣ и говорилось въ уставѣ 1804 г., но только въ 1812 г. учреждено было Харьковское общество наукъ, распадавшееся на два отдѣленія: естественно-историческое и словесное, да и то дѣятельность этого общества на первыхъ порахъ была вялая.

Болѣе значенія имѣли сношенія, которыя поддерживалъ университетъ со своими почетными членами, среди которыхъ особенно выдѣлялись проживавшіе въ Слободской Украинѣ В. Н. Каразинъ, ученый ботаникъ бар. Биберштейнъ и переводчикъ и поэтъ А. А. Палицынъ. Всѣ эти лица пользовались содѣйствіемъ университета.

Не безъ участія университета издавалась и первая харьковская газета „Еженедѣльникъ", основанная въ 1812 г. университетскимъ книгопродавцемъ Лангнеромъ, но просуществовавшая очень недолго—вышло всего 12 №№ размѣромъ въ $^1/_2$—1 печ. листъ каждый. По программѣ газета должна была заниматься главнымъ образомъ промышленностью и торговлей, но промышленность и торговля въ Харьковѣ тогда не процвѣтала и основной отдѣлъ газеты наполнялся статьями объ очисткѣ

прогорклаго масла, о студени изъ костей, о способѣ полированія стали и стекла и т. п., бывали иногда статьи по исторіи и эстетикѣ, а также стихи. Печатался „Еженедѣльникъ“ въ количествѣ 600 экз., но постоянныхъ „пренумерантовъ“ было всего 25.

Теперь посмотримъ, какъ и кѣмъ пополнялся составъ учащихся. Окончившіе гимназіи принимались въ университетъ безъ экзамена, прочіе экзаменовались въ особыхъ комитетахъ. Но прежде зачисленія на то или другое отдѣленіе (факультетъ), каждый студентъ долженъ былъ прослушать курсъ общеобразовательныхъ наукъ и получить аттестатъ въ знаніи этого курса.

Студенты дѣлились на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Первыхъ полагалось 40 чел., и на содержаніе каждаго изъ нихъ отпускалось 200 руб. въ годъ. Казеннокоштныхъ принимали только разъ въ году, передъ началомъ новаго учебнаго года. Ежегодно они должны были держать экзамены, и лучшіе изъ нихъ награждались медалями. Окончившіе трехлѣтній курсъ могли оставаться для продолженія ученія при какомъ нибудь отдѣленіи въ званіи кандидатовъ (такихъ кандидатовъ полагалось 12 и на каждаго отпускалось по 300 р. въ годъ), а затѣмъ, послѣ испытанія, занять должность „повторителя“. За казеннокоштными наблюдали инспекторъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ и два его помощника изъ кандидатовъ или магистровъ; помощники и жили вмѣстѣ со студентами. Намъ уже приходилось упоминать, что въ виду недостатка удовлетворительно подготовленныхъ лицъ, желавшихъ поступить въ студенты, въ 1804 г. было принято на казенный счетъ 30 семинаристовъ. Кромѣ того, поступили въ казеннокоштные двое учителей и одинъ воспитанникъ Харьковскаго гл. народнаго училища. При пріемѣ бывали и казусы. Одинъ дворянинъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о принятіи въ университетъ на казенный счетъ двухъ его сыновей, но оказалось, что эти молодые люди умѣли только читать и писать по русски и больше никакихъ наукъ не знали. Университетское начальство помѣстило ихъ въ число воспитанниковъ главнаго народнаго училища, но все [illegible], во ис-

полненіе Высочайшаго повелѣнія, должно было имъ дать студенческій окладъ по 200 р. въ годъ.

Для привлеченія своекоштныхъ попечитель обращался за содѣйствіемъ къ губернаторамъ и директорамъ училищъ. Въ первомъ году заявило желаніе поступить въ своекоштные 41 чел., и изъ нихъ было зачислено въ студенты 21, большею частію ученики Харьковскаго главнаго народнаго училища. Въ виду малой подготовки многихъ кандидатовъ въ студенты, устроены были особые курсы, скоро преобразованные въ приготовительный классъ, гдѣ преподавали адъюнкты.

Сверхъ студентовъ, въ первые же годы бывали въ университетѣ и посторонніе слушатели. Такъ, по желанію харьковскаго епископа Христофора Сулимы, воспитанники философскаго и богословскаго классовъ коллегіума слушали въ университетѣ лекціи ботаники, физики и медицины.

Общее число студентовъ въ первомъ году дошло до 57 (33 казеннокоштныхъ и 24 своекоштныхъ). Это были по большей части уроженцы Харьковской и Курской губ. изъ дѣтей духовенства и дворянъ. Возрастъ ихъ колебался между 16 и 34 годами, но въ большинствѣ это были молодые люди 18—20 лѣтъ. Приготовительный классъ былъ составленъ почти исключительно изъ учениковъ Харьковскаго гл. нар. училища, откуда переведены были въ этотъ классъ наиболѣе успѣвавшіе. Всего въ приготовительный классъ поступило 31 чел. Число студентовъ возрастало довольно слабо (въ 1806 г.—79, въ 1807—65, 1808—61, 1809—72, 1810—82, 1811—86, 1812—118).

Заботы университетскаго начальства о пріисканіи студентовъ не всегда встрѣчали содѣйствіе со стороны другихъ вѣдомствъ, особенно духовнаго. Хотя архіереи харьковскій и курскій охотно отпускали въ университетъ семинаристовъ, но другіе іерархи смотрѣли на это дѣло иначе. Такъ, епископъ екатеринославскій прямо приказалъ не допускать къ нему никого изъ семинаристовъ съ просьбами объ увольненіи изъ духовнаго званія ради поступленія въ университетъ. Одинъ изъ екатеринославскихъ семинаристовъ въ прошеніи, поданномъ совѣту Харь-

ковскаго унивртитета, говоритъ, что онъ и его товарищи „по занесеннымъ нынѣ отъ нихъ прошеніямъ надѣются невинно претерпѣть сугубое угнетеніе".

Болѣе сочувствія встрѣтилъ университетъ на Дону. Для поступленія въ университетъ донцовъ требовалось тоже разрѣшеніе мѣстнаго начальства, которое такія разрѣшенія однако давало охотно. Атаманъ Платовъ писалъ даже директору училищъ Донской области: „Усмотрѣвъ изъ рапорта вашего, что изъ выпущенныхъ изъ гимназіи учениковъ *урядники* Кондратовъ, Рубашкинъ и Гречановскій для усовершенствованія своего въ высшихъ наукахъ приняты по испытаніи въ пріобрѣтенномъ ими знаніи въ Императорскій Харьковскій университетъ, я крайне доволенъ, что наши донскіе изъ усердія своего пріобрѣтаютъ добрыми науками не только помѣщеніе въ высшемъ мѣстѣ, но даже и особливое отъ ректора и членовъ университета обращаютъ на себя вниманіе казеннымъ содержаніемъ и ношеніемъ безъ перемѣны своего донского войска положеннаго мундира".

Поступленіе въ студенты молодыхъ людей изъ податныхъ сословій не встрѣчало сочувствія въ высшемъ начальствѣ. Попечитель Потоцкій, видимо, не симпатизировалъ этому, а министръ пошелъ еще далѣе. Въ 1810 г. изданъ былъ Высочайшій указъ о томъ, чтобы студенты изъ податныхъ сословій исключались изъ оклада только по окончаніи ими полнаго курса. Тогда правленіе Харьковскаго университета запросило министерство, какъ ему смотрѣть на такихъ молодыхъ людей. Всѣмъ поступающимъ въ студенты давались шпаги, которыя могли носить только дворяне, между тѣмъ по новому указу студенты изъ податныхъ классовъ числились еще въ рядахъ этихъ послѣднихъ, поэтому правленіе и недоумѣвало, можно ли называть ихъ дѣйствительными студентами. Министръ отвѣтилъ, что молодыхъ людей изъ податныхъ сословій слѣдуетъ принимать не въ студенты, а вольными слушателями, шпагъ имъ не носить и казеннаго содержанія имъ не давать. Такимъ образомъ прямо преграждался доступъ въ университетъ лицамъ изъ податныхъ классовъ.

Подготовка студентовъ, какъ намъ приходилось уже упоминать, была очень разнообразна. Принимали воспитанниковъ и изъ гимназій, и изъ главныхъ народныхъ училищъ, и изъ семинарій, и наконецъ лицъ съ домашней подготовкой. Даже въ гимназіяхъ того времени не было однообразныхъ программъ; въ одной гимназіи (Черкасской) преподавались одни предметы, напр. философія, естественное и народное право, политическая экономія, сельское и лѣсное хозяйство, въ другой (Харьковской) эти предметы не преподавались, а взамѣнъ ихъ преподавались фортификація и артиллерія. Въ главныхъ народныхъ училищахъ не преподавался латинскій языкъ. Принимая въ университетъ молодыхъ людей, получившихъ домашнее образованіе, экзаменаторы должны были снисходительно относиться къ ихъ слабымъ познаніямъ въ латинскомъ языкѣ. Въ университетъ попадали и воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, даже заграничныхъ; поступали иногда въ студенты и люди, бывшіе уже на службѣ и имѣвшіе чины.

Въ виду разницы въ степени подготовки студентовъ, университету постоянно приходилось заботиться о пополненіи пробѣловъ въ студенческихъ знаніяхъ, и хотя приготовительный классъ въ 1807 г. былъ закрытъ, но уже въ слѣдующемъ году пришлось открыть особый классъ низшей математики, а затѣмъ и латинскій классъ.

Въ 1809 г. было постановлено, чтобы студенты слушали общій курсъ два года: (на этомъ курсѣ читались: философія, математика, физика, естественная исторія, русская литература, латинская словесность, эстетика, французскій или нѣмецкій языкъ, всеобщая исторія и географія), а въ 1811 г. было установлено, чтобы студенты по выслушаніи общаго двухлѣтняго курса оставались въ университетѣ три года для изученія спеціальныхъ факультетскихъ предметовъ, а на медицинскомъ факультетѣ для спеціальныхъ курсовъ назначено было четыре года. Такимъ образомъ весь университетскій курсъ продолжался пять, а для медиковъ шесть лѣтъ.

Оканчивали университетскій курсъ сравнительно немногіе. Значительная часть студентовъ выходила изъ университета до окончанія курса и шла или въ учителя уѣздныхъ училищъ (преимущественно казеннокоштные), или въ военную и гражданскую службу. Да и изъ прослушавшихъ полный курсъ далеко не всѣ получали степень кандидата. Съ 1808 по 1812 года по всѣмъ факультетамъ выпущено было 37 кандидатовъ. Оканчивающіе курсъ получали мѣста учителей гимназій или тоже опредѣлялись на военную или гражданскую службу. Но даже и неокончившіе курса студенты значительно повышали образовательный уровень той среды, въ которой имъ приходилось дѣйствовать, такъ что и въ этомъ отношеніи вліяніе университета было очень замѣтно.

Современники много говорятъ объ утилитарномъ направленіи, господствовавшемъ среди тогдашняго студенчества. Поступали въ университетъ и даже пріобрѣтали высшія ученыя степени ради служебныхъ преимуществъ. Роммель пишетъ о своихъ слушателяхъ: „Вообще вездѣ высказывалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, въ особенности къ математикѣ, въ которой они оказывали изумительные успѣхи. За то пониманіе высшей философіи и филологіи было почти недоступно имъ". Впрочемъ тотъ же Роммель въ другомъ мѣстѣ самъ говоритъ, что сѣмена классической древности были брошены имъ не на совсѣмъ безплодную почву и филологія открыла нѣсколькимъ лицамъ путь къ дальнѣйшему образованію. Что же касается философіи, то уже одно то обстоятельство, что у Шада было большое число учениковъ, указываютъ, что интересъ къ этой наукѣ былъ. Но въ общемъ, конечно, только меньшинство студентовъ руководилось безкорыстной любовью къ наукѣ, большинство же смотрѣло на свое ученье съ практической точки зрѣнія.

Студенты того времени охотно занимались изящной литературой;—объясняется это частью вкусами современнаго общества, частью вліяніемъ профессора русской словесности Рижскаго. Рижскій былъ типичнымъ словесникомъ своего времени.

По словамъ акад. М. И. Сухомлинова: „Въ филологическихъ понятіяхъ вообще Рижскій держался механической теоріи Бросса, господствовавшей у насъ до весьма недавняго времени и имѣвшей многихъ послѣдователей, отъ Шишкова до Павскаго, не вполнѣ освободившагося отъ нея. Къ мыслямъ Шишкова о русскомъ слогѣ Рижскій питалъ большое сочувствіе, не вдаваясь впрочемъ во всѣ его крайности. Въ лекціяхъ по теоріи словесности Рижскій пользовался отчасти сочиненіями Эштенбурга, Блера, Зульцера. Но главными его руководителями оставались французскіе теоретики, сквозь призму которыхъ онъ смотрѣлъ и на древнихъ писателей. Онъ любилъ ссылаться на Вольтера и на энциклопедистовъ вообще, мнѣнія которыхъ были тогда въ ходу въ нашемъ литературномъ мірѣ. Любимымъ его русскимъ писателемъ былъ Дмитріевъ: въ литературѣ онъ былъ для него такимъ же авторитетомъ, какимъ Шишковъ въ филологіи и статистикѣ". Краснорѣчіе Рижскаго, котораго Роммель называетъ ein berühmter Rhetoricker, привлекало не только студентовъ, но и постороннюю публику. Преподаваніе его сводилось главнымъ образомъ къ изученію реторики. Теоретическія чтенія сопровождались практическими занятіями, въ видѣ разбора литературныхъ образцовъ, а также студенческихъ сочиненій. По словамъ современниковъ, онъ превосходно разбиралъ нѣкоторые псалмы и ирмосы Іоанна Дамаскина. Студенты нерѣдко пробовали свои силы въ области изящной литературы и критики. Въ „Періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія" напечатано было нѣсколько работъ харьковскихъ студентовъ, а именно: „эстетическія замѣчанія на псаломъ 17" Ив. Розальонъ-Сошальскаго, „Гостомыслъ, преклоняющій новгородцевъ на избраніе Рюрика" Н. Архангельскаго, будущаго профессора математики, „Объ искусствѣ краснорѣчія" Н. Токарева и три басни Ак. Нахимова. Нахимовъ пріобрѣлъ даже извѣстность въ литературѣ, преимущественно какъ баснописецъ; другимъ весьма популярнымъ въ то время въ Харьковѣ баснописцемъ былъ Масловичъ. Отечественная война вызвала нѣсколько произведеній въ патріотическомъ духѣ. Студен-

ческія сочиненія и переводы издавались и въ Харьковѣ. Здѣсь вышелъ даже цѣлый сборничекъ прозаическихъ и стихотворныхъ опытовъ студентовъ-донцовъ.

Не чуждались поэзіи и профессора. Преемникъ Рижскаго по кафедрѣ И. Е. Срезневскій сочинялъ стихи, большею частью на различные случаи; стихи эти, правда, не отличались художественными достоинствами, но были довольно гладки.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА.

3. Письма О. М. Бодянскаго.

(1848—1856 гг.).

Для характеристики О. М. Бодянскаго (р. 1808†1876) беремъ изъ новѣйшей біографіи его, написанной г. Сумцовымъ [1]), слѣдующія строки: „Въ характерѣ и въ симпатіяхъ Бодянскаго, во многихъ его научныхъ предпріятіяхъ, въ частныхъ его письмахъ красной нитью проходитъ его украинское происхожденіе. Въ характерѣ выдается малорусская настойчивость и юморъ, въ дѣятельности—наклонность къ малорусской поэзіи и исторіи. Въ письмахъ Бодянскій охотно называетъ себя малороссомъ и вставляетъ часто малорусскія пословицы и поговорки, даже въ письма къ Погодину, которому малорусскія симпатіи Бодянскаго были совсѣмъ чужды. Эти симпатіи, какъ вообще своеобразныя черты характера Бодянскаго, обусловлены были не только малорусскимъ его происхожденіемъ, но и пройденной имъ малорусской семинарской школой....“

Бодянскій не любилъ „копить долговъ письменныхъ“ и въ перепискѣ съ знакомыми и пріятелями былъ аккуратнымъ корреспондентомъ, на что указываютъ уже напечатанныя его письма

[1]) Критико-біографич. словарь русскихъ писат. и ученыхъ, С. Венгерова, V, 51—75. Тутъ же приведенъ и полнѣйшій списокъ всего, что написано Бодянскимъ и о Бодянскомъ.

къ равнымъ ученымъ. Писемъ Бодянскаго къ пріятелямъ и землякамъ до сихъ поръ напечатано очень мало, а между тѣмъ онъ ихъ писалъ много, какъ то указываетъ, напр., количество напечатанныхъ (отвѣтныхъ и вызывавшихъ отвѣты) писемъ Кулиша къ Бодянскому. Къ числу писемъ Бодянскаго, писанныхъ къ землякамъ, принадлежатъ и печатаемыя здѣсь четыре его письма къ земляку и сосѣду Г. П. Г—ну [1]). Письма эти указываютъ на извѣстную близость скромнаго поповича Бодянскаго къ этому богатому *пану*. Мы не знаемъ,—гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ происходило сближеніе Бодянскаго съ Галаганомъ, но несомнѣнно, что главнымъ мотивомъ этого сближенія была любовь обоихъ къ родинѣ, которая и выравнивала ихъ отношенія до обращеній московскаго *бенедектинца* къ полтавскому *помѣщику* въ формѣ„ пане-добродію Грицьку". Къ этому слѣдуетъ прибавить что Бодянскій пользовался большимъ уваженіемъ среди образованныхъ земляковъ, интересовавшихся былыми судьбами своей родины. Одинъ изъ такихъ земляковъ М. И. Ханенко (между прочимъ большой пріятель Г. П. Г—на) писалъ о Бодянскомъ въ 1850 г.: „этотъ ученый выше всѣхъ много и несравненно; онъ трудится, терпитъ, страдаетъ [2]) для нашей родины и дѣлаетъ это съ величайшимъ самоотверженіемъ, въ высокой степени безъинтересно" [3]). Интересно, что переписка Галагана съ Бодянскимъ дальше 1856 года не продолжалась; по крайней мѣрѣ на этомъ годѣ оканчиваются сохранившіяся письма, а сохранялъ письма изъ своей корреспонденціи Г. П. Г—нъ, по-видимому, *всѣ*.

1.

Вчера получилъ я ваше письмо, а сегодня ужъ и отвѣчаю вамъ, пане добродію, Грыцьку! Усе жъ то воно лучче, якъ скы-

---

[1]) Бодянскій былъ родомъ изъ лохвицк. мѣстче. Варвы, находящейся верстахъ въ 30-ти отъ с. Сокиренецъ гдѣ жилъ Г. П. Галаганъ.

[2]) Разумѣется, конечно, исторія съ записками Флетчера. *Ред.*

[3]) Кіевск. Стар. 1891 г., апр., 110.

нешъ зъ шыи, що на ій высне. Отвѣчалъ бы вамъ и вчера, да было засѣданіе въ *Обществѣ историческомъ*, а въ засѣданіи насылу хватыло часу прослебезоваты вашъ лыстъ. Сёгодня одлынуло трошкы отъ души, хоча тежъ строчу оце вамъ не въ своій хати, а въ друкарни, куды забрався, не глядячы на недилю, ще трохы не въ-досвита, а выйду—хиба якъ дивчата вже полягають спаты на вечерныцяхъ. Благодарю васъ отъ всего сердца козацкого за ваши старанія о моемъ бѣдномъ братѣ[1]). Что дѣлать? Протывъ горы не зсыпать пискомъ, а канчукомъ обуха не перебыты. Подождемъ и теперь у бережечку, чы не повіе витерець и на наши парусы. Буде можно, прошу дѣйствовать, при случаѣ, на родственника своего Василія Петровича Тарновскаго. Я бы самъ обратился къ нему съ просьбой, но рѣшительно не знакомъ съ нимъ и не знаю, что онъ такое за человѣкъ. На кіевскихъ не имѣю никакой надежды: тамъ сыдять, якъ бачу, усе брехуны, та дурысвиты, нехай здорови будуть! Тоже самое вижу и въ Полтавѣ: вередують, нибы козакъ чернобрывою. Щобъ воны не дождалы, щобъ я колы ще коло ихъ панькавъ!...

Вы спрашиваете, буду-ли я нынѣшнимъ лѣтомъ дома. Богъ вѣсть, пане Грыцьку. Бажалось бы дуже, але, якъ кажуть то, е въ глеку молоко, та голова не влизе. И николы, и ни съ чымъ, хочъ и було-бы для чого, а найпаче за для свого здоровья, которому не вадыло-бъ звесты духъ пидъ своею ѳилею, дома и на господи; але кажу жъ: рада-бъ душа у рай, да грихы не пускають, або: рада бъ мама за пана, дакъ панъ не бере.. ..

Отъ Мих. Ив. Ханенко получилъ вмѣстѣ съ вашимъ письмо отъ 21 прошлаго мѣсяца. Онъ извѣщаетъ меня и о вашемъ у него пребываніи. Даже Н. А. Маркевичъ, случившійся на ту пору у него, настрочилъ мнѣ отъ себя, извиняясь въ несдержаніи доселѣ своего слова. Авось, когда нибудь и онъ удосу-

---

[1]) Въ 6—кѣ А. М. Л—ого есть экз. диссертаціи О. М. Бодянскаго—*О народной поэзіи славянскихъ племенъ* съ такою подписью: „любезному брату Ѳедору Максимовичу г. Бодянскому—сочинитель. 4-го іюня, 1837. Москва". Вѣроятно объ этомъ братѣ тутъ и говорится.

жится. При случаѣ дѣйствуйте на него для общей пользы. Онъ ужъ, кажется, слишкомъ огречкосѣился; видно однако же, что человѣкъ добрый и умный, и хочъ куды козакъ. Ханенкижъ, вижу, молодцы, особливо Мих. Ивановичъ [1]). Честь и слава ему нынѣ и въ будущемъ, отъ насъ и послѣ насъ! Будетъ чѣмъ его землякамъ за такое радушное содѣйствіе историческому обществу помянуть.

Прошу поклониться отъ меня всѣмъ своимъ роднымъ и всѣмъ, кто только помнитъ меня и не поминаетъ лихомъ.

Будьте живенькы, здоровенькы, та не забувайте вашего найщыршого земляка Иська Бодянского.

1 февраля 1848 г. Москва. Университетская типографія.

2.

Вчера получилъ я ваше письмо и, чтобъ не копить долговъ письменныхъ къ другимъ, отвѣчаю вамъ сегодня на него. Якось легче чоловикови, якъ зкыне якый грихъ зъ шыи.

Деньги 10 р. сер. получены и переданы уже мною сегодня актуарію Общества Ив. Алексѣевичу Дмитріеву, живущему въ самой университетской типографіи, чтобы онъ немедленно же отправилъ на нихъ просимыя вами книжки нашихъ „Чтеній". Судя по тому, что вы уже имѣете, вамъ слѣдуетъ выслать 2-го года 11-ть №№ включительно, т. е. 1846 г. 4, 1847 г. 6, 7, 8, 9 и 3-го года: 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й, вышедшія доселѣ, кои всѣ стоятъ безъ пересылки 13 р. 40 к. сер., какъ это увидите изъ счета актуарія. Къ нему-же лучше всего можете всякій разъ обращаться и впередъ, по адресу, находящемуся на каждой оберткѣ книжки „Чтеній". Вѣрнѣе и покойнѣе будетъ поручить ему, однажды навсегда, высылать каждый № „Чтеній" тотчасъ по выходѣ къ вамъ, въ Прилуку, а слѣдующее за то либо взнесть за годъ впередъ, либо же послѣ полученія всѣхъ книжекъ (9-ти), стало быть въ іюнѣ мѣсяцѣ, потому что съ

---

[1]) О Мих. Ив. Ханенкѣ см. Кіевск. Стар. 1891 г., апрѣль, 102.

іюня по сентябрь не бываетъ засѣданій въ обществѣ по случаю вакацій, и маемъ всегда заключается годъ, какъ сентябремъ открывается. Книжки *Чтеній* являются каждый разъ послѣ засѣданій, безъ коихъ не можетъ быть и ихъ самыхъ, или же, въ противномъ случаѣ, должны-бы перемѣнить свое названіе („Чтеній") и тогда выходить, по примѣру прочихъ журналовъ, съ 1-го генваря, но за то онѣ не были-бы отраженіемъ общества. Я потому совѣтую вамъ обратиться къ актуарію, что онъ человѣкъ у меня самый отчетливѣйшій и удовлетворяетъ въ этомъ отношеніи довольно многихъ. Если-бы вамъ вздумалось выслать ему впередъ деньги, то вотъ мѣрило, которому можно приблизительно слѣдовать: каждая книжка, по большей части, продается по рублю серебромъ, вѣсовыхъ за 3 ф., всѣхъ книжекъ въ годъ (съ сентября по іюнь) 9-ть, слѣдоват.—недостающее можете по истеченіи года дослать, возобновляя выписку „Чтеній". За цѣной всегда можно слѣдить по самымъ книжкамъ, на коихъ (на обверткѣ) выставляется каждой цѣна. Иная книжка, въ случаѣ толщины ея, дороже рубля серебромъ, но это бываетъ рѣдко, очень рѣдко, но ни одна не ниже рубля серебромъ. Кажется, я все высказалъ вамъ по этому обстоятельству и считаю только нужнымъ извиниться въ томъ, что, при всемъ моемъ горячемъ желаніи взять это дѣло прямо на себя, никакъ не могу, боясь денежныхъ счетовъ, съ кѣмъ бы то ни было, пуще огня и смерти. Я плохой математикъ и вообще цифирщикъ; при томъ могу, при другихъ хлопотахъ, нечаянно забыть, а это въ дѣлѣ журнальномъ особливо въ деревнѣ не слѣдуетъ допускать: „дорого яичко къ Великому дню". Я даже отправленіе къ роднымъ своимъ поручилъ актуарію по той-же самой причинѣ.

Извѣстіе ваше о Носенкѣ-Бѣлецкомъ поразило меня. Пожалуйста, не выпускайте изъ виду его трудовъ [1]). Охотнѣйше

---

[1]) Говорится о Павлѣ Павловичѣ Бѣлецкомъ-Носенкѣ, какъ видно, въ это время умершемъ, авторѣ многочисленныхъ сочиненій, большею частью оставшихся въ рукописи. Перечень этихъ писаній см. у Петрова, Очерки истор. Укр. лит. 36—56. Сынъ П. П. Б.—Н—ка Петръ П—чъ предлагаетъ въ 1857 г. Кулишу издать

предложу, во всякое время, свои услуги къ изданію ихъ, буде г. Маркевичъ не позаботится о томъ самъ. Подобныя дѣла не слѣдуетъ скрывать подъ спудомъ, а тѣмъ болѣе долго.

Вообще просилъ и прошу дѣйствовать на г. Маркевича. Говорятъ, что онъ благонамѣреннѣйшій изъ благонамѣреннѣйшихъ, но Богъ вѣсть почему чрезвычайно тяжелъ на подъемъ. У него надо брать, за что самъ же, де, послѣ благодаритъ, а дать своею рукою—не въ состояніи отъ лѣнила, или отъ чего другого. Рукопись, въ которой описывается нашъ край (Прилуцкій и смежные), мнѣ по сю пору неизвѣстна; весьма любопытенъ же знать, будучи самъ оттуда, и тиснуть, хоть-бы она и не заключала особенной исторической важности, уже по этому одному обстоятельству.

Бувайте жывеньки, здоровеньки, та не забувайте вашого нанщыршого земляка І. Бодяньского.

^{6}/ш, *48. Москва. Университетская типографія.*

3.

Пане землякъ Грыцьку! Щожъ оце ты замовкъ, да ще такъ довго? Хочъ бы въ хату, якъ кажуть то, черезъ поригъ наплювавъ! Чы, може, завозывся дуже зъ тымы панамы та паненятамы, що воны тебе тамъ поставылы головою соби? Бувай здоровъ и зъ симъ панствомъ, а зъ ёго да ще въ бильше, хочь и въ самый верхъ! Але тилькы, паноньку, не треба и насъ забувать не дуже, правда, велыкыхъ и страшныхъ, а все такы не зъ килочка и може инколы, якъ тая мышка львови, и мы якому пану знадобымося, на прыгоди будемо. Одже то я зусимъ не

сочиненія своего отца, но К—шъ отвѣчалъ отказомъ по той причинѣ, что „всѣ вообще малороссійскія книги идутъ очень тупо, по ограниченному числу любителей родной литературы“. А когда П. П. Б. Н—ко спросилъ мнѣніе Кулиша объ изданіи сочиненій отца на свой счетъ, то Кулишъ отвѣчалъ: „Рассмотрѣвъ сочиненія вашего отца, я, по моему крайнему разумѣнію, думаю, что они, будучи напечатаны, заинтересують немногихъ. Поэтому считаю долгомъ предупредить васъ, что отъ распродажи книгъ едва ли выручится сумма, которую вы употребите на изданіе“. (Изъ рукописи. писемъ К—ша, присланныхъ въ редакцію г. Б.-Носенкомъ).

объ тимъ налагодывся говорыты зъ тобою, а звивъ на проповидь попа въ церкви, що знай парахвіянамъ товмачыть, якъ то негарно и гришно величаться чоловикови, що не треба плюваты въ колодезь и тому подобны святіи.... мыслонькы и правдонькы. Я хотивъ тилькы зпытать тебе просто и безъусёго, чы жывъ та здоровъ, що не промовышъ ни словечка до нашого брата на Московщыни? Колы не хочешь самъ говорыты, такъ мы до тебе де-що промовымо. Ось слухай же, добродію!

Пышуть мыни, що отамъ десь пидъ Ромномъ, у насъ, жыве якыйсь Полетыка, унукъ чы що таки жъ того Полетыкы, що владыка Георгій пысавъ для ёго свою „Историю Русовъ", якъ самъ здоровъ знаешъ. Одже, буцимъ, той унукъ, чы якъ тамъ, мае у себе самую лучшую копію того ёго спысу. Чы не маешъ, паноньку, якои дорогы до того Полетыкы, щобъ у ёго позычыты мисяцивъ на тры ёго копіи мыни? Бачъ я и доси ще не выпускаю одъ того Кониського, що все мавъ надію достаты якъ небудь оцю копію [1]). Якъ бы я іи мавъ, заразъ-бы зривнявъ и що треба перепечатавъ, а колы багацько не похожого—и на нове-бъ напечатавъ. Не забувай, земляче, що говорять наши люды: куй зализо, покы горяче, и деры лыко, покы дерется. Аминь!

Друге слово до тебе: чытаю, що учытель у Прылуци руського языка Деда выйшовъ на покойный жывитъ. А мій братяга-небижъ рокивъ зо тры якъ добывается цёго миста, але не можна було, покы Деда на ёму сыдивъ. Теперь воно порожне, и братяга мій подавъ уже просьбу, щобъ его перевелы у Прылуку. Чы не може̄ть тутъ ниддать якого пылу почетный смотритель, котрый, якъ ты пысавъ тамъ мыни колысь, родычъ, чы якыйсь тамъ знакомый тоби? Колы може—прызнайся до ёго, голубоньку, за мого нетягу брата! Воно, бачышъ, дуже було-бъ

---

[1]) На выходномъ листѣ Исторіи Русовъ значится 1846 г., а это письмо писано въ 1848 году... Слѣдуетъ думать, что Бодянскій говоритъ о „невыпускѣ" отдѣльныхъ книгъ „Исторіи Русовъ", такъ какъ напечатанная въ „Чтеніяхъ", она вышла въ свѣтъ въ 1846 г., какъ то видно и изъ письма Ригельмана 1816 г. (К. Ст. с. г., май, 185).

для его се на руку, бо черезъ тее бъ винъ жывъ подъ бокомъ у своеи и маты-ненькы старенькои, що, якъ самъ поздоровъ тебе Боже знаешъ, неплёване дило для матусенькы и іи мизерного збижжя. Будь ласкавъ, колы можна! Посылаю тоби ти кныжкы „Чтеній“, которыхъ у тебе немае писля послиднёи засылкы. Гроши за ихъ не мыни, а пану актуаріеви слидують, которому у свій часъ и вышлы; а скилькы—подывыся на балятуркы кныжокъ, да и зличы!

Бувай здоровъ, пануй самъ зъ собою и зъ своимы ридными и кривнымы, та не забувай щырого твого земляка Иська Бодянського. Кланяйся усимъ, хто тамъ мене ще не забувъ, а найбильше и найныжше своій старенькій неньци пани-матьци

Року 1848, юня 24 дня. Москва.

4.

Изъ прилагаемаго при семъ письма ко мнѣ одного изъ цензоровъ нашего цензурнаго комитета, вы увидите, что отыскиваемыя вами „Малороссійскія пѣсни съ напѣвами“ находятся теперь у жены князя Львова, умершаго еще великимъ постомъ, 22 марта. Къ сожалѣнію, я не могу обратиться къ этой послѣдней, будучи съ ней вовсе незнакомъ; по на дняхъ, увидѣвшись съ лицами, которыя по моему предположенію, извѣстны ей сколько нибудь, попрошу ихъ похлопотать объ отправленіи въ цензурный комитетъ и этого, тѣмъ болѣе, что прочія книги и рукописи, бывшія у супруга ея, отосланы имъ самимъ, говорятъ, недѣли за двѣ до кончины, попринадлежности. Вѣроятно, ваша посылка пришла въ цензуру, а изъ нея передана ему, въ то время, когда онъ находился уже при послѣднихъ дняхъ, и передана не какъ принадлежащая цензурѣ, но какъ вещь совершенно посторонняя; жена же, не зная ничего объ этомъ, разумѣется, оставила ее у себя. Мнѣ кажется, дѣйствительнѣе всего въ этомъ случаѣ было бы попросить вамъ С. А. Маслова, съ которымъ, кажется, вы близки, или-же графа П. Е. (Комаровскій), который съ покойникомъ въ послѣднее время находился въ найлучшихъ отношеніяхъ по Обществу сельскаго хозяйства, чтобы онъ съѣздилъ за ними къ женѣ его и потомъ

передалъ бы мнѣ, а я бы уже внесъ ихъ лично въ цензуру и попросилъ бы просмотрѣть того изъ цензоровъ, кого знаю за лучшаго для подобнаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что они будутъ пропущены безъ всякаго изуродованія и въ самое короткое время [1]). Мнѣ странно, почему вы съ самаго начала не поручили мнѣ этого. Путь, избранный вами, какъ видите, оказался несостоятельнымъ. Даже и въ томъ случаѣ, когда бы тутъ не замѣшалась беззубая съ своей косой, едва-ли бы это дѣло обошлось, какъ вы желали и какъ бы ему слѣдовало быть, потому, что князь послѣ той передѣлки, къ которую попалъ было по случаю „Записокъ охотника" (Тургенева), сдѣлался чрезвычайно мнительнымъ и придирчивымъ. Но у насъ есть теперь одинъ цензоръ [2]), который чуждъ того и другаго, такой, какого только можетъ желать каждый благонамѣренный писатель въ копіи. Ему-то я поручу ваше добро, буде вамъ угодно это: если ужъ онъ не сдѣлаетъ желаемаго вами и нами, то навѣрное въ нынѣшнее время никто другой не сдѣлаетъ того. Вообще, и разъ навсегда, прошу васъ въ подобномъ случаѣ всегда располагать мною на всей своей волѣ, пане земляче! Въ противномъ случаѣ, при неудачѣ,—не пеняйте ни на кого, а на одного самого себя. Намъ, столичанамъ, письменство и всѣ его мытарства знакомѣе, чѣмъ вамъ, жителямъ отдаленной, но благословенной Малороссіи, къ которой каждый годъ, въ теченіе десятилѣтія, собираюсь и каждый годъ что нибудь непреодолимое задержитъ меня. Ну хоть-бы и теперь: совсѣмъ было порѣшилъ,—анъ какъ на зло, вѣнчальная процессія въ Кремлѣ нагонитъ въ Бѣлокаменную со всѣхъ сторонъ тучи люду, а съ нимъ и такого, который те не те, а знай буде тягаты нашого брата по всимъ усюдамъ.

Бувайте-жъ жывенькы, здоровеньки, благополучны зъ усіею своею родыною, котрій ныженько кланяюсь, та и не забувайте вашого щырого земляка, О. Бодянскаго.

Москва. Апрѣля 27 дня, 1856 г.

---

[1]) Говорится объ изданномъ Галаганомъ *сборникѣ малороссійскихъ пѣсенъ съ голосами.*

[2]) Несомнѣнно, что рѣчь идетъ о популярнѣйшемъ тогда цензорѣ Н. Ф. фонъ-Крузе. *Ред.*

„СУДЬБА“.

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“. *Грибоѣдовъ.*

I.

О. Петръ Преполовенскій только что пробудился отъ послѣобѣденнаго сна. Было около четырехъ часовъ: въ это время обыкновенно у о. Петра пили чай. Онъ прошелъ въ столовую—самовара еще нѣтъ. Въ домѣ тишина, какъ будто все вымерло.

— Гдѣ-же это матушка моя? И дѣтей что-то не видно! Должно быть въ садъ ушли—рѣшилъ о. Петръ и подошелъ къ окну. На дворѣ стоялъ октябрь. Листья на деревьяхъ частью пожелтѣли, частью осыпались. Природа, сбросивши съ себя зеленый покровъ, какъ будто умирала; только кое-гдѣ, подъ частоколами, зеленѣла еще крапива. Голубое небо озарилось красноватымъ отблескомъ заходящаго солнца; на дворѣ возлѣ колодца поили лошадей.—О. Петръ надѣлъ шляпу и вышелъ въ садъ. При входѣ въ садъ, возлѣ заваленки, стояла кухарка Мавра и крошила „гарбузы“ для коровъ.

— „Ты, Мавро, не дуже-но поспишайся зъ гарбузамы, теперъ ще й кропывкы можна було бъ потроху, по-пидъ частоколамы, назбираты. Прыйде зима, чымъ тоди коривъ будемо годуваты?.. А чы не бачыла ты, куды матушка зъ барышнямы пишлы?“—обратился о. Петръ къ Маврѣ.

— Въ саду матушка и барышни зъ нымы! Отъ и йдуть воны,—отвѣтила Мавра, и ножъ еще быстрѣе заработалъ въ ея рукахъ. На встрѣчу о. Петру шла матушка и съ нею три дѣвушки, дочери о. Петра.

— Ты давно уже всталъ, о. Петръ?—обратилась матушка. Небось чаю уже захотѣлъ?

— Только что всталъ, вышелъ въ столовую—самовара нѣтъ. Думалъ, и вы всѣ, послѣ обѣда, въ объятіяхъ Морфея..

— Ахъ, папа! Развѣ можно спать въ такой чудный день. Прійдетъ зима—выспимся еще... сказала, меньшая дочь о. Петра, Соня.

— Пользуйтесь, пользуйтесь, дѣтки, погодой: пойдутъ дожди—сидѣть въ комнатахъ будете, да романы читать!—И о. Петръ, посмотрѣвъ на старшую дочь Анну, улыбнулся.

— Что вы, папа! Развѣ я только одни романы читаю?

— Я не въ укоръ тебѣ Аня!—развѣ въ романахъ худое что? Во всякой книжкѣ можно найти и худое, и хорошее. Да и дѣлать-то что вамъ, какъ не читать? Хозяйки вы у меня не большія, да и нахозяйничаетесь еще: выйдете замужъ, надоѣстъ еще хозяйство это.

— А вотъ я и не выйду замужъ! заговорила Соня.—Развѣ непремѣнно нужно замужъ идти? Въ самомъ дѣлѣ большое счастье замужемъ! Вотъ Оля Колесницкаго вышла въ прошломъ году,—что съ нея сдѣлалось?

— Не всѣмъ же судьба такая, какъ Олѣ!—заговорилъ о. Петръ. Испытаніе Божіе ей! Его святая воля—вѣсть бо, что творитъ. Во спасеніе то эта жизнь ей, можетъ быть, будетъ.. А отъ замужества, Соня, не зарекайся! Далъ бы Господь хорошаго человѣка. Ну, да тебѣ и пообождать еще можно,—далъ бы Всевышній Аню намъ пристроить! Охъ-хо-хо-охъ! Трудно теперь на свѣтѣ жить!

Аня вся закраснѣлась. Ей уже давно перевалило за двадцать пять. Лѣтъ семь ее уже выдаютъ замужъ. Были и женихи, да все неподходящіе: тотъ безъ прихода, тотъ и получилъ приходъ—да приходъ очень бѣдный; а то и совсѣмъ неокончившіе

семинаріи; были чиновники, писцы—за этихъ о. Петръ и самъ ни за что не отдалъ бы.

Матушка посмотрѣла на Аню и, любовно потрепавъ ее по щекѣ, поцѣловала:

— Голубка ты моя! Послалъ бы уже Господь судьбу тебѣ!

Много разъ Аня слышала про эту „судьбу". И каждый разъ ей казалось, что ее хотятъ, какъ-нибудь, поскорѣе сбыть: „съ рукъ бы только". Она и сама сознавала, что ей бы слѣдовало выйти замужъ: двѣ младшія сестры—невѣсты уже; старшая—помѣха только! Можетъ быть кто-нибудь и посватался бы къ одной изъ меньшихъ,—не отдадутъ! Самолюбіе родительское пострадаетъ. Одинъ было посватался къ Сонѣ, но о. Петръ и руками и ногами: „бери старшую, развѣ Аня чѣмъ тебѣ не жена! Поискать такой: и собой хороша̀, и небезприданница какая, и хозяйка... А младшей, раньше Ани, не выдамъ!" Такъ женихъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. О. Петръ, сохраняя старыя традиціи, хотѣлъ дочерей по старшинству отдавать.

Нервы Ани не выдержали: сегодня ей чего-то особенно грустно было; и такою одинокою почувствовала она себя въ этотъ осенній, тихій вечеръ. Долго она смотрѣла на заходившее солнце, ей казалось, что и ея жизнь скоро зайдетъ... Еще годъ-два—и она старая дѣва! Пока родители живы—еще ничего, а не дай Богъ несчастья... Въ приживалки тогда къ сестрамъ идти, или же въ просфорницы... И слезы показались у нея на глазахъ.

— Полно, голубка моя! Полно, успокойся! уговаривала ее матушка.—Успокойся, да пойдемъ чай пить! Папа давно уже хочетъ чаю, а ему никто такъ не приготовитъ, какъ ты. Пойдемъ, моя ясочка!

Всѣ отправились въ столовую. На столѣ кипѣлъ самоваръ, и Аня, утирая слезы, принялась приготовлять чай.

Только что усѣлись за чай, какъ послышался стукъ подъѣзжающаго экипажа. О. Петръ поднялся изъ-за стола и подошелъ къ окну.

— Лошади что-то незнакомые,—заговорилъ онъ: кто-бы это могъ быть? Экипажъ городской...

— Да ты вышелъ-бы, дверь отворилъ, о. Петръ!—сказала матушка, подходя къ окну.

О. Петръ пошелъ отворять дверь. Изъ экипажа вышелъ молодой человѣкъ и направился къ крыльцу.

— Чиновникъ какой-нибудь, должно быть,—заговорила матушка,—а можетъ быть и „окончившій"! Вы бы пріодѣлись немножко,—придется къ чаю попросить!

— А можетъ быть ему въ залу чай подать? А то такъ не хочется одѣваться.—сказала вставая Соня.

За нею поднялись и Аня съ Сашей.

— Ты, Аня, розовое надѣнь, оно тебѣ къ лицу! сказала матушка, провожая дочерей глазами.

— Это, Аня, „судьба" къ тебѣ пріѣхала!—смѣялась, одѣваясь, Соня.—Ты же смотри, не очень раскисай отъ медовыхъ рѣчей. Если не понравится, то скажи только мнѣ—а я ужъ устрою такъ, что онъ не посватается къ тебѣ!

Анна Петровна укоризненно посмотрѣла на сестру, и слезы выступили у нея на глазахъ:

— Хоть бы ты, Соня, пощадила! Вѣдь такъ можно жизнь человѣку отравить: судьба, да судьба! Какъ будто мы и созданы лишь для того, чтобы „судьбу" свою выжидать.

— „Отъ судьбы не уйдешь"—и пословица говоритъ. А ты не хнычь, Аня; не понравится—не пойдешь. А можетъ быть онъ какъ разъ красивый, умный... Понравится—выйдешь замужъ и будешь счастлива... Право, такая тутъ скука, что отъ скуки одной можно выйти замужъ; хоть перемѣна мѣста будетъ! Будетъ тебѣ, Аня, грустить, приколи мнѣ лучше бантикъ!

— Соня, ты съ ума сошла!—заговорила Саша.—Развѣ можно къ голубому платью пунцовый бантъ?

— Ничего, Саша,—это аллегорія! Этотъ бантъ будетъ изображать изъ себя пылающее сердце и навѣрное обратитъ „его" вниманіе, и „онъ" начнетъ за мной ухаживать. Все Аню избавлю отъ лишнихъ объясненій. Если же онъ окажется интереснымъ и понравится Анѣ,—тогда я сниму свое оружіе.

— Ахъ, стрекоза ты, стрекоза! И Аня принялась пришпиливать бантъ.

Пунцовый бантъ былъ приколотъ, и сестры вышли въ столовую. На встрѣчу имъ поднялся молодой человѣкъ.

— Имѣю честь рекомендоваться: Яковъ Осиповичъ Смарагдовъ!—проговорилъ онъ и галантно раскланялся, пожимая дѣвицамъ руки.

— Окончившій курсъ семинаріи,--добавилъ о. Петръ.— Племянникъ о. Исидора Миклашевскаго!

Соня быстро переглянулась съ Анной Петровной: дескать „женихъ"! И всѣ усѣлись за столъ.

Ты уже, Аничка, чаемъ займись! Она у меня, Яковъ Осиповичъ, хозяйка! Никто такъ по хозяйству не справится, какъ Аня,—проговорила матушка и любовно посмотрѣла на дочь.

Аня подошла къ самовару и начала разливать чай.

II.

Яковъ Осиповичъ Смарагдовъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти: средняго роста, съ правильными чертами лица, слегка вьющимися, каштановыми волосами и вздернутымъ, красноватымъ носомъ. Если-бы не красноватый носъ,—видъ его былъ-бы довольно приличенъ.

— Такъ вы, Яковъ Осиповичъ, вчера только отъ о. Исидора?—обратился о. Петръ къ Смарагдову.

— Вчера. Получилъ извѣстіе изъ консисторіи, что освободился приходъ с. Клитище,—чтобы поспѣшить. Я вчера чуть свѣтъ и выѣхалъ. Знаете, о. Петръ, какъ теперь трудно получить приходъ: особенно, если приходъ хорошій,—отвѣтилъ Яковъ Осиповичъ.

— Трудно! О—охъ какъ трудно! Клитище-то, кажется, и приходъ не дурной,—пятаго класса?

— Пятаго. Приходъ хорошій! Покойный о. Стефанъ тысячъ пятнадцать послѣ себя оставилъ.

— Ска—ажите! Ну, а надежда у васъ на Клитище есть? Дадутъ?

— Былъ вчера у Преосвященнаго,—обнадежилъ. Невѣсту только, сказалъ, искать, а приходъ за мной остается. И разрѣшеніе выдали на вступленіе въ законный бракъ.

— Приходъ хорошій—заговорилъ, задумчиво, о. Петръ. Трудно теперь молодому человѣку приходъ такой сразу получить! На старость и то трудно перевестись на лучшій приходъ.—Народа много,—всюду тѣснота! Вамъ, значитъ, за невѣстой только и остановка теперь?—Радъ буду услужить о. Исидору; погостите у насъ—поѣдемъ кое-куда. У насъ, слава Богу, дѣвицъ много въ окрестности: у о. Симеона двѣ взрослыхъ дочери, у о. Филарета одна, у о. Мельхиседека...

— Охъ, гляди о. Петръ: „свату первая чарка—первая же и палка!“ какъ говорится въ пословицѣ,—погрозила ему матушка пальцемъ.

— Я и не берусь въ сваты—только повезти да показать. Почему и не повезти человѣка? У самого глаза есть: по душѣ будетъ дѣвица—возьметъ, а нѣтъ—такъ губернія не малая: и въ другомъ мѣстѣ найдетъ!—возражалъ о. Петръ, благодушно улыбаясь.

Нѣтъ, о. Петръ, я уже на васъ надѣюсь: человѣкъ я неопытный въ этихъ дѣлахъ! О. Исидоръ такъ и говорилъ: „поѣдешь къ о. Петру, онъ тебѣ невѣсту найдетъ, не откажетъ мнѣ, старинному пріятелю“. На васъ у меня вся надежда, о. Петръ!

— Что-же? Я радъ! Душевно радъ помочь вамъ въ добромъ дѣлѣ. Повезти-повезу; посмотрите, можетъ быть и найдется по душѣ дѣвица.

Соня все время кусала губы, еле сдерживаясь: давно уже ей хотѣлось расхохотаться; она то и дѣло посматривала на Анну Петровну и наконецъ не выдержала и разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Чего ты стрекоза? Смѣшно тебѣ, что человѣкъ собирается жениться? Придетъ и твоя пора,—не будешь тогда смѣяться!—обратился наставительно о. Петръ къ Сонѣ.

— Фи, Соня! Какъ тебѣ не стыдно! Какъ маленькая!— заговорила шепотомъ матушка.

Соня перестала смѣяться и, немножко посидѣвъ, вышла въ другую комнату, куда черезъ минуту позвала къ себѣ Анну Петровну.

— Ну, какъ Аня? Нравится тебѣ „судьба" эта? Чего ты смѣешься? Онъ, право, довольно красивъ; носъ только немножко красный, но это, должно быть, отъ вѣтра.

— Онъ же не къ намъ пріѣхалъ: его папа повезетъ сватать, развѣ ты не слышала!

— Это только отговорки однѣ,—не скажетъ-же онъ: „къ вамъ пріѣхалъ свататься". Вотъ увидишь, что въ концѣ концовъ онъ непремѣнно сдѣлаетъ кому нибудь изъ насъ предложеніе.— Ты посмотри, если понравится, то я свое оружіе сниму!—И Соня показала на свой бантъ.

— Будетъ тебѣ, Соня! А то вы мнѣ такъ всѣ надоѣли, что я право разсержусь и за перваго встрѣчнаго, кто сдѣлаетъ предложеніе, выйду...

— Нѣтъ, я не шучу—онъ посватается у насъ.. Выходи Аня—онъ красивъ, приходъ хорошій... А тамъ и Саша выйдетъ и я... Надоѣло это сидѣнье на одномъ мѣстѣ! Только скучно будетъ безъ тебя, Аничка!—грустно проговорила Соня, припавъ къ Аннѣ Петровнѣ, и начала ее цѣловать. Слезы закапали изъ ея глазъ.

— Что-ты, Сонечка? Полно тебѣ! какая ты странная: то хохочешь, то плачешь. Какъ будто уже дѣло рѣшенное, что ты меня оплакиваешь. Онъ, можетъ быть, совсѣмъ не съ тѣмъ и пріѣхалъ къ намъ...

— Съ тѣмъ! съ тѣмъ, Аничка—я знаю. Будь-же счастлива!—И Соня крѣпко прижала къ себѣ сестру, поцѣловала ее и, вытеревъ слезы, сказала:

— А теперь идемъ, а то мама сердиться будетъ!

Сестры вошли въ столовую. За самоваромъ сидѣла матушка съ Сашей. О. Петръ и Яковъ Осиповичъ ушли въ залъ.

— Ты, Соня, никакъ не можешь воздержаться отъ своихъ глупостей!—напустилась на Соню матушка.—Новый человѣкъ, въ первый разъ только пріѣхалъ въ домъ,—что онъ можетъ подумать? Стыдись! Пора бросить эти дѣтскія шалости, не маленькая уже!

— Я, мамочка, не могла удержаться: какъ вспомнила про „судьбу“, такъ и расхохоталась.

— А ты не смѣйся! Нечего смѣяться. Судьба?—Что-же такое, что судьба! Послалъ-бы Господь такого человѣка,—лучше и желать нечего: изъ себя видный, приходъ пятаго класса, окончилъ студентомъ, племянникъ о. Исидора... Днемъ съ огнемъ не сыскать такого человѣка!

— Я, мама, ничего... Но только мнѣ смѣшно очень сдѣлалось...

— А ты вотъ, чѣмъ смѣяться, пошла-бы лучше въ залу, да разговоры поддерживала; а то и на фортепьянахъ поиграла-бы! Идите въ залу, а то подумаетъ, что и людей вы никогда не видали, что прячетесь.

Дѣвицы вышли въ залъ. О. Петръ сидѣлъ молча,—тема, должно быть, истощилась. Онъ сразу повеселѣлъ, когда вошли дочки.

— Ты бы, Соня, на фортепьянахъ намъ что нибудь изобразила!—обратился онъ къ Сонѣ.—Сыграй-ка „Москву!“

— А вы играете? Сыграйте! Я такъ люблю музыку, сыграйте!—упрашивалъ Соню Смарагдовъ.

Соня долго отговаривалась, наконецъ сѣла за старый разстроенный клавесинъ и заиграла „Москву“. О. Петръ вышелъ въ столовую. Соня какъ-то наскоро отбарабанила „Москву“ и, вся красная, вернулась къ сестрамъ.

— Какъ-же вы чудно играете,—заговорилъ Смарагдовъ—сыграйте еще что нибудь!—просилъ онъ.

Но Соня отказалась.

— Скажите пожалуйста, въ вашихъ краяхъ очень весело проводятъ время?—Мнѣ о. Исидоръ говорилъ, что у васъ тутъ всегда весело; часто вечера бываютъ, танцы—обратился Смарагдовъ къ дѣвицамъ.

— Нѣтъ, чтобы очень весело—нельзя сказать. Осенью, когда храмовые праздники, тогда весело бываетъ; а остальное время скучно—сказала Анна Петровна.

Барышень у васъ много—не можетъ быть скучно! А вотъ у насъ такъ скука! Я цѣлое лѣто прожилъ у о. Исидора, а за все время и потанцовать нигдѣ не удалось!

— А вы любите танцовать?—спросила Соня.

— Кто-же не любитъ танцовать!—усмѣхнулся Смарагдовъ.—Что вы, Софья Петровна, такъ удивленно на меня смотрите?

— Такъ... Я ничего... Семинаристы вообще рѣдко танцуютъ... Я потому...—смѣшалась Соня.

— Я не принадлежу къ таковымъ: я люблю и музыку, и танцы. Вѣдь въ этомъ ничего дурного нѣтъ? Правда?

— Конечно нѣтъ, развѣ грѣшно веселиться!—сказала Соня и засмѣялась.

— И Давидъ „скакаше играя"—проговорилъ о Петръ, входя съ матушкой.—Что-же это ты, Соня, не поиграешь? Сыграй-ка „Лучинушку", или „Персидскій маршъ!"

— Ахъ, папа, эта уже такъ надоѣло!

— А ты съиграй и спой, все веселѣе будетъ!

Соня сѣла играть. Къ ней подошелъ Смарагдовъ и, когда она окончила „Лучинушку", попросилъ ее съиграть „Не брани меня, родная".

— А вы пѣть будете?—спросила Соня.

— Буду. Хотя я и плохо пою, но я люблю пѣніе.

Соня играла „Не брани меня, родная", Смарагдовъ пѣлъ. Голосъ у него былъ небольшой, но довольно пріятный. Послѣ „Не брани" онъ спѣлъ еще „Москву". Къ концу вечера всѣ почувствовали, какъ будто они давно знакомы съ Смарагдовымъ. Играли въ разныя игры, пѣли—всѣмъ было весело.

О. Петръ тоже разошелся и къ ужину принесъ графинъ старой вишневки. Развеселившись отъ выпитой въ значительномъ количествѣ вишневки за ужиномъ, разговорились о знакомыхъ, о родственникахъ; оказалось, что Смарагдовъ почти всѣхъ знаетъ. Когда разошлись спать, было далеко за полночь.

О. Петръ, раздѣваясь, говорилъ матушкѣ:

— Хорошій видно человѣкъ Смарагдовъ! Да и не прислалъ-бы о. Исидоръ кого-нибудь непутёваго...

— Можетъ Господь и устроитъ судьбу Ани! Далъ-бы то Милосердный!—вздыхала матушка.

— На все Господня воля,—будемъ надѣяться!

— А я тебѣ скажу, о. Петръ, не вези ты его никуда! Хочетъ—пусть самъ себѣ ѣдетъ! Повезешь въ Сокоринцы—Оля его скоро окрутитъ. Бой-дѣвка! Не то, что наши тихони. Да и о. Филаретъ, знаешь какъ онъ жениховъ ловитъ; какъ узнаетъ про такой приходъ—не выпуститъ его...

— Ну, ты всегда что нибудь выдумаешь! Нельзя же его держать у себя все время: пусть поѣдетъ, посмотритъ,—а то что люди скажутъ? Скажутъ: „Поймали и окрутили человѣка—оглянуться не дали!“ Лучше пусть самъ посмотритъ. На все Божья воля!

— Какъ знаешь, а только по моему не рука тебѣ возить его: у самого три невѣсты...

— Я завтра повезу его къ о. Филарету—пусть посмотритъ. Парень онъ не такой, чтобы окрутить его можно было—тертый видно, хоть и семинаристъ! Только я тебѣ скажу, большая у меня надежда на него есть: такъ онъ посмотрѣлъ на Аню... Далъ бы то Господь! И о. Петръ перекрестился. — Будемъ спать!

— Жито у насъ не перемолочено,—въ случаѣ чего придется и въ казначейство ѣхать...,

— Это ты на счетъ чего-же?

— А если Господь устроитъ...—начала матушка.

— Объ этомъ думать нечего... Далъ-бы только Господь, чтобы устроилось, а на первое время у меня кое-что найдется...

Сестры тоже долго не спали: все говорили о. Смарагдовѣ. Всѣмъ онъ очень понравился; Аня рѣшила, если онъ сдѣлаетъ ей предложеніе,—выходить за него.

— Выходи, Аня! Онъ, кажется, славный... Только не раскисай очень. А то ты сейчасъ и раскиснешь и дѣлай съ тобою что хочешь!—наставляла сестру Соня.

— Если онъ хорошій человѣкъ, то не будетъ пользоваться тѣмъ, что я слаба характеромъ!

— Такъ-то оно, такъ! Всѣ они хорошіе, а все-же лучше, чтобы онъ видѣлъ, что ты человѣкъ съ характеромъ, самостоятельный человѣкъ, а не кваша!

Долго еще говорили сестры на тему о замужествѣ и уснули,—когда утренній свѣтъ забрезжилъ въ окно.

III.

На другой день, послѣ обѣда, о. Петръ съ Смарагдовымъ уѣхали къ о. Филарету.—О. Филаретъ былъ дома. Когда о. Петръ отрекомендовалъ ему Смарагдова—„окончившимъ", тотъ принялъ ихъ очень любезно. Онъ понялъ въ чемъ дѣло: о. Петръ привезъ „окончившаго",—значитъ жениха.—О. Филаретъ пригласилъ гостей въ залъ, усадилъ ихъ, а самъ прошелъ къ женѣ и предупредилъ ее, что о. Петръ привезъ жениха,—чтобы Оля пріодѣлась.—Когда появилась Оленька, Смарагдовъ былъ совершенно пораженъ... Она была въ дорогихъ сережкахъ, съ браслетами, кольцами на рукахъ, и въ новомъ, лиловомъ, шелковомъ платьѣ. За чаемъ Смарагдовъ разговорился съ нею, и когда окончивъ чай они ушли въ залъ, то бесѣдовали уже совершенно непринужденно, какъ давно знакомые. О. Филаретъ, оставшійся съ о. Петромъ въ столовой, распрашивалъ послѣдняго о Смарагдовѣ:

— Вы говорите, онъ студентомъ окончилъ?

— Студентомъ. Да иначе какъ-бы и приходъ ему такой дали?—Пятаго класса приходъ!

— Ну, приходъ-то еще ничего не доказываетъ: о. Исидоръ имѣетъ большія связи.... А человѣкъ онъ по вашему—какой?

—Какъ вамъ сказать, о. Филаретъ! Говорятъ—пудъ соли съ че-

ловѣкомъ съѣшь и то не узнаешь его! Какъ-же я его за одинъ день узналъ-бы? На мой взглядъ человѣкъ онъ добропорядочный: и обходительный, и разумный, и веселый....

— Какъ-же это вы, о. Петръ, маху такого дали? Ко мнѣ привезли! У меня-же дочка—а ну какъ понравится? И глаза о. Филарета такъ и запрыгали.

— Богъ съ тобой, о. Филаретъ! И не грѣхъ тебѣ!—Я же къ тебѣ потоварищески привезъ... Понравится—дай Богъ совѣтъ да любовь! Я тебѣ по совѣсти скажу,—я и самъ-бы не прочь отъ такого зятя, да не хочу, чтобы люди говорили что дурное... Пускай поѣдетъ, посмотритъ; понравится гдѣ дѣвица—пусть женится: зла ни ему, ни ей не пожелаю!

— Спасибо, о. Петръ! Я знаю человѣкъ вы безкорыстный, безъ всякихъ заднихъ мыслей;—а на вашемъ мѣстѣ я бы такъ не сдѣлалъ,—не выпустилъ бы! Приходъ-то какой—Клитище! О. Стефана покойнаго я зналъ—богато жилъ! И скажите вы, счастье людямъ: не успѣлъ окончить—такой приходъ получилъ! Да это золотое дно, а не приходъ! Мнѣ бы такой приходъ, и до смерти ничего больше не желалъ-бы. Нѣтъ, о. Петръ, большого вы маху дали; я бы его не выпустилъ! Я бы его скоро скрутилъ—черезъ день-два весь-бы мой съ потрохами былъ!

И о. Филаретъ сжалъ кулакъ, какъ будто держалъ уже всего Смарагдова съ потрохами. Глаза у него разгорѣлись, какъ у страстнаго охотника, который видитъ ускользающую отъ него дичь. Все есть: и заряды, и умѣнье стрѣлять,—да звѣрь не на ловца бѣжитъ... Не долго просидѣлъ о. Филаретъ въ такомъ лихорадочномъ состояніи: на лицѣ его вскорѣ появилась увѣренность, дескать „будетъ мой!—и не такіе еще дѣла обдѣлывали! Не спасовать-же передъ мизернымъ семинаромъ“. У о. Филарета зародился цѣлый планъ правильной облавы на Смарагдова: и ужинъ съ достодолжными возліяніями—„стомаха ради“, и посулы большого приданнаго и т. под. Конечно, въ концѣ концовъ кукишь ему можно показать вмѣсто приданнаго, а отъ посуловъ въ убыткѣ не будешь! Три „дочки“ уже выдалъ о. Филаретъ и каждый разъ безъ убытка себѣ. Сулить онъ

всегда сулилъ приданное:—на имя каждой изъ дочерей у него, по его словамъ, лежало неприкосновенныхъ по двѣ тысячи рублей; когда-же приходилось выплачивать приданное, то о. Филаретъ всегда ограничивался двумя-тремя сотнями рублей наличными, остальную-же сумму пополнялъ натурой: всегда у него находился какой нибудь, особенно замѣчательный, заграничный плужокъ, который, по мнѣнію о. Филарета, былъ положительно необходимъ „молодымъ" (плужокъ такой обыкновенно представлялъ изъ себя лишь остовъ одинъ), или бричка на „шитовскихъ рессорахъ" совершенно новая (выслужившая 25-ти лѣтній юбилей), и пара (хромыхъ, или слѣпыхъ отъ старости) чистокровныхъ англо-арабовъ „отъ извѣстныхъ родителей".

Кромѣ ужина съ возліяніями и посуловъ, большую также надежду возлагалъ о. Филаретъ и на драгоцѣнности, которыми себя увѣшала Оленька: „какъ-никакъ, а семинару такихъ видовъ не приходилось видывать—однѣхъ драгоцѣнностей на дѣвицѣ, въ обыкновенный будній день, рублей на шестьсотъ".—Драгоцѣнности эти были завѣтныя, и, до выхода замужъ, ими пользовалась каждая изъ дочерей о. Филарета. Когда старшая выходила замужъ, драгоцѣнности переходили къ слѣдующей невѣстѣ. „Тебѣ теперь некого привлекать; мужа имѣешь,—говорилъ о. Филаретъ выходившей замужъ дочери,—пусть остаются для Вареньки". Отъ Вареньки драгоцѣнности переходили къ слѣдующей и т. д. Съ характеромъ человѣкъ былъ о. Филаретъ! Что пожелаетъ, то уже непремѣнно и сдѣлаетъ! А желаній у него много было... Часто глаза его разбѣгались... У мѣстныхъ мужиковъ онъ даже въ пословицу вошелъ; если кто хотѣлъ упрекнуть кого нибудь въ зависти, то обыкновенно говорилъ: „Ото-жъ и заздристный—якъ Сокоринській пипъ"! Дочери у о. Филарета въ дѣвицахъ не засиживались;—всегда, какъ только дѣвица приходила въ возрастъ, являлся женихъ.

Много кое-чего темнаго говорили про свадьбы дочерей о. Филарета, говорили, напримѣръ, что иногда случалось—жениха вели къ вѣнцу прямо изъ кабинета о. Филарета—вели! такъ какъ женихъ былъ, что называется, „еле можаху". Разсказывали,

что иногда на другой день, проснувшись, женихъ спрашивалъ, что съ нимъ такое произошло; ему говорили, что онъ женился; болѣе борзые, новоиспеченные зятья рвали и метали, болѣе же робкіе молчали,—а въ концѣ, въ силу необходимости, всѣ примирялись со своимъ положеніемъ и, получивши „нетычанку", пару „англо-арабовъ" и „плужокъ", уѣзжали на свою „парахвію". Но всего не переговоришь, что болтаютъ „злые языки". Пусть себѣ болтаютъ,—„а Васька котъ слушаетъ да ѣстъ", и о. Филаретъ не обращалъ никакого вниманія на „злые языки", а какъ только подростала дочь, онъ въ тотъ же годъ выдавалъ ее замужъ.

Порѣшивъ, что Смарагдовъ не выскользнетъ изъ опытныхъ и цѣпкихъ рукъ, о. Филаретъ, потирая руки, поднялся и обратился къ о. Петру:

— Пойдемъ-ка и мы, о. Петръ, въ залу: поговорю я съ нимъ, что за человѣкъ онъ такой, посмотрю!

— Человѣкъ онъ тертый! И неглупый человѣкъ, весьма не глупый!—глубокомысленно замѣтилъ о. Петръ.

Они вошли въ залъ: за большимъ, круглымъ столомъ на диванѣ сидѣла Оленька и жена о. Филарета; противъ нихъ на стулѣ помѣщался Смарагдовъ и оживленно разсказывалъ о томъ, какъ онъ хлопоталъ о приходѣ.

— Приходъ, значитъ, есть,—остановка за невѣстой? Это мы скоро обдѣлаемъ! началъ о. Филаретъ.—Вотъ у о. Петра три дѣвицы: любую выбирайте!

— Не очень-то и любую! О. Петръ, пока Анну Петровну не выдастъ, меньшую не выдастъ,—заговорила жена о. Филарета.

— Выдастъ! Правда, о. Петръ, выдали-бы меньшую, еслибы человѣкъ хорошій случился?

— Для меня дочки всѣ хороши: что меньшая, что старшая—все едино. А меньшей раньше не выдамъ! Отъ отцовъ нашихъ такъ шло и у меня такъ будетъ! А что касается Якова Осиповича, то ему свѣтъ не клиномъ сошелся—дѣвицу любую себѣ выберетъ. По нашимъ мѣстамъ дѣвицъ есть достаточно...

— О. Стефанъ, должно быть, и деньжонки послѣ себя оставилъ, не безъ того, я думаю?—обратился о. Филаретъ къ Смарагдову, прерывая о. Петра.

— Оставилъ, какъ-же! Тысячъ пятнадцать оставилъ. Приходъ Клитище хорошій и земли много, да и хозяинъ онъ хорошій былъ.

— А вы какъ на счетъ хозяйства: сами думаете заниматься, или съ половины отдавать—по новому?

— Нѣтъ, я думаю самъ хозяйничать. Люблю я хозяйство и привыкъ къ нему: каждое лѣто—какъ пріѣзжаю бывало на каникулы—все время на полѣ провожу. Да по моему, оно и скучно было-бы священнику безъ земли и хозяйства. А на плохенькомъ приходѣ,—самъ не хозяйничай, то и ѣсть нечего будетъ.

— Какой-же вы практикъ!—заговорила Оленька.—Такой молодой и такъ практично уже разсуждаете!

— Что-же вы подѣлаете: жизнь человѣческая такъ обставлена, что однѣми идеями не проживешь; нужно и о хлѣбѣ думать. Конечно, предаваться совсѣмъ хозяйству—священнику неподходящая статья; ему о духовномъ слѣдуетъ больше думать; но я думаю, что умѣренное хозяйство не помѣшаетъ быть хорошимъ священникомъ.

— Дѣло! дѣло, молодой человѣкъ! Что дѣло,—то дѣло! Все хорошо въ мѣру—энергично заговорила жена о. Филарета.

— А лошадей вы любите?—спросила Оленька.

— Лошадей? Очень люблю! На своемъ хозяйствѣ думаю хорошихъ лошадей завести.

— И я лошадей люблю. Папа такой любитель—вотъ посмотрите, какія у насъ есть лошади! Если пробудете здѣсь долго, то заѣзжайте къ намъ,—поѣдемъ кататься...—говорила Оленька, томно подкатывая глазки.

— Съ удовольствіемъ! Буду очень радъ!

— Мнѣ уже и домой пора—заговорилъ о. Петръ.—Крестины у меня сегодня! Вы, Яковъ Осиповичъ, оставайтесь,—я за вами пришлю лошадей.

— Что вы, что вы! Мы его своими отошлемъ, лошади у меня хорошіе!—воскликнулъ о. Филаретъ.—Только чего-же вамъ-то, о. Петръ, спѣшить такъ? Посидѣли бы еще... Поговорили...

— Благодарствуйте! Крестины ждутъ. Другимъ разомъ съ удовольствіемъ.

О. Петръ простился и уѣхалъ къ большой радости о. Филарета, который свободно могъ теперь приступить къ выполненію созрѣвшаго уже въ его головѣ плана относительно Смарагдова.

IV.

По отъѣздѣ о. Петра, жена о. Филарета засуетилась съ закусками.

— „Скажы-но, серце, щобъ тамъ съ пару курей зловыла Горпына та спекла-бъ. А ты сама пишла-бъ въ комору, та пошукала-бъ тамъ марынованныхъ грыбочкивъ, огирочкивъ; сардынки и икра, здается, ще позоставалысь одъ празныку. Та й Оли скажы, щобъ вона добре до „него“ бралась! Дарма що о. Петръ каже, що „винъ“ дуже розумный,—а ты подывысь, винъ вже и роставъ, якъ побачывъ уборы Оленькины. У мене на ныхъ велыка надія; ну, та такы й Оленька наша,—нема чого казаты,—дивчина ничого соби, якъ сдобна булка! Въ тебе, серце, вдалась, така жъ сама и ты була—якъ я за тебе сватався“.

И о. Филаретъ, вспомнивши молодость, подмигнулъ матушкѣ и „ущипнулъ“ ее.

— „Филаретъ, Филаретъ! Стыдайся, старый,—що це зъ тобою зробылось?“ сконфузилась матушка.

— „Ты ще, серце, и теперь ничого соби! По правди. Не те що матушка о. Петра—якъ шпычка!“ И о. Филаретъ, взявши „ливера“, пошелъ тянуть наливку.

На дворѣ раздался пискъ и кудахтанье курей: „Горпына“ прилагала всѣ свои усилія, чтобы поймать „пивныка“,—каж-

дый же разъ, какъ на зло, попадалась „курочка". Послѣ долгой бѣготни, съ большимъ усиліемъ, наконецъ два „пивныка" были пойманы. Въ кухнѣ поднялась суматоха—приготовляли „угощеніе".

О. Филаретъ все время былъ въ очень игривомъ настроеніи духа и часто забѣгалъ въ кухню къ матушкѣ:

— „А наша Оля молодець! Я й не ждавъ, щобъ вона така спрытна була—зразу въ рукы забрала! Ну, та такы вона и зъ себе не погана... За цею не буде стильки роботы, якъ за Сашою було, що все самому прыходылось розрыватысь,—ця сама за себе постоить. Вже и кони ему показала, и на фортепьяни грала, и спивала...." И о. Филаретъ веселый и довольный уходилъ опять, то разливать въ бутылки наливку, то заглядывать въ дверную щелочку, что подѣлываютъ молодые люди. Надъ двумя загрязненными бутылками онъ долго думалъ—то была „старка"; не хотѣлось ему начинать её, но о. Филаретъ вспомнилъ магическое слово „Клитище" и порѣшилъ, что „Клитище" стоитъ этихъ двухъ бутылокъ.

Оленька, между тѣмъ, выказывала Смарагдову всѣ свои таланты: она] уже успѣла и спѣть ему: „Отъ чего такъ грустно мнѣ" и съиграть какую то раздирательную піесу: „На смерть Канарскаго", при чемъ, во время игры, поясняла: „это его ведутъ на казнь" и лицо ея принимало ровное, задумчивое, слегка величавое выраженіе;—„это прощаніе съ родными", и Оленька сильнѣе надавливала клавиши, какъ будто пожимала на прощанье его руку;—„это плачъ родныхъ", и лицо ея принимало слезливое выраженіе;—„растрѣляніе", и съ этимъ словомъ изъ инструмента вырвался какой-то неистовый хрипъ, казалось, что инструменту уже пришелъ конецъ и отъ него остались лишь щепки однѣ.

Смарагдовъ закрылъ глаза съ испугу, и когда открылъ ихъ, то очень удивился, что фортепьяно оказалось въ цѣлости. Онъ все таки сомнѣвался и, подойдя къ инструменту, началъ осматривать его со всѣхъ сторонъ.

— Ничего, ничего, только струна одна лопнула—заговорила Оленька.—Я, знаете, въ этомъ мѣстѣ (разстрѣлянія) всегда прихожу въ сильный экстазъ! Говорятъ, что это даже вредно такъ увлекаться, но что-же подѣлаете — темпераментъ ужъ такой...

Смарагдовъ былъ ослѣпленъ драгоцѣнностями, которыми увѣшала себя Оленька. Но больше всего привлекало его одно изъ колецъ, которыхъ было на Оленькѣ до десяти. Это было кольцо съ небольшимъ бриллiантомъ, но довольно хорошей работы; „рублей, пожалуй до ста стоитъ“—порѣшилъ Смарагдовъ и все время умильно посматривалъ на него.—Оленька конфузилась; она думала, что Смарагдовъ смотритъ на ея руки, которыя она, впопыхахъ, не успѣла привести въ должный порядокъ.

Смарагдовъ много говорилъ ей о себѣ, о томъ, какъ онъ думаетъ устроить свою будущую семейную жизнь, какъ будетъ любить свою жену и какими удобствами обставитъ ее.

— Счастливая будетъ жена ваша! — вздыхала Оленька и подкатывала глазки.

Смарагдовъ съ увлеченiемъ, разсказывалъ Оленькѣ какъ иногда бываетъ, что встрѣтишь человѣка—и въ одинъ день полюбишь его; какое тогда бываетъ чувство: „сердце какъ будто остановится, на душѣ такъ легко, голова кружится—чувствуешь, какъ будто, уносишься, въ „поднебесную даль“. Оленька слушала и тоже уносилась въ „поднебесную даль“, но только не сама, а съ Смарагдовымъ. Въ ея воображенiи уже рисовалась картина будущей счастливой жизни ея съ Смарагдовымъ.

Смарагдовъ намекнулъ ей, что ему именно такiя дѣвицы, какъ она—Оленька, и нравятся.

Столъ былъ покрытъ и весь уставленъ всевозможною „снѣдью“. Тамъ были: и соленья, и маринады, и икра, и сардины, и съ такимъ трудомъ пойманные „Горпыной“ „пивныкы“ изъ которыхъ въ концѣ концовъ все таки одинъ оказался „курочкой“. Наливокъ же и настоекъ—и не перечесть! Тутъ были: и сливянка, и вишневка, и грушевка, и смородинная, и полыновка и др.

За ужиномъ о. Филаретъ, лукаво улыбаясь, говорилъ Смарагдову.

— Гм..., о. Исидоръ „знае, де раки зимуютъ!“ Прямо къ о. Петру и направилъ васъ. А у него дѣвицы ничего...

— Тебѣ, о. Филаретъ, все ничего! Меньшая-то еще ничего-бы, но меньшой не выдастъ о. Петръ; ну, а старшей-то уже, пожалуй, и за тридцать будетъ! съехидничала матушка.

— Мама! Это Соня-то ничего?—Ну, уже по моему Аня лучше... у Сони вѣдь правый глазъ коситъ и...

— Ну, какая-же пара Аня—Якову Осиповичу? Она ему, въ маменьки годится! перебила матушка рѣчь дочери.

— А золотая середина-то? За золотую середину и забыли, за Сашу—какъ разъ и подойдетъ! заговорилъ о. Филаретъ.

— Ну, Саша уже совсѣмъ невозможная: во первыхъ, какъ она танцуетъ!—это что-то ужасное! Ступить не умѣетъ... захлебывалась Оленька.

— Саша то скорѣе въ монастырь пойдетъ, чѣмъ замужъ— объяснила матушка: тихоня она такая!

— Въ тихомъ омутѣ черти водятся! заключилъ о. Филаретъ, наливая Смарагдову пятую рюмку.

Смарагдовъ выслушивалъ всѣхъ очень внимательно, но интересовался больше маринованными грибками и сливянкой, хотя и очень часто поглядывалъ на Оленьку.

Когда бутылки опустѣли въ достаточной степени, о. Филаретъ обратился прямо, безо всякихъ обиняковъ, къ Смарагдову:

— Эй панычу, панычу! Чого се вамъ йиздыты, та людей дурыты? За нашои памяти такъ не робылы—прыйихавъ, сподобалась дивчина и окрутывся зразу! Аже отъ—чымъ не дивчына? указалъ о. Филаретъ рукою на Оленьку.

Оленька покраснѣла и потупилась. Матушка начала дергать о. Филарета за полы:

— Филаретъ! Филаретъ!

Но о. Филаретъ не унимался:

— Чы може не вподобалась?

— Филаретъ! Що се ты?—шептала матушка, еще энергичнѣе дергая за полы о. Филарета.

Смарагдовъ, не ожидавшій такой легкой побѣды, отъ радости не зналъ, что и говорить:

— Это, о. Филаретъ, не отъ меня зависитъ... Можетъ быть, я противенъ Ольгѣ Филаретовнѣ... Я съ своей стороны, со всѣмъ-бы моимъ удовольствіемъ.

Но тутъ его выручилъ о. Филаретъ:

— Ну, матушко, давай образы! Чого тутъ довго перелываты зъ пустого въ порожне...

Моментально появились „образы", и черезъ пять минутъ „молодые" сидѣли уже рядышкомъ, обмѣнявшись кольцами. На лѣвой рукѣ у Смарагдова красовалось колечко съ брилліантомъ, которое ему такъ нравилось.

О. Филаретъ сидѣлъ возлѣ молодыхъ и разсказывалъ Смарагдову, что онъ ему даетъ въ приданое: тутъ были и двѣ тысячи, и „плужокъ", и „нетычанка", и рысаки, и всякое обзаведеніе, на которое такъ щедръ на словахъ былъ о. Филаретъ.

О. Филаретъ посовѣтовалъ Смарагдову ѣхать ночевать къ о. Петру „чтобы не подавать повода злымъ языкамъ", но о томъ, что засватался, ничего не говорить. Было рѣшено, что завтра же онъ уѣдетъ въ городъ и, вернувшись дня черезъ три—сообща обсудятъ болѣе подробно о свадьбѣ.

Когда Смарагдовъ собрался уѣзжать, то пообѣщалъ заѣхать завтра по дорогѣ на вокзалъ.

— А денька черезъ три-четыре и совсѣмъ къ вамъ пріѣду, говорилъ онъ, прощаясь съ невѣстой.

О. Филаретъ проводилъ „зятя" до повозки и, увѣренный, что теперь Смарагдовъ въ его рукахъ, долго еще цѣловался съ нимъ на прощанье.

— Прыйизжай-же, сынку, завтра, а то Оля скучаты буде! А про те, що засватався, покы що—мовчы; и такъ зліи языкы багато про мене говорятъ.

„А все такы шкода старкы,—колыбъ було таке знаття, що такъ скоро окручу его—можна було бъ и простою обійтысь"—думалъ о. Филаретъ, возвращаясь въ комнаты.

V.

— Я такъ и говорила, что Оленька его окрутитъ! Остался?— взволнованно заговорила матушка, встрѣчая о. Петра.

— Остался, вечеромъ пришлютъ. А что, крестинъ еще не было?—спросилъ о. Петръ, желая замять непріятный разговоръ.

— Ожидаютъ,—уже и воду приготовили.

О. Петръ ушелъ крестить.—Матука прошла къ дочкамъ.

— А нашъ-то Яковъ Осиповичъ въ плѣну Оленьки остался. Учитесь у людей, какъ нужно жить: она не то, что вы тихони! Судьбу свою скоро составитъ!—говорила она недовольнымъ голосомъ.

— Мама! Что-же намъ было дѣлать съ нимъ? Не держать же его за полы, да говорить: „не ѣздите, голубчикъ Яковъ Осиповичъ, туда,—вы лучше у насъ оставайтесь!“ Вы же видѣли, что я всѣ свои старанія употребила, чтобы не выпустить его: надѣла красный бантъ и „Москву“ играла.—Насильно милъ не будешь!—И Соня расхохоталась.

— Егоза—егоза! Когда-то ты остепенишься?

— „Женится—перемѣниться“, говоритъ пословица; такъ и я, какъ выйду замужъ, можетъ быть, и перемѣнюсь. Вотъ Оля Колесницкая—скоро перемѣнилась!

— Ну, не дай Богъ никому такой перемѣны!—проговорила матушка и задумалась. Дѣвицы тоже пріуныли.

Всѣ они помнили Олю Колесницкую дѣвушкой: такая веселая была красавица, а какъ вышла замужъ—за годъ на пять лѣтъ постарѣла; не то что смѣха—улыбки никогда на лицѣ ея теперь не видно. Не всегда сладка „судьба“ бываетъ.

— Это человѣкъ, кажется, не такой!—продолжала матушка.—Не всѣ-же такіе, какъ мужъ Олинъ.

— Издали-то всѣ они не такіе, всѣ хорошіе.... начала Соня, но въ это время вошелъ о. Петръ и началъ разсказывать про свою поѣздку къ Филарету.

Наступалъ вечеръ, отпили уже и чай, а жданный гость не являлся. Неудовольствіе матушки все болѣе и болѣе разгоралось; изъ боязни поссориться съ о. Петромъ, во время разговора, она съ нимъ не разговаривала, а свое неудовольствіе сгоняла на прислугѣ,—досталось всѣмъ: и Маврѣ, и бабѣпрядкѣ, и кучеру...

Послѣ десяти, наконецъ, пріѣхалъ Яковъ Осиповичъ. Вечерняя поѣздка освѣжила его, никакихъ слѣдовъ отъ выпитой наливки въ головѣ его не осталось. Не въ первый разъ пришлось ему выпить такое значительное количество, не одинъ разъ онъ и на пари ходилъ по части выпивки и всегда оставался побѣдителемъ, а приходилось выпивать чуть не по четверти... У о. Филарета, хотя онъ и много выпилъ, но до этого было еще далеко, и голова у Смарагдова была совершенно свѣжая.

По пріѣздѣ Смарагдова подали ужинъ; не смотря на то, что по-деревенски часъ былъ уже довольно поздній,—его ожидали съ ужиномъ.

— Какъ-же, весело вамъ было у о. Филарета?—спрашивала его за ужиномъ Соня.

— Нельзя сказать, чтобы очень весело,—у васъ веселѣе, лучше; какъ то свободнѣе себя чувствуешь.

— Говорите уже, говорите, что веселѣе у насъ! Было-бы веселѣе, не сидѣли-бы такъ долго, говорила повеселѣвшая матушка.

— Нѣтъ, я не изъ вѣжливости говорю, а мнѣ, право, у васъ лучше. У васъ я себя чувствую, какъ дома, какъ у родныхъ, а тамъ—въ гостяхъ. А знаете, что и пословица такая есть: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“.

Послѣ ужина всѣ пошли въ залу. Соня играла на „клавесинѣ“, послѣ того всѣ пѣли хоромъ. Къ концу вечера всѣ развеселились.

— Я бы всегда у васъ хотѣлъ быть, Анна Петровна, говорилъ Анѣ Смарагдовъ, т. е. хотѣлъ-бы, чтобы всегда такъ весело и хорошо было, какъ мнѣ теперь хорошо!—и онъ многозначительно посмотрѣлъ на Аню.

Когда дѣвицы ушли спать, Смарагдовъ обратился къ о. Петру:

— О. Петръ, простите, что я такъ, можно сказать, скоропостижно приступаю къ дѣлу; вы знаете, что мое дѣло, дѣло моей женитьбы, не терпитъ отлагательства, а потому я прямо обращаюсь къ вамъ; второй день я у васъ живу—видѣлъ вашу семью, вашу жизнь; все это такъ меня привлекло къ вамъ, что я желалъ-бы сдѣлаться членомъ вашего уважаемаго семейства.— Я осмѣливаюсь просить у васъ руки вашей дочери, Анны Петровны!

— Благодарю за честь. Не скрою отъ васъ, мнѣ пріятно видѣть васъ своимъ зятемъ! Человѣкъ вы, кажется, хорошій,— да и дядю вашего я знаю; друзья даже, можно сказать, были мы съ нимъ. Съ своей стороны я ничего противъ этого не имѣю, но поговорите прежде съ Аней: вамъ съ нею всю жизнь жить, и я думаю, вамъ интересно будетъ знать, какъ она на это посмотритъ.—Предупреждаю только васъ, что люди мы не богатые, много дать за нею я не могу.....

— Объ этомъ, о. Петръ, можно и не говорить; я жену у васъ беру, а не деньги!

— Спасибо! Мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что человѣкъ вы безкорыстный, но я дитяти своего не обижу... Завтра обо всемъ поговоримъ. Вы, я знаю, сирота—теперь передъ свадьбой копѣйка вамъ нужна будетъ; вы не стѣсняйтесь, на расходы я дамъ—остальные въ день брака. А теперь покойной ночи. „Утро вечера мудренѣе“, какъ говорится.—И о. Петръ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ нареченнаго зятя.

Простившись съ Смарагдовымъ, о. Петръ пошелъ спать, но долго еще не могъ заснуть онъ. Долго еще толковали они съ матушкой по поводу предстоящей свадьбы и рѣшили дать Анѣ въ приданое: пятьсотъ рублей деньгами, одну корову, пару лошадей, десять штукъ овецъ и всякое обзаведеніе. А пока что,—жениху на расходы о. Петръ рѣшилъ дать, не въ счетъ приданнаго, сто рублей.

VI.

Не разсвѣтало еще, какъ матушка уже была на ногахъ. Она одѣлась и тихонько прошла въ спальню дочерей. Остановившись возлѣ кровати Ани, она долго и пристально глядѣла на нее.—Аня, вся разметавшись, спала сладкимъ предутреннимъ сномъ; на лицѣ ея блуждала счастливая улыбка: видѣла-ли она жизнь свою будущую—счастливую? Грезилось-ли ей дѣтство ея?—Впечатлѣнія-ли вечера оставили по себѣ пріятныя воспоминанія, которыя перешли и въ сонъ?..

— „Старшая, старшая... Какая она старшая?—она еще ребенокъ! А красавица какая! А этотъ еще противный Шавловичъ, что сватался къ Сонѣ, говорилъ, что Аня по лѣтамъ ему не пара—старше его... Рожа его противная, а тоже о лѣтахъ разсуждаетъ! Понимаютъ они красоту!“ И матушка задумалась. Она сама въ первый разъ обратила вниманіе на Аню; никогда она не думала, что Аня такая красавица.

— „Какія тонкія черты: лобъ, носъ—точно выточенные; а волоса какіе пышные: черные какъ смоль, такъ и извиваются змѣей... красавица!“ Никогда она не всматривалась такъ внимательно въ дочь свою. Аню она всегда любила, но наступающая разлука пробудила въ душѣ ея грустныя мысли, и какая-то тоска сжала сердце матери; ревность закралась въ ея душу.

„Моей Аней, моей голубкой, вотъ скоро-скоро будетъ обладать кто-то...“

Ей хотѣлось забрать Аню сонную и уйти; уйти далеко-далеко, гдѣ бы не было людей, которые заберутъ ея Аню; можетъ быть, исковеркаютъ, изломаютъ жизнь ея; опошлятъ ее,— и черезъ годъ-два отъ красоты Ани останется лишь воспоминаніе.

— „Черезъ годъ-два Аня—старуха: съ разбитою жизнью и истерзанной душой—какъ Оля Колесницкая!“ Матушка не выдержала; она зарыдала и бросилась къ дочери, которая въ это время проснулась... Матушка рыдала и покрывала поцѣлуями Аню.

— Аня! Заберутъ тебя отъ меня... Я тебя не отдамъ... Голубка моя....

— Что съ вами, мама! Несчастье какое случилось?—спрашивала испуганная Аня.

Матушка опомнилась и начала успокаивать Аню.

— Это я отъ радости, Аня! Отъ радости, голубка моя! Онъ посватался за тебя вчера... Ты теперь невѣста!

Разбуженныя шумомъ, повскакивали со своихъ постелей Саша и Соня и, узнавъ въ чемъ дѣло, начали поздравлять Аню.

Черезъ часъ всѣ уже были въ столовой и пили чай. Аня сидѣла вся красная. Смарагдовъ уже объяснился съ нею, и они были объявлены женихомъ и невѣстой.—До поры до времени рѣшили скрыть это, чтобы не было очень рѣзко: сегодня женихъ посватался—сегодня и слово дали. Рѣшено было такъ сдѣлать: женихъ сегодня вечеромъ уѣзжаетъ въ губернію по кое-какимъ дѣламъ относительно прихода, черезъ недѣлю онъ возвратится, и тогда будетъ объявлено оффиціально. Даже о. Филарету рѣшили ничего не говорить, а для отвода глазъ женихъ заѣдетъ къ нему по дорогѣ, ѣдучи на ж. д. станцію. Послѣ чаю женихъ и невѣста остались одни. Соня и Саша ходили грустныя,—онѣ сознавали, что скоро прійдется разстаться съ сестрой. Матушка все время суетилась, приготовляя обѣдъ и съѣстные припасы на дорогу жениху.—О. Петръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ открылъ письменный столъ и вынималъ оттуда засаленныя кредитныя бумажки. Насчитавъ сто рублей, о. Петръ прошелъ въ залъ, гдѣ сидѣли „молодые", и позвалъ Смарагдова за собой въ кабинетъ.

— Вотъ вамъ на первые расходы сто рублей,—а ко времени посвященія, дастъ Богъ, еще немного соберу.

— Что вы, о. Петръ! Что вы,—зачѣмъ это?—говорилъ Смарагдовъ дрогнувшимъ отъ радости голосомъ.

— Возьмите, Яковъ Осиповичъ,—стыдиться тутъ нечего. Я самъ сиротою женился, и потому знаю, какъ горько въ такія минуты безъ своей копѣйки... Самъ какъ пріѣхалъ женихомъ, то покойный тесть и за балагулу три рубля заплатилъ... и того

не было! А Аню берегите... храните ее... она славная дѣвушка! Не потому говорю, что дочь она мнѣ...—И старикъ вытеръ рукавомъ подрясника навернувшіяся слезы.

Лицо Смарагдова какъ-то конвульсивно передернулось, но онъ пересилилъ себя и, сдерживая улыбку, началъ успокаивать о. Петра.

— О. Петръ! Надѣюсь, что я буду любить свою жену не меньше, чѣмъ вы любите свою дочь!—и еще разъ поцѣловавъ руку о. Петра, Смарагдовъ пошелъ къ Анѣ.

Обѣдъ подали пораньше. Вставъ изъ-за стола, Смарагдовъ началъ прощаться.

— Не засиживайтесь-же, Яковъ Осиповичъ, у о. Филарета, а то на поѣздъ опоздаете, говорилъ ему Петръ. А часы у васъ съ собою есть?

Смарагдовъ смѣшался:

— Я свои часы у о. Исидора забылъ... Да я не опоздаю, я только на минутку къ о. Филарету.

— Нѣтъ, вы ужъ лучше возьмите мои часы! Сказалъ о. Петръ и пошелъ въ кабинетъ за часами.

За нимъ вышла и Аня.

— Папа! А сами вы какъ-же безъ часовъ останетесь?

Ужъ лучше я ему свои дамъ!

— Неподходящіе будутъ твои: маленькіе очень, еще потеряетъ гдѣ.

Но Аня настояла на своемъ и отдала свои часы Смарагдову. Смарагдовъ, прощаясь съ невѣстой, долго пожималъ ей руку и говорилъ: скоро увидимся, можетъ быть, и раньше, чѣмъ черезъ недѣлю пріѣду!

Долго еще провожавшіе стояли у крыльца. Когда бричка уже совсѣмъ скрылась за селомъ, пошли въ комнаты. Анна Петровна смотрѣла грустно,—не походила на счастливую невѣсту.

— Не грусти, Аня! Скоро пріѣдетъ. Неужто тебѣ скучно за нимъ? Онъ-же тебѣ совсѣмъ чужой. Два дня какъ познакомились, а уже грустишь по немъ,—говорила Соня.

— Будетъ тебѣ, егоза, будетъ! Какой-же Яковъ Осиповичъ чужой Анѣ—женихъ! А черезъ мѣсяцъ и мужъ.—Энергично протестовала матушка.

— Нѣтъ, Соня, я не потому, что скучно мнѣ... Все это такъ скоро, такъ неожиданно произошло... Что-то недоброе чуется мнѣ...—тихо отвѣтила Аня.

Поздно вечеромъ вернулись лошади, отвозившія Смарагдова на вокзалъ.

— „Ну, якъ-же Иване, добре дойихалы съ панычемъ? Ниде не перекинулысь?“ спрашивалъ о. Петръ кучера.

— „Ничого, батюшко, добре! Тилькы щось винъ мени проше батюшкы, небезпечный здается“...

— „Отто дурный! Чого-жъ винъ тоби небезпечнымъ показався?“

— „Може я-й дурный, проше батюшкы, але-жъ небезпечный винъ, панычъ цей... все мени дорогою, якъ тилькы станемо, все прыстайе до мене: „злизь, та злизь, подывысь—щось тамъ такее тре ззаду коло брычкы“.

— „Ну то-й треба було злизты! Чому-жъ не злизъ? Може якъ разъ, яка шруба одкрутылась? Ще може й згубывъ дорогою“?

— „Але хибажъ-то я глухый, чы що... Чувъ-бы, якъ бы що терло, або бразкало. Ни, ему выдно не того хотилось“....

— „Отто дурный! Що-жъ ты думавъ, що винъ коней вкраде? га?“

И о. Петръ, засмѣявшись, пошелъ въ комнаты.

— „Вже чы кажить, чы ни, що дурный,—але-жъ про те винъ небезпечный чоловикъ, цей панычъ!“ продолжалъ разсуждать Иванъ съ Маврой.

— Де-жъ це ты бачывъ, Иване, щобъ такы панычъ та позаздрывся на кони!

— Всяки воны теперь и панычи бувають! Побачыла-бъ ты въ гѣроди; такый йде що куды тоби—и не прыступайсь: шуба на ёму, калошы, часы... А дывы, и ведуть его до холодной за те, що хусточку зъ чужои кышени въ церкви хотивъ вытягты...

— То въ гóроди! Чого тамъ не бува; а це жъ свій чоловикъ выднó имъ, и прыйихавъ такъ гарно—въ хваитони... Отстаивала „паныча“ Мавра.

— Колы бъ ты побачыла, якій винъ гарный бувъ въ Сокорыницяхъ, якъ одъ попа выходывъ, ажъ брыдко дывыться було; слипы позалывавъ, ледве всадывъ его пипъ на брычку, та ще й цюлуе его и прыпрошáе, щобъ скорище прыйиздывъ... Уже бъ я не поцилувавсь зъ нымъ,—такый винъ брыдкый мени здавався: очы посоловилы, зъ рота слына такъ и котыть...—И Иванъ энергично сплюнулъ.

Въ это время отозвалась „баба Параска“, сидѣвшая „за кужелемъ“: Ой паскудо, паскудо! Ще й винъ буде пересужуваты; подывывсь бы на себе, якый хорошый бувъ, писля празныку, на Воздвыження!—Мовчавъ-бы лучче! Пиды-но лучче, та дровъ на рáнокъ внесы, якъ маешъ хайло свое роспускаты; не дай Боже, почують матушка—всимъ достанется!

— Чого се вы, бабунк! Хиба-жъ мени не можна побалакаты,—аже-жъ и въ мене языкъ есть!

— Хто тоби каже, що не можна балакаты? Балакай соби на здоровье! Але жъ треба знаты, про що можна говорыты, а про що й зась!

Иванъ понялъ, что больше ему не удастся почесать свой языкъ съ Маврой, взялъ со стола фуражку и пошелъ по дрова.

VII.

Прошла условленная недѣля, а отъ жениха никакихъ вѣстей. Самъ не пріѣзжаетъ и не пишетъ ничего. Всѣхъ это очень безпокоило.

— Ужъ не случилось-ли чего съ нимъ въ дорогѣ?—говорила, вздыхая, матушка.—Ты бы, о. Петръ, въ газету посмотрѣлъ, не дай Богъ поѣздъ съ рельсовъ сошелъ...

— Ты всегда что-нибудь придумаешь. Должно быть, задержался за какими нибудь хлопотами. Не пріѣхалъ сегодня—

завтра пріѣдетъ: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, —утѣшалъ о. Петръ матушку.

— Далъ бы то Господь, чтобы только это...—грустно качала головой матушка.—Чуетъ душа моя бѣду какую-то...

За это время пріѣзжалъ раза два о. Филаретъ, спрашивалъ, нѣтъ ли какихъ вѣстей о Смарагдовѣ. Пріѣзжала разъ Оленька; все какъ-то загадочно говорила, что, можетъ быть, скоро уѣдетъ отсюда.—Говорила, что Смарагдовъ ей очень понравился: „красивый такой, разговорчивый... на семинара совсѣмъ и не похожъ—свѣтскій человѣкъ“. О. Филаретъ освѣдомлялся, въ какомъ году окончилъ Смарагдовъ.

— Смотрѣлъ я въ Епархіальныя Вѣдомости за послѣднія пять лѣтъ—говорилъ онъ — нигдѣ Смарагдова въ выпускахъ нѣтъ!

О. Петръ, послѣ этихъ разговоровъ, тоже смотрѣлъ въ „Епархіальныя Вѣдомости“, но тоже Смарагдова тамъ не нашелъ и рѣшилъ, что Смарагдовъ вѣдь могъ окончить и не „нашу“ семинарію,—а въ другой губерніи. Получилъ о. Петръ на дняхъ и письмо отъ о. Исидора Миклашевскаго, но въ немъ ничего о племянникѣ не говорилось. Упоминалъ о. Исидоръ о какомъ-то „женихѣ“, который, выдавая себя за окончившаго, надулъ нѣсколькихъ священниковъ въ „ихнихъ краяхъ“; забралъ у нихъ понемногу денегъ, въ счетъ приданнаго, и исчезъ.—Какія-то смутныя подозрѣнія начали овладѣвать о. Петромъ, но онъ не довѣрялъ имъ. Да и не могъ-же быть Смарагдовъ тѣмъ женихомъ, о которомъ пишетъ о. Исидоръ. Смарагдовъ—племянникъ о. Исидора, и знаетъ многихъ знакомыхъ и родственниковъ, въ чемъ о. Петръ убѣдился изъ его разговоровъ. Да и документы у Смарагдова были, было разрѣшеніе изъ Консисторіи на вступленіе его въ законный бракъ...

VIII.

Прошло еще нѣсколько дней. Осень уже вступила въ свои права; на дворѣ уже третій день льетъ дождь, осенній вѣтеръ

свободно разгуливаетъ по опустѣвшему саду и обнаженнымъ деревьямъ. Семья о. Петра въ полномъ сборѣ сидѣла за вечернимъ чаемъ, когда во дворъ въѣхала старинная бричка, одна изъ тѣхъ бричекъ, которыя носятъ названіе Ноева Ковчега. Такія брички дѣлались въ старину; въ нихъ свободно помѣщалось человѣкъ восемь людей и пудовъ до двадцати громоздкаго багажа. Въ старину, когда не существовало желѣзныхъ дорогъ, въ такихъ бричкахъ „возили въ семинарію".—Теперь онѣ уже выводятся изъ употреблннія, но у нѣкоторыхъ стариковъ-священниковъ еще существуютъ такіе „ковчеги", полученные ими въ приданное.

— Пошла-бы ты, Соня, посмотрѣла, кто это пріѣхалъ.— обратилась къ Сонѣ матушка.

Соня подошла къ окну.

— Это о. Иванъ изъ Погорѣлова.

— О. Иванъ? Въ такую погоду!—чтобы это значило?—И всѣ тревожно переглянулись.

— Должно быть, изъ города ѣдетъ,—по дорогѣ...—успокаивалъ о. Петръ и вышелъ встрѣтить о. Ивана, который уже раздѣвался въ передней. Бурка и ряса на о. Иванѣ были совершенно мокрыя.

— Здравствуйте, о. Иванъ! какъ Богъ милуетъ?—говорилъ о. Петръ, здороваясь съ о. Иваномъ.

— Помаленьку, о. Петръ! Помаленьку! Кабы не люди, злые, жить-бы еще можно...—проговорилъ, вздыхая, о. Иванъ.

— Да вы совсѣмъ промокли! Сбросьте свой подрясникъ, я вамъ свой дамъ, пока вашъ пообсохнетъ.

О. Иванъ сбросилъ свой мокрый подрясникъ—переодѣлся и пошелъ въ столовую пить чай.—За чаемъ разговоръ какъ-то не клеился; видно было, что у старика есть что-то важное, о чемъ онъ желаетъ переговорить наединѣ съ о. Петромъ; и мысли его вертятся на одномъ какомъ-то предметѣ. Отвѣчалъ онъ часто невпопадъ и задумывался.

О. Петръ понялъ, что старику нужно о чемъ-то переговорить съ нимъ, и поспѣшилъ выслать дѣтей и жену въ другую комнату.

— Вы бы по хозяйству пошли, да закусить намъ что-нибудь приготовили, а мы съ о. Иваномъ тутъ побесѣдуемъ кое-о чемъ.

Когда всѣ вышли, о. Петръ обратился къ о. Ивану.

— Разсказывайте, о. Иванъ, что у васъ новенькаго.

— Охъ, новенькое-то, о. Петръ, то, что на старость мы подурѣли:—захотѣлъ на старость дочку замужъ выдать

— Какую дочку?—Настю?

— Кромѣ нея и нѣтъ у меня больше,—остальныя всѣ за мужемъ. Охъ! И говорить-то стыдно!.. Ну, да затѣмъ я и пріѣхалъ,—разскажу уже.—И о. Иванъ началъ свой разсказъ.

— Недѣли двѣ тому назадъ, ночью, пріѣзжаетъ ко мнѣ молодой человѣкъ. Просится на ночь: „сбился, говоритъ, съ дороги,—примите переночевать!“ Спрашиваю, кто такой? — говоритъ: окончившій курсъ семинаріи, ѣздилъ за приходомъ, а теперь невѣсту ищу. Васъ, говоритъ, знаетъ; о. Филарета знаетъ. Вы его, будто, и сватать возили, но пока ни на чемъ, говоритъ, не остановился и ѣду къ дядѣ о. Исидору Миклашевскому. Свой человѣкъ, будущій собратъ,—какъ тутъ не принять!—Переночевалъ онъ у меня, цѣлый день просидѣлъ, а къ вечеру на вокзалъ; только грустный такой,—прощается со мной и говоритъ: „кабы“—говоритъ—зналъ, что камень такой на душѣ отъ васъ вынесу, и не заѣзжалъ-бы; поистинѣ „не знаешь, гдѣ найдешь“. Такъ мнѣ это странно показалось, я ему и говорю: кажется, мы тебя не обидѣли ничѣмъ, чего-же ты съ тяжестью такою изъ дома нашего выходишь?“ „Дочку—говоритъ—вашу, о. Иванъ, полюбилъ! выдайте ее за меня замужъ. Лучшей жены и не съискать мнѣ!“ да на колѣни бацъ передо-мною!—Меня такъ и взорвало: „въ умѣ-ли ты?—говорю—да ей подъ сорокъ скоро, она старуха, а ты вѣдь вьюношъ! Какая она тебѣ пара!“ Ну, лѣта тамъ-бы еще Богъ съ нимъ, бываютъ и въ лѣтахъ женщины изъ себя видныя;—но вы же знаете, о. Петръ, какая красота у моей Насти?—„Не въ красотѣ—говоритъ—дѣло, не въ видѣ наружномъ,—наружный видъ—гробъ повапленный! Мнѣ душа ея нужна—душа у нея ангельская!“ „Какая-такая осо-

бенная душа?—говорю—я лучше тебя знаю:—она и тебѣ и себѣ жизнь отравитъ"... А онъ все свое: „душа—говоритъ—смиреніе... кротость"... Какъ началъ, какъ началъ юлить... Что-же, думаю, коли самъ такъ хочешь—что-же я съ тобою подѣлаю? А тутъ и Настя еще, какъ будто діаволъ вселился въ нее, плачетъ, рѣкой разливается: „Не отдадите за него—руки на себя наложу, я его люблю! Разъ судьба пришла, и то родной отецъ завязываетъ свѣтъ... Грѣхъ вамъ, папа, будетъ, что дочку загубили... я тоже человѣкъ, тоже жить хочу!"..—Такъ они меня одурманили... Благословилъ.

О. Петръ, во время разсказа старика, все больше и больше блѣднѣлъ.—Сердце его болѣзненно сжалось. Наконецъ голова закружилась, и онъ склонился на столъ.

О. Иванъ перепугался, подалъ ему воды; позвалъ матушку.—Долго отецъ Петръ молчалъ, но нервы его не выдержали, и онъ зарыдалъ.—Матушка принесла „валеріановыхъ капель", напоила ими о. Петра и уложила его въ постель.

О. Петръ объяснилъ свое нездоровье тѣмъ, что послѣдніе дни очень мало спалъ.

Когда въ домѣ все успокоилось, о. Петръ попросилъ о. Ивана окончить начатую исторію.

— А конецъ вотъ какой,—началъ о. Иванъ.—Вечеромъ онъ уѣхалъ; къ свадьбѣ, говорилъ, приготовиться нужно. Я далъ ему на дорогу послѣдніе тридцать рублей;—думаю: человѣкъ въ дорогѣ, пригодятся. Да и человѣкъ то уже, почитай, что свой! Настя тоже все, что сберегла, отдала. Да и сама еще хотѣла ѣхать съ нимъ—насилу удержалъ! Одурѣла совсѣмъ на старость....

Третьяго дни пріѣзжаетъ ко мнѣ о. Филимонъ. Я ему и разсказываю, что Настя просватана... А онъ какъ расхохочется: „Ужъ не за Смарагдова-ли?" — говоритъ. — За Смарагдова,— говорю.—„Ну,—говоритъ— хорошо еще,—дешево отдѣлались; другіе подороже поплатились". Да и разсказываетъ, что этотъ Смарагдовъ уже не у одного іерея засватался, не одинъ и денегъ ему далъ; а онъ женихомъ и разъѣзжаетъ! Недавно онъ

встрѣтился съ однимъ изъ обманутыхъ имъ діакономъ—тотъ и предоставилъ его въ полицію.—Теперь въ кутузкѣ сидитъ... Вотъ тебѣ и женихъ!—Позоръ-то какой на старость!.. Настя-то, на радостяхъ, про жениха уже всѣмъ знакомымъ похвасталась...

Думалъ я думалъ, и порѣшилъ съѣздить къ вамъ, о Петръ. Думаю, храни Богъ, и у васъ тутъ онъ чего натворилъ,—въ тишинѣ бы сохранили это дѣло... На эту мысль навело меня то, что онъ все о васъ да объ о. Филаретѣ говорилъ... Былъ я, по дорогѣ къ вамъ, у о. Филарета. Разсказалъ ему о моемъ дѣлѣ: мое-то все едино уже всѣмъ извѣстно! Пораженъ сильно былъ о. Филаретъ. „Ну, коли такъ,—сказалъ онъ—коли ты отъ меня ничего не скрылъ, то и я тебѣ покаюсь“!—„Какъ выѣхалъ это онъ отъ о. Петра, разсказывалъ о. Филаретъ, заѣхалъ ко мнѣ. Долгонько мы посидѣли; а на прощанье онъ и говоритъ: „дѣло къ вамъ, о. Филаретъ, имѣю“! Провелъ я его въ кабинетъ—онъ предложеніе Оленькѣ сдѣлалъ. Видѣлъ я его и раньше, понравился онъ мнѣ. Честь—честью: благословилъ. Обмѣнялись они съ Оленькой кольцами. Онъ и уѣхалъ. А пока что, рѣшили дѣло въ секретѣ держать. Даже о. Петру не говорить.—„Сколько же денегъ ты далъ ему“?—спрашиваю. „Денегъ говоритъ—не давалъ, а кольцо цѣнное Оля дала. Кольцо съ брилліантомъ, рублей на восемьдесятъ; а онъ въ обмѣнъ ей мѣдненькую, грошевую „каблучку“ приподнесъ. Тогда не разсмотрѣли, а какъ разглядѣли—сомнѣніе меня взяло. Справлялся въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ: нѣту его въ выпускныхъ! Я къ о. Исидору написалъ, спрашивалъ: не знаетъ-ли онъ, гдѣ въ настоящее время находится его племянникъ Яковъ Осиповъ Смарагдовъ? Получилъ отвѣтъ: пишетъ о. Исидоръ, что никакого племянника у него нѣтъ, и чтобы всяческихъ проѣзжихъ, именующихъ себя окончившими, опасаться, такъ какъ подъ именемъ таковаго ѣздитъ нѣкій самозванецъ, который фамилію свою часто мѣняетъ; поэтому, дабы не было соблазна, лучше всего требовать документы у неизвѣстныхъ, именующихъ себя окончившими“. „Теперь, говорилъ о. Филаретъ, если-бы и знакомый какой пріѣхалъ въ качествѣ жениха, до тѣхъ поръ не дамъ слова, пока не отберу документа“.—

Сердитъ былъ о. Филаретъ, очень сердитъ! Кольца жаль, что пропало; да еще и старку лѣтъ двадцать держалъ, чтобы мошеннику такому досталась.—Такіе-то грѣхи, о. Петръ! Даже о. Филарета надули; должно быть, первый разъ въ жизни далъ одурачить себя. Нашелся, значить, человѣкъ и похитрѣе о. Филарета.—Если у васъ, сохрани Богъ, что случилось—держите въ тайнѣ.

— Охъ, былъ грѣхъ! былъ...—простоналъ о. Петръ и разсказалъ о. Ивану все, что у нихъ произошло со Смарагдовымъ.

— А скажите, кто бы могъ подумать что либо подобное? Никогда у насъ этого не было!.. И человѣкъ онъ по виду такой приличный! Всѣхъ почти священниковъ знаетъ, многихъ и привычки даже знаетъ... Какъ началъ я съ нимъ говорить: оказалось, что онъ моихъ родственниковъ лучше знаетъ, чѣмъ я самъ. Ну какъ-же тутъ было не повѣрить! Говоритъ: „прислалъ о. Исидоръ какъ къ своему другу"... Какъ же тутъ не повѣрить!—закончилъ свой разсказъ о. Петръ.

— Тонкая бестія, что и говорить! А что знаетъ онъ всѣхъ, то и неудивительно: у кого онъ не былъ только, гдѣ не сватался? Въ нашихъ мѣстахъ у четырехъ „отцовъ" былъ: у о. Прокофія, у о. Леонида, у о. Виссаріона, у о. Дезидерія...

— У о. Дезидерія?—спросилъ о. Петръ.—У него вѣдь и дочекъ, кажется, еще подходящихъ нѣтъ! Манѣ сколько? Я думаю, не болѣе четырнадцати!

— Нѣтъ четырнадцати. У о. Дезидерія онъ не сватался, а такъ проѣздомъ только... Освѣдомленъ, должно быть, плохо былъ: сказали, что дочка есть, а о лѣтахъ и не справился... Пріѣхалъ, посмотрѣлъ—и дальше.

— Что же это я съ Аней теперь дѣлать буду? Какъ ей сообщить?—сокрушался о. Петръ.—

— Какъ нибудь съ Божьей помощью сдѣлаемъ ужъ это, о. Петръ! Долго еще не спали „отцы", долго говорили о „самозванцѣ". На Анну Петровну порѣшили дѣйствовать посредствомъ Сони.

На другой день утромъ позвали Соню и разсказали ей, въ чемъ дѣло.—Соня сперва возмущалась, а послѣ рѣшила, что это

еще счастливая „судьба“ была, коли обошла: хуже было-бы, если-бы прицѣпилась.

Соня уладила все дѣло хорошо: шуточками, да разными обходами она представила Аннѣ Петровнѣ все въ такомъ смѣшномъ видѣ, что та въ концѣ-концовъ расхохоталась. Пожалѣла только о часахъ немного; за свои кровныя деньги она ихъ купила: была два года учительницей и какъ-то умудрилась собрать шестьдесятъ рублей на часы.

— Ну, да Богъ съ ними! Слава Богу, что хоть огласки не было,—люди не будутъ знать!—порѣшила Анна Петровна.—

— А скажи, Аня, по правдѣ, „онъ“ очень тебѣ нравился?—приставала Соня.

— Конечно, очень! Жить безъ него не могу! Развѣ за два дня нельзя полюбить человѣка „по гропъ жисти“?—смѣялась Аня.

Послѣ обѣда о. Иванъ уѣхалъ, пообѣщавъ сообщить письменно всѣ новости, какія услышитъ о „самозванцѣ“.

IX.

Въ Филипповъ постъ о. Петръ получилъ отъ о. Ивана письмо слѣдующаго содержанія:

„Высокопочтенный о. Петръ!“

„Твердо памятуя свое обѣщаніе, извѣстить Васъ о предерзостномъ „самозванцѣ“, пишу вамъ сіе письмо, въ коемъ и излагаю все, что мнѣ удалось узнать о Яковѣ Смарагдовѣ, изъ достовѣрныхъ источниковъ. Яковъ Осиповичъ Смарагдовъ изъ духовныхъ, обучался въ N-ой бурсѣ и, бывъ оттуда изгнанъ, поступилъ въ полицію писцомъ, откудова такожде былъ изгнанъ за какія-то продерзости. Снискивая себѣ пропитаніе, онъ напалъ на благую мысль, по образу „Гоголевскаго Ревизора“ дурачить людей и изображать изъ себя жениха изъ окончившихъ, зная, съ каковымъ почетомъ оные у насъ, въ духовенствѣ, принимаются. Въ семъ выгодномъ занятіи провелъ онъ болѣе года, разъѣзжая по обширной нашей губерніи, и подвелъ

не одинъ десятокъ нашихъ о. іереевъ, пока не былъ пойманъ какимъ-то о. діакономъ, у котораго тоже авансомъ получилъ десять рублей серебромъ. Діакономъ симъ онъ и былъ предоставленъ въ кутузку, откуда и выпущенъ теперь па свободу, за неимѣніемъ уликъ въ его мошенствахъ; брачныя же сдѣлки и авансы, которые онъ получалъ, были совершаемы съ обоюднаго согласія, безо всякаго съ его, Смарагдова, стороны насилія. Подложныхъ же документовъ, какъ равно и разрѣшенія консисторіи на вступленіе его, Смарагдова, въ законный бракъ не оказалось: все сіе онъ продерзостно лгалъ.—Въ настоящее время Смарагдовъ выпущенъ на свободу, подъ страхомъ наказанія, ежели будетъ впредъ изображать изъ себя не то лицо, каковое его мизерная особа изъ себя представляетъ. Потерпѣвшихъ насчитываютъ болѣе тридцати; много неизвѣстныхъ, въ коемъ числѣ и вы съ о. Филаретомъ. За симъ пожелавъ вамъ и почтенному вашему семейству всякаго благополучія и огражденія отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, остаюсь уважающій васъ Іоаннъ Козельскій".

„P. S. Говорятъ, что когда сидѣлъ „самозванецъ" въ кутузкѣ, то уѣздныя барыни большое ему сочувствіе оказывали: навѣщали его и кормили всяческими лигуминами. Много еще кой чего разсказываютъ, но писать опасаюсь: въ случаѣ, кто перехватитъ письмо (что, какъ вамъ извѣстно, у насъ не рѣдко случается), не было-бы много разговору... Все остальное при личномъ свиданіи". „Idem".

„С. Погорѣлово 189.. года ноября 24 дня".

Послѣ описанныхъ событій, жизнь въ семьѣ о. Петра потекла по прежнему: тихо, мирно, благополучно. О женихѣ иначе какъ со смѣхомъ сестры и не вспоминали; только матушка всегда сердилась, когда заходила рѣчь о Смарагдовѣ:

— И охота вамъ говорить о немъ!—Ни дна-бъ ему, ни покрышки! Попадетъ онъ либо въ сумасшедшій, либо въ острогъ....

Когда матушка, спустя долгое время, напоминала Сонѣ, что пора-бы уже и ей о себѣ подумать,—такъ какъ Аня и Саша уже давно пристроены, Соня говорила:

— Жениха, маменька, нѣтъ,—развѣ опять какая „судьба“ явится.

Владиміръ К—чъ.

Похоронные обряды и повѣрья въ Староконстан. у. Волынской губ.

Несмотря на многовѣковое господство христіанства въ землѣ Волынянъ, еще и до сихъ поръ язычество не изгладилось здѣсь изъ памяти народа, проглядывая во всѣхъ его религіозно-нравственныхъ и общественно-бытовыхъ воззрѣніяхъ. Правда, представленія, носящія язычески-суевѣрный характеръ, теперь встрѣчаются какъ будто ненарокомъ, нерѣдко скрываясь подъ обликомъ православнаго обряда. И можно, пожалуй, даже сказать, что этого рода представленія начинаютъ отходить въ область воспоминаній и «баекъ» у большинства крестьянъ; только консервативность женщины даетъ имъ возможность царить въ фантастически настроенныхъ умахъ. Таковы, напримѣръ, воззрѣнія народа на смерть. Слѣды олицетворенія смерти видны въ способѣ умерщвленія ею людей. Люди умираютъ отъ различныхъ болѣзней—это значитъ, по мнѣнію крестьянъ, что смерть умерщвляетъ различными способами. Извѣстно, что смерть является въ образѣ старухи съ косой, которою она убиваетъ людей. Отъ этого, можно сказать, общечеловѣческаго олицетворенія смерти у нашихъ крестьянъ осталось представленіе о томъ, что смерть „косою одрубуе головы". Когда же человѣкъ умираетъ отъ болѣзни, характеризуемой колотьемъ, то смерть представляется колющей шиломъ человѣка; а если умирающій че-

ловѣкъ страдалъ головными болями, то, говорятъ, что смерть убила человѣка ударомъ молотка въ голову.

Одновременно съ этимъ суевѣрно-языческимъ воззрѣніемъ на смерть встрѣчаются воззрѣнія, отличающіяся другою крайностію—раціонализмомъ. Крестьяне съ такимъ раціоналистическимъ направленіемъ (а такіе уже встрѣчаются) высказываютъ мнѣніе, что смертію оканчивается все. Впрочемъ, люди съ такими взглядами еще рѣдки, и они находятъ себѣ противовѣсъ въ суевѣрно-настроенныхъ женщинахъ.

У крестьянъ сохранилась пословица: „круты, не верты, а треба умерты", выражающая собою мысль о неизбѣжности для каждаго смерти. Эта пословица легла въ основу слѣдующаго разсказа:

У одного бѣднаго крестьянина было много дѣтей: „двадцять и йеденъ сынъ". Послѣ долгихъ соображеній бѣднякъ рѣшилъ пойти къ царю и выпросить вспомоществованія для себя и для своихъ многочисленныхъ сыновей, которые со временемъ должны сдѣлаться царскими слугами—солдатами. Царь далъ ему „грошей, хлиба, щей ковбасу на дорогу". На возвратномъ пути, утомленный продолжительнымъ путешествіемъ, мужичекъ присѣлъ отдохнуть, да и перекусить. Глядитъ—„йде баба, така стара, и така суха"! Поровнявшись съ нашимъ мужичкомъ, пришептывая отъ старости, баба попросила у него хлѣба: „Дай мини шынку, хлиба"—„А вы хто-жъ, бабуню?" освѣдомился мужичекъ.—„Я шмерть"—Мужикъ испугался и отдалъ непрошенной гостьѣ не только хлѣбъ, но и всю колбасу. Смерть сожрала всю колбасу, не оставивъ даже ниточки, которой перевязываются концы колбасы. Въ благодарность за угощеніе смерть научила мужичка „дохтуроваты": „Якъ прийдешъ до слабого, дывысь, де я сыжу: въ ногахъ, чы въ головахъ. Якъ въ ногахъ, то выздоровіе слабый, а якъ-же въ головахъ, то вмре; тоди ты вже не берысь личыты. А ничымъ не личы, тилько водою". Мужичекъ воспользовался наукой, и слава о его медицинскихъ способностяхъ дошла до самого царя. Заболѣваетъ царь: „зжовкъ, геть зовсимъ вмирае". Доктора безсильны ока-

зать ему помощь. По совѣту своихъ приближенныхъ, онъ приглашаетъ умудреннаго смертью мужика, который „всихъ выличуе йидною тилько водою“. Такъ какъ смерть стояла у ногъ царя, то мужичекъ-лѣкарь побѣдоносно заявилъ, что вылѣчитъ царя. И дѣйствительно, вылѣчилъ, за что былъ щедро вознагражденъ. „Отъ винъ вже и багатый“... Но жадность обуяла мужика-лѣкаря: „захотивъ винъ ще багатшимъ буты“. Що-то я тилько водою та водою личу: нехай-но я зроблю свого ликарства, то стану выличуваты, якъ смерть буде и въ головахъ“. Съ этою цѣлью онъ приготовилъ такое лѣкарство: „взявъ кориння зъ кропывы, буркуну, будякивъ, накалапуцявъ, та ще додатку вкынувъ здохлу кыцьку“... И пошелъ мужикъ лѣчить всѣхъ недужныхъ. За дерзость смерть наказала его тѣмъ, что лишила способности видѣть её: „Якъ ты такый, то бильше жъ не будешъ мене бачыты. Нехтивъ личиты водою!“ Съ тѣхъ поръ мужикъ-лѣкарь сталъ терпѣть неудачи. Не зная, гдѣ стоитъ смерть, въ изголовьи или въ ногахъ, онъ не могъ опредѣлить, смертельна болѣзнь, или нѣтъ. И затѣмъ потерялъ практику. Наконецъ, „прыйшовъ и ёму часъ вмираты“. Передъ смертью мужикъ сильно занемогъ. „Глянувъ винъ въ головы, ажъ бачытъ— въ головахъ смерть... Каже винъ до дитей: дитоньки, переставте мое лижко туды ногами, а сюды головамы. Обернулы... Дывыця... смерть такы въ головахъ стоить“. Онъ опять попросилъ дѣтей переставить кровать. „Смерть зновъ перейшла въ головы тай каже ёму: круты, не верты, а треба умерты“...

О приближеніи кончины человѣка можно узнать по тѣмъ или инымъ примѣтамъ. Если, напримѣръ, на домѣ прокричитъ „путькало“ (филинъ): „поховавъ“,—это предвѣщаетъ смерть кому-либо изъ его обитателей; наоборотъ, отнюдь нечего опасаться смерти, когда филинъ кричитъ: „пу-уть“. Примѣтами, предвѣщающими смерть, служатъ: ревъ скотины, а также вой собаки [1]). Но при этомъ нужно наблюдать, поднимаетъ ли собака морду вверхъ или внизъ опускаетъ. Въ послѣднемъ слу-

---

[1]) А въ с. Радовлѣ, Овручскаго у., примѣтой, предвѣщающей смерть, считается кукованіе кукушки на воротахъ.

чаѣ завываніе собаки грозитъ смертію кому-либо изъ людей, въ первомъ—изъ скотины[1]). Самая болѣзнь, если только она угрожаетъ смертью человѣку, является ему въ видѣ плачущей женщины или дѣвушки. Иногда болѣзнь принимаетъ видъ клубка, который „качается по сели". Въ томъ, что этотъ клубокъ—„лыхе", удостовѣряетъ тотъ фактъ, что собаки никакъ не могутъ его „взяты, а ни прыступыты".

Среди крестьянъ с. Карабіевки утвердился хорошій обычай посѣщать больныхъ. Естественно было бы ожидать, что пришедшіе кумовья и родственники станутъ утѣшать больного и его родныхъ, увѣряя, что болѣзнь не такъ опасна, какъ кажется, и т. п. Къ немалому удивленію было наблюдаемо, что посѣщенія кумовьями больныхъ не только не приносятъ этимъ послѣднимъ утѣшенія, но, напротивъ, еще больше могутъ разстроить ихъ. Сострадательные кумовья считаютъ какъ-бы своимъ долгомъ увѣрить больного, что смерть уже наложила на него свою печать. Со слезами на глазахъ, со вздохами, печально покачивая головами, трогательно-сочувственнымъ голосомъ они начинаютъ говорить больному: „ахъ, якъ-же-жъ вы, кумо, счорнилы; вамъ-бо вже й очи позападалы... э-э!! вы такы вмрете". Понятно, настроенный такими разговорами, больной и самъ начинаетъ убѣждаться, что ему не жить на свѣтѣ. И вотъ онъ, чувствуя близкую кончину, проситъ всѣхъ идти къ нему прощаться. На прощаніе съ умирающимъ приходятъ вся родня, сосѣди и кумовья. Въ рѣдкихъ случаяхъ священнику удается прочесть молитву на исходъ души. Это бываетъ лишь тогда, если больной умираетъ во время или послѣ совершенія надъ нимъ таинства елеосвященія; въ большинствѣ же случаевъ священника не увѣдомляютъ о приближеніи кончины человѣка.

Какъ только человѣкъ умретъ, сейчасъ хозяева просятъ кого-либо изъ сосѣдей „нарядыты" его. Наряжать можетъ вся-

[1]) Въ с. Колкахъ, Староконстантиновскаго у. иначе толкуютъ это явленіе. Именно, когда воющая собака держитъ морду кверху,—это предвѣщаетъ пожаръ, а когда опускаетъ ее внизъ,—смерть хозяину или кому-либо изъ членовъ его семьи.

кій, только не родственникъ: близкому родственнику „не годится" наряжать тѣло усопшаго. Обыкновенно наряжаютъ усопшихъ старики и старухи. Обмывши тѣло теплой водой, одѣваютъ умершаго въ лучшее платье. Дѣтей одѣваютъ въ „сорочечки" и, если хозяинъ изъ зажиточныхъ, въ „сукеночкы" (платьица). Дѣвушку одѣваютъ въ ситцевую юбку синяго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ, которые считаются траурными. Въ юбку краснаго цвѣта нельзя наряжать, въ противномъ случаѣ въ этомъ роду будутъ умирать все въ молодыхъ лѣтахъ. Кромѣ юбки, на усопшую надѣваютъ „спенцеръ" [1]) или „кафтаникъ" [2]); на голову накладываютъ вѣнокъ изъ живыхъ или бумажныхъ цвѣтовъ, „бынды"; волосы расплетаютъ, какъ невѣстѣ, а на палецъ надѣваютъ мѣдное колечко. „Молодыцю" почти такъ-же наряжаютъ, какъ и дѣвушку, съ тою только разницею, что голову украшаютъ не вѣнкомъ, а поверхъ платка повязываютъ „рантухомъ" [3]).

Мужчинъ одѣваютъ въ бѣлые штаны и „спенцеръ", а съ правой стороны, возлѣ головы, кладутъ барашковую шапку [4]). Парубкамъ къ шапкѣ пришиваютъ вѣнокъ изъ барвинку и цвѣтовъ, и ленточку; на палецъ надѣваютъ перстень. Впрочемъ, перстень даютъ каждому усопшему. У кого же не сохранилось брачнаго кольца, для тѣхъ дѣлаютъ его изъ воску. Ноги усопшимъ обматываютъ кускомъ бѣлаго каленкору. Каленкоромъ же

---

[1]) *Спенцеръ*—верхнее платье женщины, въ родѣ современнаго жакета Отличается отъ мужскаго спенцера тѣмъ, что шьется съ перехватомъ въ таліи, отдѣлывается тесьмой, а карманы нашиваются бархатомъ. Въ другихъ мѣстахъ Староконстантиновскаго у. ихъ называютъ „лейбыками" и „курманами" (въ с. Гальчинцахъ).

[2]) *Кафтаникъ*—родъ лѣтняго пальто изъ такъ называемой „дымы", притомъ дыма употребляется либо полосатая (въ синія и бѣлыя полоски), либо въ цвѣтахъ по коричневому полю. Къ воротнику пришивается небольшихъ размѣровъ пелеринка. Кафтаниковъ теперь почти не видно: изъ моды вышли въ Карабіевкѣ.

[3]) *Рантухъ*—четырехаршинный кусокъ бѣлой ткани, которымъ въ недавнія еще времена замужнія женщины повязывали головы вмѣсто или поверхъ платка.

[4]) Въ Радовлѣ, Овручскаго у., шапку кладутъ подъ лѣвую руку.

покрываютъ и все тѣло умершаго, отъ рукъ до пальцевъ на ногахъ. Въ руки даютъ иконку или изъ воску сдѣланный крестикъ. Кромѣ того, считаютъ обязательнымъ соблюсти слѣдующій обычай старины: въ тряпицу завязываютъ „два гроши" (1 коп.) и затыкаютъ усопшему за поясъ. Наряженное тѣло покойника кладутъ на „лавѣ" [1]) головой къ образамъ, а ногами къ порогу. Ту часть „лавы", гдѣ имѣетъ лежать тѣло покойника, закрываютъ „рядномъ", а остальное—бѣлымъ полотномъ. Подъ голову покойнику кладутъ подушку, а на столѣ ставятъ крестъ и свѣчи, полученныя изъ церкви. Чтобы умершій не отражался въ зеркалѣ (у кого оно есть), зеркало заклеиваютъ бумагой или оборачиваютъ досками напередъ.

Послѣ этого начинаются хлопоты и приготовленія къ похоронамъ. На похороны дѣвушки пекутъ „коровай", „убираютъ" его совершенно такъ-же, какъ и на свадьбу, съ тою только разницею, что при этомъ не поютъ пѣсенъ.—Первымъ долгомъ приглашаютъ кого-нибудь изъ столяровъ сдѣлать „трумно" (гробъ). Мѣру для гроба чаще всего берутъ очеретинкой. Отсюда и проклятіе: „бодай тебе очеретомъ змиряно". Гробъ дѣлаютъ изъ сосновыхъ досокъ, оббиваютъ внутри бѣлымъ каленкоромъ или, просто, тряпицами. За работу гроба не полагается брать денегъ, но за то нужно угостить гробовщика водкой. Щепки съ гроба сжигаютъ и высыпаютъ въ укромное мѣсто, что бы ихъ не попирали ногами; впрочемъ, не всегда предпринимаются такія мѣры. Люди благоразумные и набожные, при видѣ пепелка или щепокъ съ гроба, читаютъ молитву за упокой души покойнаго. Приглашается также гробокопатель, которому за его работу „полагается" булка хлѣба. Затѣмъ, хозяинъ или кто-либо изъ родни идетъ къ псаломщику, вручаетъ ему 5 коп. и проситъ позвонить „по души". Староста же, съ вѣдома священника, выдаетъ изъ церкви свѣчи, крестъ, вѣнчикъ и, если нужно, разрѣшительную молитву.

На ночь приглашаются сосѣди для того, чтобы хозяевамъ возможно было немного отдохнуть; спятъ по очереди. Для при-

---

[1]) Лава—скамья.

глашенныхъ готовятъ ужинъ и обѣдъ, если погребаютъ въ послѣобѣденное время. Но и здѣсь нельзя обойтись безъ водки. Въ иныхъ случаяхъ можно угостить рюмкой, двумя, каждаго, а въ данномъ—сколько кто пожелаетъ.

Во все время, пока тѣло умершаго лежитъ на „лавѣ“, люди приходятъ помолиться. Но и здѣсь не обходится безъ своеобразныхъ заключеній. Бабы приходятъ, между прочимъ, убѣдиться, „скрепло“-ли (окостенѣло-ли) тѣло, закрыты ли глаза у мертвеца? А потомъ дѣлаютъ такіе или иные выводы. Если тѣло покойника не скоро костенѣетъ, то это значитъ, что въ этомъ домѣ опять, и при томъ не въ продолжительномъ времени, будетъ мертвецъ. То же самое означаетъ, когда у мертвеца открытъ глазъ: „выглядае кого-сь“, говорятъ.

Самое погребеніе начинается угощеніемъ хоругвеносцевъ. Родственники и близкіе умершаго выходятъ къ нимъ на „подвирья“, одинъ даетъ по рюмкѣ водки каждому, а другой—по краюхѣ хлѣба. Послѣ панихиды и литіи, покойнаго укладываютъ въ гробъ, который сразу покрываютъ „викомъ“ (крышкой), накрываютъ „покрываломъ“ (кусокъ полотна) и на верхъ гроба кладутъ хлѣбъ. А при погребеніи дѣвушки на крышку гроба, вмѣсто хлѣба, кладутъ разубранный коровай, а священнику, псаломщику, хоругвеносцамъ и тѣмъ, кто будетъ нести гробъ, къ боку цѣпляютъ бѣлый платокъ. При выносѣ тѣла хозяина изъ хаты, на каждомъ порогѣ срединой гроба троекратно постукиваютъ, чѣмъ выражается послѣднее прощаніе хозяина съ домомъ. Распространенный едва ли не во всемъ Староконстантиновскомъ у. обычай перевязывать ворота краснымъ поясомъ, во время выноса тѣла изъ дома, въ с. Карабіевкѣ не сохранился. Гробъ укладываютъ либо на „мары“ (носилки), либо прямо на возъ. Отсюда получаетъ начало и смыслъ проклятіе: „нехъ тебе на мары положать“.

Смерть близкаго человѣка естественно вызываетъ скорбь родственниковъ его. У крестьянъ эта скорбь увеличивается еще тѣмъ, что смерть хозяина или хозяйки—лишеніе рабочей силы, подчасъ влекущее за собой весьма печальныя послѣдствія.

Остается, напр., послѣ смерти мужа баба, уже неспособная къ замужеству, со множествомъ дѣтей, да еще женскаго пола. Какъ же не плакать ей, горемычной! Но помимо такого рода соображеній, прямо считается неприличнымъ не плакать по умершемъ. Наоборотъ, хорошо оплакиваемаго считаютъ счастливымъ: „отто счаслывый! такъ гарно плакалы по нему". Изъ пѣсни о „Семенѣ", видно, что когда-то бились головой „о стовпъ", выражая этимъ сильную скорбь. И теперь, впрочемъ очень рѣдко, можно видѣть, что оплакивающіе своихъ умершихъ родныхъ бьются „о земь" или „о коминъ" головою. Но сами крестьяне смѣются надъ такими „пассіонами", какъ они называютъ такихъ, и „хамынаютъ" (уговариваютъ) ихъ. За то рѣшительно осуждаютъ тѣхъ, кто не умѣетъ причитывать по покойникѣ, „якъ провадятъ". Чаще всего причитыванія сводятся къ перечисленію работъ, которыя исполнялись покойнымъ, и жалобамъ, кто теперь ихъ будетъ дѣлать. Вотъ примѣры причитанія: (къ сыну)—„Ой, сыну мій, ой голубчыку мій, звидкы жъ я тебе буду выглядаты: чы зъ горы, чы зъ долыны, чы зъ высокои могылы?... Сонечко мое, зирко моя, квитко моя, мисяцю, пріятелю мій! и т. под.; (къ мужу): господару мій, порядныку! а хто жъ буде порядковаты, а хто буде за плугомъ ходыты? и т. п.. Утихо моя, а якъ я буду безъ тебе жыты?!; (дѣти къ отцу или матери): „А хто жъ намъ буде послуговуватысь?! Хто буде порядковаты, хто буде змываты, росчисуваты?" и т. п.

Печальный обрядъ заканчивается на кладбищѣ. Послѣ возглашенія „вѣчной памяти", гробъ опускаютъ въ могилу на шнурахъ. Обычай—бросать горсть земли въ могилу, теперь мало-по-малу начинаетъ замѣняться такимъ: возьметъ каждый комокъ земли, перебросить съ ладони на ладонь, да и броситъ куда попало. Когда священникъ „запечатаетъ гробъ", на землѣ, не вдалекѣ отъ могилы, стелютъ „радно", „крають" хлѣбъ и „частують" водкой. Продолженіе этой, такъ сказать, тризны бываетъ еще на дому. Бѣдные приглашаютъ только гробокопателей, гробовщика и людей, чѣмъ либо помогавшихъ при погребеніи. Богатые же приглашаютъ, кромѣ того, родственниковъ и сосѣ-

дей. Для гостей готовится обѣдъ, состоящій чаще всего изъ трехъ блюдъ: борща, каши съ молокомъ, съ саломъ или юшкой, и вареников̆ъ съ сыромъ. Чарка тоже играетъ весьма видную роль. За обѣдомъ про покойника стараются не вспоминать; а уже подаютъ совѣты по устройству хозяйства. Если умерла, напримѣръ, хозяйка, то мужу совѣтуютъ поскорѣе жениться, доказывая, какъ худо живется безъ хозяйки.

Въ теченіе девяти дней послѣ смерти душа человѣка витаетъ на землѣ, именно въ своей хатѣ. Вотъ почему, по вѣрованію крестьянъ, до истеченія девяти дней со дня смерти кого-либо изъ членовъ семьи нельзя бѣлить хаты: это непріятно душѣ умершаго, еще обитающей на землѣ. Впрочемъ, душа получаетъ отъ Бога позволеніе ходить по землѣ до 40-го дня, но только тамъ, гдѣ человѣкъ бывалъ при жизни, напримѣръ, въ своемъ селѣ, на отпустъ и т. п.

Поминовеніе по усопшемъ бываетъ въ 40-й день; обязательно служится панихида, а зажиточные просятъ отслужить и заупокойную утреню съ литургіей. То же самое бываетъ и въ годовщину смерти. Богатые даютъ деньги на 40 или 20 литургій по умершемъ, что называется сорокоустомъ.

Сообщ. *Л. Ленчевскій.*

Къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI-мъ и XVII вѣкахъ.

Въ статьѣ „Лубенщина и Вишневецкіе", помѣщенной въ 1-ой книжкѣ „Кіевской Старины" за 1896-й г., А. М. Лазаревскій, задаваясь вопросомъ о происхожденіи колонистовъ, поселенныхъ Вишневецкими въ концѣ XVI-го вѣка по Сулѣ и ея притокамъ въ опустошенной татарами лѣвобережной Украйнѣ, и предположивъ, что родиной этихъ поселенцевъ была Галиція, совѣтуетъ, за недостаткомъ письменнаго матеріала, выяснить данный вопросъ путемъ этнографическимъ, сличеніемъ пѣсенъ и обрядовъ Полтавской губ. съ червонорусскими. Находя мысль о широкомъ примѣненіи этнографіи къ исторіи вообще плодотворной и, въ частности, предложенную задачу весьма интересной, я позволю себѣ воспользоватся этой мыслью для сравненія произведеній лѣвобережнаго народнаго творчества, но не съ червонорусскимъ, для чего нѣтъ подъ рукой необходимыхъ матеріаловъ по галицкой этнографіи, а съ бѣлорусскимъ—по сборникамъ Е. Р. Романова и др. Сравненіе это будетъ сдѣлано мною не въ томъ объемѣ, какой указанъ почтеннымъ малорусскимъ историкомъ, такъ какъ сличеніе данныхъ изъ всего Посулья встрѣтило-бы значительныя затрудненія въ томъ обстоятельствѣ, что въ печати не только нѣтъ отдѣльныхъ мѣстныхъ этнографическихъ описаній среднихъ уѣздовъ Полтавской губ., расположенныхъ по Сулѣ и ея притокамъ, но даже и въ

общихъ сборникахъ мѣстность эта представлена крайне слабо; напримѣръ, изъ 5200 пѣсень III, IV и V-го т. „Трудовъ экспед. въ юго-зап. край“ Чубинскаго приходится на долю Роменскаго уѣзда 21 пѣсня, Прилукскаго—8 и Лохвицкаго—ни одной. Возможно, впрочемъ, что въ „Трудахъ“ есть и еще пѣсни изъ названныхъ уѣздовъ, но въ виду того, что этнографы не всегда отличали мѣсто записи пѣсенъ, нельзя относить послѣднія къ какой нибудь опредѣленной части Малороссіи. Во всякомъ случаѣ, ни во время составленія сборника Чубинскаго, ни послѣ того, никто не позаботился записать даже главнѣйшихъ ритуаловъ въ этихъ уѣздахъ: родиннаго, весильнаго, погребальнаго. Только по Лубенскому у. такой недостатокъ этнографическихъ матеріаловъ былъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, пополненъ мною, почему въ настоящей замѣткѣ сличеніе ограничится только бѣлорусскими и лубенскими данными. Самое сличеніе представляется болѣе удобнымъ начать со сказокъ [1]).

---

[1]) Кромѣ приводимыхъ въ текстѣ, нѣкоторые менѣе значительные элементы сравненія отнесены мною въ примѣчаніе для того, чтобы не утомлять читателя. Такъ, бѣлорусская сказка „Божжая цяпло“ (сб. Ром. IV. № 28, 40), о займѣ бѣднакомъ и богатымъ огня у старика подъ свѣтлый праздникъ, гораздо ближе къ записанной мною въ Лукомьи, чѣмъ варіантъ, приводимый въ „народн. разсказахъ о долѣ“ Иванова, въ Сбор. Истор.-Филол. Харьк. Общества. IV., 1892 г., стр. 79. Повѣрья о томъ, что кожа на первыхъ людяхъ въ раю была такая же, какъ ногти (Ром. IV, № 1), и о томъ, что медвѣдь (у насъ волкъ) произошелъ отъ человѣка, хотѣвшаго испугать крикомъ Бога (№ 17, 22 и 168)—общія обѣимъ мѣстностямъ. Точно также общи бѣлоруссамъ и лубенцамъ почитаніе пятницы, выражающееся въ заговорахъ и молитвахъ ей (Бѣлор. Сб. Ром. V., 1891 г., 265, 366, 411, 167. Свадеб. пѣсни Луб. у. въ Кіев. Стар, 1890 г., IX, № пѣсни 241, 189), въ запрещеніи скоромной пищи и нѣкоторыхъ работъ: золенія, пряжи по пятницамъ, при несоблюденіи какого запрещенія пятница накидываетъ виноватымъ непосильныя работы (Зап. Импер. Рус. Геогр. Общ. V., 1873., 709). Но значеніе подобныхъ фактовъ ослабляется въ виду изслѣдованія А. Н. Веселовскаго. „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды“ IV. Сказаніе о 12 пятн. въ журн. Мин. Нар. Пр. 1876 г., VI, 327—367, гдѣ доказано, что означенное почитаніе пятницы встрѣчается во всемъ христіанскомъ мірѣ. Также и общее обѣимъ мѣстностямъ торговое значеніе пятницъ—базары въ Бѣлоруссіи (Зап. Рус. Геогр. Общ. V, 13), базары и ярмарки въ Луб. у. по этимъ днямъ—не особенно важно для заключенія о сходствѣ изслѣдуемыхъ мѣстностей, потому что въ древней Руси пятницы были повсемѣстно днями торговъ, суда, расправы и казни (соч. Кавелина. IV. Москва 1859 г.,

Во II т. сборника сказокъ Рудченка приведена сказка, перепечатанная изъ „Черниговскаго Листка", издававшагося Глѣбовымъ, записанная въ шестидесятыхъ годахъ М. Т. Симоновымъ, о запродажѣ змѣю отцомъ своего сына, о побѣгѣ послѣдняго съ дочерью змѣя, о временной измѣнѣ этой дочери и женитьбѣ на ней. Лѣтъ 30 спустя, мнѣ пришлось записать ту же сказку въ окрестностяхъ Яблонова, но уже въ болѣе слабой редакціи. Въ Яблоновскомъ варіантѣ есть однако любопытная подробность, не встрѣчающаяся у Симонова, но весьма пригодная для интересующей насъ цѣли сличенія малорусскихъ и бѣлорусскихъ матеріаловъ, такъ какъ точно такая же подробность встрѣчается въ варіантахъ сборника Романова (т. III. Сынъ продадзённый, № 21, 164—181), въ которыхъ человѣкъ приноситъ къ себѣ домой воробья, сражавшагося съ мышью, теряетъ все свое добро для прокормленія птицы и вознаграждается за то волшебнымъ мѣшкомъ. Мотивъ этотъ передается Яблоновскою сказкой такъ: Бувъ соби критъ и горобець; побратались воны. Найшовъ горобець волотокъ проса, а критъ накротывъ и посіялы те просо. Критъ пойшовъ до дому, а горобцеви прыказавъ: „гляды, покы я прыйду; выжнемъ и подилымось копамы." Критъ прыйихавъ того проса жать, а горобецъ постаравсь тай выпывъ його. Просо то пожалы, у копы поклалы, потимъ сказавъ критъ до горобця: „иды, брате, попрощаемся". Прыйшовъ прощаться. Критъ поймавъ горобця, оскубъ и на пивкопы посадывъ. Йиде чоловикъ дорогою, горобець и гукае: „слухай, добрый чоловиче, заберы отсе просо и мене выгодуешъ симъ просомъ". Чоловикъ забравъ те просо, прывизъ до дому, помолотывъ и годуе того горобця, покы пирьячко на ёму поросте. Пойивъ горобець те просо: „теперъ, каже, давай и свое".

193). Общіе свадебные обряды: умываніе новобрачныхъ у колодца водой, посыпаніе молодою поля и жилья молодого (Зап. Геогр. Общ. V, 605 и 642, мои Свад. пѣсни Луб. у., Кіев. Ст. 1890 г., IX, 189), и одинаковые народно-акушерскіе пріемы обращенія къ водѣ (Романовъ сб., 54 146, 148, 167, 168 и мои Нар. Обр. Луб. у., 16—19., 24, 25)—также сами по себѣ еще не могутъ рѣшить разсматриваемаго вопроса, потому что встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ.

Пойивъ и його просо, потимъ каже: „порижъ мени волы". Чоловикъ и волы поризавъ. „Ну, теперъ, каже горобець, иды въ лисъ и вырубай тры бычи, позапарюй и сидай на мене". Винъ тоди сивъ на того горобця и пойихавъ. Йиде, йиде, колы стоить хатка на курячій нижци. „Ну, оттутъ, каже горобець, бый мене проты сей хаты бычемъ". Выйшла жинка, каже: „не бый, добрый чоловиче, що скажешъ, те тоби й дамъ". Чоловикъ, наученый горобцемъ, и каже: „дай ту подушечку, що въ тебе въ головахъ". А вона и каже: „Якъ ту подушечку давать, що въ мене въ головахъ, такъ ты його хочъ и вбый". А чоловикъ каже: „та я його не вбью, та тильки бычъ до рукъ побью". Тоди пойихавъ дали. Йиде, колы впьять стоить хатка на курячій нижци. Знову чоловикъ ставъ быть горобця. Выходыть жинка, каже: не бый, чоловиче, що скажешъ, те я тоби й дамъ. —„Дай ту подушечку, що тебе въ головахъ".—Хочъ ты його и убый, то не дамъ. Чоловикъ и каже: „я не вбью, а тилькы бычъ до рукъ побью". Тоди пойихавъ ще дали. Стоить хатка на курячій нижци. Знову бье горобця. Выйшла жинка: „не бый, добрый чоловиче, се нашъ братъ, що скажешъ, те й дамъ".— „Дай ту подушечку, що въ тебе въ головахъ.»—«Постій, матери спытаюсь". Спыталась, вынесла ту подушечку. Чоловикъ узявъ ту подушечку, пишовъ. Иде соби и самъ гомоныть: „килькы у мене добра перевивъ и волы пойивъ, а мени давъ подушечку зъ пирьями". Тоди зійшовъ на такый степъ, якъ дымъ, сивъ на могыли, розшморгнувъ ту подушечку и подывывся, що въ тій подушечци. Зъ тіи подушечкы выйшлы вивци и увесь скотъ, що горобець у його пойивъ, и така сыла, що закрывъ увесь той степъ. „Затѣмъ разсказывается, что человѣкъ не могъ собрать скота безъ помощи змѣя, которому вынужденъ былъ запродать сына за эту помощь, и въ дальнѣйшемъ ходѣ сказки о приключеніяхъ сына оба названные выше варіанта почти тождественны. Еще ближе къ бѣлорусскому варіанту мѣстная сказка объ Ивасѣ и вѣдьмѣ. Сказка эта очень любима въ Малороссіи и распространена здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Великорусскіе варіанты незначительны, иногда носятъ на себѣ

явные слѣды малорусской редакціи (Аѳанасьевъ, Нар. Рус. Сказки. Примѣч. стр. 96); славянскія же сказки о рыцарѣ лебедя, сближаемыя Буслаевымъ (Отечественныя Записки 1860 г., IX, 646—652) съ нашей сказкой, очень далеки отъ нея. Впервые она появилась въ печати въ извѣстномъ сборникѣ Аѳанасьева, (изд. 3., т. I, 91—94). Затѣмъ почти одновременно въ „Зап. о Южной Руси“ Кулиша (т. II, 17) и въ „Литературномъ Сборникѣ“ Мордовцева (Саратовъ 1859 г., 366—370). Есть она и у Рудченка (т. II, № 15).

Во всѣхъ перечисленныхъ варіантахъ Ивась является обыкновеннымъ сыномъ своихъ родителей, только въ образчикахъ, записанныхъ въ Погарѣ, Черниговской губ. (Аѳан., стр. 93), въ Гродненской губ. (Чуб. Тр. Эксп. II., № 116, 406—409) и въ „Бѣлор. Сб.“ Романова (т. Ш., № 42, 268—270) происхожденіе Ивася сверхъ-естественно. Дѣдъ идетъ въ лѣсъ по приказу бабы, дѣлаетъ изъ пня люльку и кладетъ въ нее палочку. Скоро при неусыпныхъ материнскихъ заботахъ палочка облекается тѣломъ, одухотворяется и начинаетъ жить въ видѣ мальчика. Съ этими послѣдними варіантами сходна и слѣдующая Снѣтинская сказка. „Якъ бувъ соби чоловикъ та жинка, та не було въ ихъ дитей зроду. Жинци скушно, шо немае въ ихъ дитей. Дидъ пиде, то рыбы ловыть, то що, а баба у хати сыдыть, ни съ кимъ балакать. Досадувала вона, досадувала, лягла-заснула. И прыснылось ій, щобъ вона заставыла свого дида зробыть колыску и затесать палычку, а вона щобъ ту палычку сповыла и колыхала. Давай вона людямъ хвалытся, якый ій сонъ прыснывся. Люды сказалы: зробы такъ, може выколышешъ дытыну. Стала вона дидови казать, а дидъ давай лаять бабу: „якъ такы таке робыть? люды зъ насъ сміятымутся, скажуть: стари, а дурни“. Баба съ тимъ: „хай сміются—не сміются, а ты вже зробы мени такъ“. Дидъ заходывся, посукавъ вервечкы, зробывъ и колыску и застругавъ палычку. Баба набрала пелюшокъ, сповыла, положыла въ люльку, колыше и спива, а дидъ плете ситку, та все бабу лае. Поколыхала баба тыждень, чы дви недили; колы дидъ пишовъ десь рыбы ловыты, а вона сама въ

хати зосталась тай каже: а розъяжу подывлюсь. Взяла, розвязала,—колы воно вже до половыны дытя. Вона його мерщій зъязала, та колыше-колыше, а дидъ якъ увійде, якъ потурне колыску; вона лае дида, а не хвалытся. Поколыхала ище дви недили, колы подывылысь, ажъ дытына—хлопья циле. Тоди вона выняла съ колысочкы та диду:—„бачъ, стара собако, ось есть у насъ сыночокъ!“ А дидъ якъ побачывъ, що дытына, тай соби зрадивъ, уже й самъ поколыхуе. Колышуть, колышуть. Далы йому имя Ивась. Пидвився той Ивась, каже: „годи мене, мамо, колыхать, я вже велыкый“. Выняла баба Ивася зъ колыскы, а винъ пытае дида: „що вы, тату, робыте?“—Ситку плету, рыбку ловыть.—„Годи плесты! зробить мени човнык та весельце, то я буду рыбку ловыть. Зробывъ дидъ. Пишовъ Ивась рыбкы ловыть, а матирь просывъ прынесты снидать. Маты наготовыла йому снидать, понесла тай гука: сынку Ивашку!

Чи по морю йиздышъ?
Чи рыбоньку ловышъ?
Блыжай човныку,
Блыжай веселечко.
Прыйизжай, Ивасю,
Прыйизжай, сердечко!....

Затѣмъ въ Сборникѣ Романова (II, № 67, 210) приведена шутливая пѣсня объ умирающемъ дѣдѣ, котораго баба разспрашиваетъ: какъ ей быть, чѣмъ поминать? какъ защищаться отъ собакъ?

— А кіями, бабка, а кіями, любка,
А кіями, сизая голубка.
— Дзядуля ты мой! издѣ жъ кія брадь?
— А у лѣси бабка и т. д.
На вопросы: чѣмъ рубить? гдѣ взять топоровъ?
— А у коваля бабка и т. д.

Соотвѣтствующая этой пѣснѣ Спѣтинская приказка разсказывается на распѣвъ такимъ образомъ. Бувъ соби дидъ Пархимъ и баба Любка. Якъ винъ померъ, вона його убрала и положыла на лави, плакала и пытала: якъ ій жыты, кусокъ хлиба

йисты? Винъ одвича: бабко Любко, сывая голубко! изшый соби кастрыкъ (торбу) и иды по людямъ просыть соби хлиба. Диду Пархоме! пишла бъ дакъ собакы порвуть.—Зъ костуркою, бабко, зъ костуркою Любко, зъ костуркою, сывая голубко!—Ой, диду Пархоме, дежъ тіи костуркы взять?—Ай у лиси, бабко, ай у лиси, Любко, ай у лиси, Пархомыхо, сывая голубко!—Ой диду мій, Пархоме, чимъ же я зрубаю?—Ой до коваля, бабко, до коваля, Любко, до коваля, Пархомыхо, сывая голубко!—Ой, диду Пархоме, чымъ же я заплачу?—Деньгамы бабко, деньгамы Любко, деньгамы Пархомыхо, сывая голубко! Ой, диду мій, Пархоме, собаки порвутъ.—Оборонысь, бабко, оборонысь Любко.—Ой, диду мій, Пархоме, куды жъ я пиду зъ тымъ костуркомъ изъ тымы шматочками? — У женышатку (хатку), бабко, у женышатку Любко.—Ой, диду мій, Пархоме, що я буду сама въ женышатци робыть?—Кужелю бабко прясты, кужелю, Любко, прясты.—Ой, диду мій, Пархоме, дежъ я буду ту пряжу дивать?

— А до ткàча, бабко, а до ткача, Любко, а до ткача, Пархомыхо, сывая голубко!

Вообще различныя категоріи бѣлорусскихъ и лубенскихъ пѣсенъ [1]) еще болѣе схожи между собою, чѣмъ сказки! Напри-

---

[1]) Менѣе значительные элементы сравненія бѣлор. и лубенскихъ пѣсенъ слѣдующіе: бѣлорусская волочебная пѣсня о построеніи церкви волохами: (Сб. Рус. Геогр. Общ. № 164, 400, Сб. Ром.: № 2, 450), и наша колядка: Волохы поють и т. д. (Рожд. св. 11). № 106, 145, Сб. Ром.: Пора маты жыто жаты. Наша весн. Ой, жаль маты вечирочка (мои Народ. Обр. и пѣсни Луб. у. Хар. 1897 г. № 61, 74 и вар. во II т. Сб. Лысенка. Укр. писни. 41 Сб. Ром. № 13, 266: А въ бору. бору воду беру. У насъ и дощъ иде, роса пада. (Нар. Обр. № 5, 64).—Сб. Ром. № 12, 265. На мори вутка купалась. У насъ: Купалась сира утонька купалась (Нар. Обр. № 5, 86). Сбор. Ром. № 152, 242: Тетяна, Тетяна, чорноброва, кохана—одинакова съ записанною мною мѣстною. Также почти одинаковы въ Сборникѣ Романова и въ моемъ рукописномъ: пѣсни о поѣздкѣ козака за зельемъ для Маруси, объ измѣнѣ и казни ея (Сб. Ром. № 135, 138, вар. Чуб., V, №№ 244, 718, 754, стр. 112, 366, 387). Также о дѣвицѣ, предпочитающей лучше утонуть, чѣмъ быть спасенной „нелюбомъ“ (Ром. № 13, 158, и о загадываніи загадокъ дѣвицѣ Н. № 163, 420. Чуб. V, №№ 6, 208, стр. 1073 и 1190). Еще слѣд. пѣсня Сб. Романова (№ 54, 12) сходна съ Бересточской изъ моего рукописнаго сборника: „Надъ яворомъ надъ водой“ въ обѣихъ проклятія любовнику: „Бодай тебе, мій Ивасю, перва куля не мы-

мѣръ, въ пѣсняхъ подъ №№ 152—154, на 392—393 стр., V т. Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. орелъ проситъ молодца не стрѣлять, обѣщая быть за то въ пригодѣ:

Будзишъ ты жанитца,
А я табѣ, братець, перевезу
Дружку твою на сизомъ хвосту,
Дзѣвоньку твою на лѣвомъ крылу,
Табѣ молойца на правомъ крылу.

Въ Литвяковской, Лубенскаго у., щедривкѣ поется между прочимъ:

. . . . Орелъ промовляе:
Не стрѣляй мене, пане Ивашку,
Стану тоби въ великій прыгоди.
Якъ будешъ ты женыться,
Роспущу я свои сызи крыльця
Тай покрыю свашкы й свитылкы (2)
И коня вороного и тебе молодого...

(мои Рожд. Святки сѣв. части Луб. у. 18).

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что эта рождественская пѣснь есть и въ Галиціи, но въ болѣе отдаленномъ варіантѣ (Потебня. Объясн. Малор. и сход. пѣсенъ. II. Воронежъ. 1887 г. стр. 267—269). Затѣмъ, толочная пѣсня:

Господыня цецеря
Чы готова вечеря?
(Сб. Ром. II, № 4 и 19, 270, 275)

тождественна съ нашей;

Ой, тетеря, тетеря,
Чы готова вечеря?

(Рабоч. пѣсни Луб. у. въ Кіев. Стар. 1895 г., X, № 30, 12).

Въ Сб. Романова (№ 97, 49) находится слѣдующая пѣсня:

У недѣлю подъ понедѣлокъ
Звала невѣхна зовицю на ночь

нула“.—Въ Бѣлор. пѣснѣ: „Чи чи магера“ поютъ: „А у Кіеви казалы, што магеру скакалы“ у насъ: „А въ Кыеви заказалы, щобъ шенгери не скакалы“. Рекрутскія, духовныя и многія др. пѣсни также схожи.

Въ м. Снѣтинѣ поютъ:

Малая ничка петривочка
Та клыче зовыцю невисточка
(Нар. Обр. и пѣсни Луб. у. № 1, 84).

Въ обѣихъ приведенныхъ пѣсняхъ изображается почти въ тожественныхъ выраженіяхъ похищеніе дѣвицы, только въ бѣлорускої пѣснѣ подробнѣе: послѣ похищенія дѣвицы татарами къ ней приходитъ ея мать, чего въ снѣтинской петривкѣ нѣтъ.

Затѣмъ аналогичны пѣсни: бѣлорусская „Еще куры не пѣли, люды кажуть день бѣлый". (Сб. Ром. № 96, 140) съ нашей:

Ище й пивни не спивалы,
Кажуть люды блызько свитъ
(Нар. обр. № 22, 99).

Въ обѣихъ пѣсняхъ совершенно тождественно парень вызываетъ дѣвицу на свиданье, а она обѣщаетъ выйти послѣ ужина.

Въ заключеніе предпринятаго сравненія бѣлорусскихъ и мѣстныхъ пѣсенъ приведу еще двѣ параллельныхъ:

Шумить-гудить сосоночка,
Тужа-плача молодочка.
Яна плаче и рыдае
На битый шляхъ поглядае.
Битымъ шляхомъ жандары йдуть...

Молодка спрашиваетъ: гдѣ ея милый? На что жандармы отвѣчаютъ:

Десь твой милый да убитъ лежить
У правой руцѣ шаблю держить,
Лѣвой рукой воду ноея
На серденьку поливае.
(Сб. Ром. № 25, 79).

Такъ поютъ эту пѣсню бѣлоруссы, почти также поютъ ее и въ Снѣтинѣ:

Плаче, рыда удивонька,
Вона плаче и рыдае

На бытый шляхъ поглядае;
Бытымъ шляхомъ жандары идуть,

которые на вопросъ о мужѣ отвѣчаютъ:

Ой, твій мужъ убытый лежыть,
Въ правій руци саблю держыть,
Ливой рукой воду бере
На серденько полывае и т. д. (изъ рукописи).

Въ томъ же Сборникѣ Романова приведена на 10 стр., № 21, пѣсня о дѣтоубійствѣ, которую составитель сборника считаетъ одною изъ наиболѣе распространенныхъ и замѣчательныхъ пѣсенъ Могилевской губ. Пѣсня эта начинается такъ:

Поѣхали да рыбалочки рыбочки ловить,
Не поймали наши рыбалочки щуки—вокуня,
Да поймали наши рыбалочки большого линя.
Розглядились, разсмотрились—ажъ мале дитя.

Въ Лубенскомъ у. эта пѣсня начинается такъ:

Ой пошлы наши та рыбалочкы рыбкы ловыты,
Не піймалы щукы рыбы, піймалы лына.
Роздывылысь, розсмотрилысь—ажъ мале дытя.
(Нар. обр. и пѣсни Луб. у. № 24, вар. 1, 120).

Затѣмъ и дальнѣйшее развитіе пѣсни доказываетъ, что бѣлорусская и малорусская пѣсни совершенно одинаковы. Въ обѣихъ пѣсняхъ дѣвицу ведутъ „на казенный дворъ", кладутъ „на тесовый столъ", наказываютъ, а матери совѣтуютъ не пускать дочерей на досвитки. И здѣсь повторяется тотъ-же любопытный фактъ, что лубенскій варіантъ пѣсни ближе къ бѣлорусскому, чѣмъ къ другимъ малорусскимъ, приведеннымъ въ „Труд. экспед. Чуб. V, № 9, 1191" [1]).

Ближайшій выводъ изъ вышеприведенныхъ данныхъ будетъ тотъ, что въ Лубенскомъ у. встрѣчается много обрядовъ, повѣрій и сказокъ, общихъ бѣлоруссамъ и лубенцамъ, и особенно много пѣсенъ, не только по содержанію и формѣ, но

---

[1]) Недавно приведенъ г. Хатемкинымъ въ Кіевской Стар. 1897 г., IX № 69, 205, новый варіантъ этой пѣсни, близкій къ нашему.

иногда и по отдѣльнымъ выраженіямъ, а то и всецѣло, тожественныхъ съ бѣлорусскими, причемъ въ лубенскихъ пѣсняхъ изрѣдка попадаются бѣлоруссизмы [1]). Все это, конечно, могло бы быть объяснено по отношенію къ обрядамъ общими пережитыми ступенями развитія и культурными вліяніями, а въ отношеніи пѣсенъ и сказокъ—взаимными литературными воздѣйствіями и заимствованіями, безъ всякой кровной племенной связи, еслибы указанное обиліе общихъ мотивовъ не соединялось въ Лубенскомъ у. съ фактами другого порядка: названіями цѣлыхъ селеній, кутовъ и урочищъ—Литвяки, Литва; фамиліями жителей—Литвины, Литовченки, Поцяпуны, Ковнеры; также отчасти типомъ, обувью населенія, носящаго въ с. Хитцахъ лапти, кустарнымъ производствомъ ложекъ тамъ-же. Совокупность всѣхъ приведенныхъ фактовъ позволяетъ допустить мысль, что въ составъ населенія сѣверо-восточной части Лубенскаго у. вошелъ отдѣльными вкрапинами между другими элементами и бѣлорусскій. Другой вопросъ—откуда и когда именно прибыли бѣлорусскіе колонисты въ Лубенщину? Вышеприведенныя фольклорныя данныя взяты преимущественно изъ Гомельскаго у., Могилевской губ., но выселились ли бѣлоруссы въ Лубенщину послѣ побѣдъ Радзивилла и Гонсѣвскаго надъ сподвижниками Богдана Хмельницкаго (Костомаровъ Б. Хмел. 1859 г. I, 193, 451 и слѣд.), или при запустѣніи Гомеля во времена Самойловича (Костомар. Руина. Вѣст. Евр. 1879 г. IX, 42), или наконецъ раньше переселены Вишневецкими изъ ихъ литовскихъ имѣній, о которыхъ свѣдѣнія есть между прочимъ у Кулиша (Истор. возсоед. Руси. I, 26—28)—опредѣлить невозможно за отсутствіемъ мѣстныхъ преданій о переселеніи.

В. Милорадовичъ.

---

[1]) Напримѣръ, начало пѣсни изъ моего рукописнаго сборника: „Сыне море засынилося, сиры гусы *зашарилыся*. Послѣднее слово здѣсь бѣлорусское: прилагательное *шэрый*, особенно часто прилагаемое къ гусю: — пице, людзи, горѣлицу, *шэры* гуси воду. Плавуюць *шэры* гуси на водзѣ. Гусочка *шэранька*“ (Сб. Ром., стр 361, 380, 391).

„ПОПОКЪ“.

(*Окончаніе* *).

XLVIII.

На другой день, чуть стало свѣтать, въ хатѣ Сохвы и Самченковыхъ все было на ногахъ: нужно было приготовиться къ „весильному дню“. Пока шли всѣ эти приготовленія, пока „молода“ прибралась къ вѣнцу, день вступилъ уже въ свои права. Во всѣхъ этихъ хлопотахъ никто и не замѣтилъ, какъ приблизилось время появленія свадебнаго поѣзда жениха, подъѣхавшаго на бойкихъ тройкахъ ко двору Самченковыхъ. Въ хатѣ совершался ритуалъ снаряженія молодыхъ въ путь, а около хаты въ тоже время собиралась уже толпа сосѣдей, поглазѣть на отъѣзжающій свадебный поѣздъ. Тутъ были по преимуществу дѣти. Одного изъ этой молодой компаніи, очевидно, прямо съ постели прибѣжавшаго на зрѣлище въ короткой рубахѣ, безъ „оныхъ“ даже, мальчугана прихватила за руку прибѣжавшая мать и съ подшлепниками потащила домой.

Всѣ провожавшіе вышли за ворота и смотрѣли вслѣдъ, пока тройки не скрылись за поворотомъ.

Слышенъ былъ благовѣстъ къ обѣднѣ. „Дядько Иванъ“ что-то нашептывалъ титкѣ Горпинѣ, на что она досадливо отвѣтила:

*) См. Кіевск. Стар., май.

— Ото, чуешъ ще тилькы заблаговистылы, а ты, бачъ...

— Идить въ хату, тамъ поправытесь; на те й весилля— разрѣшила вопросъ Сохва, догадавшаяся, что рѣчь идетъ о томъ, чтобы опохмѣлиться.

Хведько понурился. И Машку стало ему жалко, и одиночество его какъ-то особенно отчетливо пришло ему на память. Онъ стоялъ около вереи воротъ, опустивъ голову на грудь. Сохва взглянула на него и сердцемъ поняла его настроеніе. Жаль ей стало парня. Когда „дядько Иванъ“ вслѣдъ за „титкою Горпыною“ скрылись въ „синешни двери“, она подошла къ нему и задушевно-ласково сказала, пожавъ его рукою за плечо: „Не думай, Хведю! Не журысь—Богъ не безъ мылости“, и пошла въ хату.

— А воротъ не запирай—крыкнула она уже съ крыльца— ажъ поки молоди одъ винця вернутся.—Такъ годытся.

Молодыхъ повезли „одкланяты батькови-матери“ на Удильщыну въ домъ Тесливъ. Тамъ проведена была та же церемонія благословенія, только первымъ благословлявшимъ былъ отецъ, между тѣмъ какъ въ домѣ Самченковыхъ первою благословляла мать, какъ ридная тетка и крестная мать молодои.

И отъ Тесливъ молодые поѣхали все также порознь. Въ церковь явились они уже, когда прозвонили „на достойну“ и простояли не долго подъ любопытными взорами прихожанъ: при пѣніи причастнаго стиха ихъ вывели, и всѣ поѣзжане съ ними отошли въ сторону отъ паперти. Здѣсь въ ожиданіи богослуженія Полька заботливо осмотрѣла и оправила костюмъ молодой и приготовила все потребное для обряда вѣнчанія: „рушныкъ“. на которомъ должны стоять „молоди“, платокъ, которымъ руки повьяжуть, и кольца (перстни).

Какъ ни отслонялись молодые отъ выходившихъ изъ церкви людей, а все таки около нихъ собралась мѣстная молодежь, особенно дивчата, весьма обстоятельно оглядѣвшія „молоду и іи убрання“. Но уже не было къ молодымъ того насмѣшливо-задорнаго отношенія, какое видно было при „сватаньи“. Всѣ какъ будто сознавали торжественность минуты: дивчата съ жа-

лостію въ глазахъ, какъ бы съ задумчивостію смотрѣли на молоду; стари бабуси, на мигъ останавливаясь и шепотомъ дознавшись „чыи це молоди", не преминули изречь слова добрыхъ пожеланій: Дай же имъ Господы викъ довгый, розумъ добрый.— Да поможы имъ, Боже и т. п. Даже во взорахъ бойкой дѣтворы, неизбѣжной, какъ и вездѣ при сборищахъ, сквозило кромѣ любопытства расположеніе къ молодымъ. Мужчины проходили не останавливаясь, только парубки мѣстные кучкою столпились около колокольни, готовые и себѣ пойти „подывыться на винчання" вслѣдъ за дивчатами въ церковь.

„Молода" не подымала глазъ. Задумчивость и серьезность много скрадывали красоты ея молодого лица: оно было блѣдное и усталое. „Молодой тоже былъ серьезенъ и ни на кого не смотрѣлъ. Вообще въ фигурахъ молодыхъ видна была какая то пассивность и безсознательность.

Но вотъ высокій сутуловатый, сѣдой „дидъ"—церковный сторожъ—съ паперти хрипло позвалъ:

— Идить! чого жъ тамъ стоите...

И молодые со своими поѣзжанами, а за ними и вся любопытствующая молодежь пошли въ церковь.

Отупѣлые, въ какомъ то гипнозѣ, вызываемомъ, быть можетъ, зрительнымъ токомъ стольких устремленныхъ на нихъ глазъ, стояли молодые во все время вѣнчанія; они дѣлали то, что имъ приказывали, да и приказанія эти приходилось повторять раза по два, по три. Такъ, они по приказу ступили на разостланный грубаго тканья „рушныкъ": такъ же повторяли они подсказываемыя слова, держали свѣчи, мѣнялись кольцами, подали руки для связыванія ихъ платкомъ, ходили вокругъ аналоя, цѣловали, крестъ и, наконецъ, такъ-же безсознательно, по приказу поцѣловались.

Опомнились они только тогда, когда вышли изъ церкви и пѣшкомъ пошли въ домъ Тесливъ, такъ какъ лошади были отосланы: молодымъ полагалось идти „парою пишкы".

Шествіе ихъ сопровождали наличные свадебные чины: дружко, бояринъ, Полька, въ роли свашки, и дружки—двѣ Орышки. По пути, разумѣется, къ шествію присоединялась уличная дѣтвора, провожавшая ихъ на извѣстномъ разстояніи, забѣгавшая съ боковъ „подывыться на князя и княгыню", а послѣ отстававшая и замѣнявшаяся другими.

Около двора Тесливъ, не смотря на то, что это была пора, когда всѣ послѣ „службы Божои" обѣдали, собралось не мало сосѣдей. Всѣмъ любопытно было повидать молодыхъ. Въ числѣ собравшихся былъ и мужъ Польки, Максимъ, побывавшій уже у себя дома и теперь явившійся, чтобы примкнуть къ своимъ поѣзжанамъ.

По уговору обѣдъ послѣ вѣнчанья долженъ былъ быть у Тесливъ. Это не былъ обрядовый столъ; тѣмъ не менѣе молодые, вошедши въ хату и помолившись, по приказу дружка, въ поясъ поклонились отцу и матери, а за тѣмъ всѣмъ присутствующимъ на обѣ стороны, направо и налѣво.

Сейчасъ же послѣ обѣда подали тройку лошадей, и молодая съ дружками, Полькою и примостившимся на передкѣ около кучера Максимомъ поѣхали домой въ Андреевку на Красноселовку.

XLIX.

Во дворѣ Самченковыхъ уже ожидали „молоду княгыню". Вчерашнія ея дружки были всѣ въ сборѣ, и какъ только заслышаны были колокольчики, онѣ вышли встрѣтить „молоду" и пропѣли:

Ой Марьечка на одходи
Посадыла оришыну на городи...
Росты, росты, оришыно, розвывайся,
Ты, батенько, та за мною не вбывайся...
Чужи батько й маты не бьютъ, такъ болыть.
Слеза слезу побывае—
Серденько щемыть.

Со всѣми дружками Машка перецѣловалась. Вошедши въ хату, она перекрестилась на образа и по подсказу поклонилась въ поясъ на всѣ четыре стороны со словами: кланяюся Господу Богови, отцю-матери, усьому роду-родини.

Всѣ отвѣтили ей привѣтствіемъ, кто какъ могъ, а Хведьку такъ хотѣлось ее обнять и пожалѣть. Онъ даже приблизился къ ней, но, увидѣвъ на глазахъ ея слезы, заморгалъ вѣками и повернулся и вышелъ въ сѣни, стыдясь своего смущенія и навернувшихся слезъ.

Когда онъ вошелъ опять въ хату, то Машка уже сидѣла около стола; всѣ участливо ее разспрашивали про вѣнчаніе и про обѣдъ у „свекра“. Хотя вопросы относились къ ней, но за нее отвѣчали или Полька, или старшая дружка Орышка. Кромѣ дружекъ, чужихъ въ хатѣ не было. Предлагаемыми вопросами вопрошающимъ хотѣлось выяснить, какъ происходило вѣнчаніе, не случилось ли чего либо, служащаго предзнаменованіемъ того или другого въ жизни супружеской, кто первый ступилъ ногою „на подостланный рушныкъ“, какъ горѣли свѣчи, какъ отнеслись къ „молодой“ свекры ея, какъ угощали, много ли было родычей, кто намѣченъ въ „свитилкы“ при молодомъ.

— Ну, вже якъ було, то було, а теперъ, дай Господы, щобъ усе гараздъ та добре йшло—закончила Сохва, выслушавъ всѣ отвѣты на ея и другихъ разспросы.

— Теперъ отъ що, наша „княгыне“, иды пообходь свое дворыще, садокъ, та й по улыци проходысь, попрощайся—добавила тоже Сохва.

„Княгыня“ вышла съ дружками на крыльцо, осмотрѣлась и, взявшись за руку со старшею дружкою, пошла въ садъ.

Полька не пустила разогнавшуюся было за ними дѣтвору.

— Гетьте, гетьте! Нехай сама походыть. Отъ-туды на улыцю йдить; отъ скоро молодый прыйиде—спроваживала она ихъ со двора.

Къ вышедшимъ изъ садка „княгинѣ и старшей дружкѣ“ присоединились ожидавшія ихъ около крыльца остальныя ея дружки, и онѣ всѣ пошли по улицѣ, зашедши предварительно къ Сохвѣ.

Княгиня шла, такъ сказать, прощаться со своею улицею, со своими сосѣдями уличанами. Встрѣчая кого нибудь, „княгыня" кланялась, наклоняя голову; ей отвѣчали всѣ ласковымъ привѣтомъ, сторонясь, давая ей и ея дружкамъ дорогу.

Дружки теперь уже не „верещали, а складно пѣли на печальный мотивъ".

Мынулося дивованьячко,
Твоій краси красуваньячко.
Лугы берегы вода пойняла
Та вже жъ мое серденько тоска обняла.
Не такъ тоска, не такъ тоска, якъ тая печаль,
Свого роду родыноньки дуже мени жаль.
Ой я жъ свою тоску печаль на бомази спышу
На бомази спышу, на Дунай ричку пущу.
Плыве Дунай-ричка помежъ берегамы,—
Ой розносыть тоску печаль помежъ ворогамы.

Такъ онѣ прошли по Красноселовкѣ до Богатыревой мельницы, сопровождаемыя дѣтьми со всей улицы. Задумали они еще пройти въ другую сторону Андреевки, но около завода ихъ встрѣтилъ „поѣздъ молодого".

Молодой князь ѣхалъ на тройкѣ лошадей и съ нимъ были бояринъ и еще двое какихъ то мужчинъ, очевидно свадебнаго чина. При встрѣчѣ „князь" слѣзъ съ тарантаса и предложилъ „княгинѣ" покататься. Въ тарантасъ сѣли „князь съ княгинею и двѣ дружки, прочіе всѣ пѣшкомъ отправились ко двору Самченковыхъ. „Молодые" проѣхали сначала по Красноселовкѣ, а послѣ вернувшись отправились мимо завода по Андреевкѣ. Около церкви тройку остановили, и молодые „князь и княгыня", прошли на паперть, сдѣлали два поклона и поцѣловали церковныя двери, опять сѣли на тарантасъ и поѣхали дальше. Такъ они прокатились по Андреевкѣ и по дальнимъ „кутками" ея, Кукулевщинѣ и Бугаевкѣ.

Когда они вернулись опять на Красносёловку, то около двора Сохвы стояли еще двѣ тройки, на которыхъ пріѣхали остальные поѣзжане князя.

„Княгыня“ съ дружкою сошли около своихъ воротъ, а „князь“ еще прокатился два раза по Красноселовкѣ. Каждый разъ, когда онъ проѣзжалъ около двора Самченковыхъ, „дружко“, показывалъ видъ, что хочетъ остановить тройку, становился на дорогѣ и разставлялъ руки, уступая только тогда, когда на него наѣзжали лошади. Этимъ притворнымъ задерживаніемъ и непослушаніемъ выражалось нежеланіе „князя“ разставаться со своею парубоцкою жизнью. Но за третьимъ разомъ дружко не уступилъ и „зупынывъ“ молодого князя окончательно, чѣмъ и заставилъ его слѣзть съ тарантаса и пойти къ своимъ поѣзжанамъ, сгруппировавшимся около двора Сохвы.

L.

Пока „князь“ катался и тѣшилъ себя быстрою ѣздою на тройкѣ, въ хатѣ „княгыню на посадъ садовылы“.

Засвѣтили свѣчи около иконъ, опять „закрасылы коровай“ четырмя свѣчками, посадили на приставленной впереди стола лавкѣ „титку“ Горпыну съ мужемъ, особо на лавкѣ сѣли Максымъ съ сосѣдомъ Хряпкою, временно замѣнившіе собою „старосту и пидстаросту“, а затѣмъ Полька и Сохва, до сихъ поръ прибиравшіе въ коморѣ приданое, ввели „княгыню“. За ними вошли и всѣ дружки.

Прежде всего всѣ помолились. Кто то изъ женщинъ передъ „титкою Горпыною“ и „дядькомъ Иваномъ“ разбросилъ на полу вывернутый вверхъ шерстью кожухъ. Машкѣ указали стать на этотъ кожухъ и до земли поклониться „титци Горпыни“, которая благословила ее поданнымъ хлѣбомъ, а послѣ, когда она передала хлѣбъ мужу, взятою у него иконою. Отъ „титкы Горпыны“ Машка перешла къ „дядьку Ивану“, отъ котораго тоже получила благословеніе хлѣбомъ и иконою. Послѣ благословенія Машка поцѣловалась со своими посаженными отцомъ и матерью. Полька выдвинула Хведька, подала ему платокъ, за конецъ котораго держалась Машка, и продиктовала ему формулу испрошенія благословенія. По подсказу Хведько сказалъ:

— Старосто, пане пидстаросто!

— А мы ради слухать,—громко отвѣтили тѣ.

— Благословить молоду княгыню за стилъ завесты, на посадъ усадовыть.

— Богъ благословыть и мы благословляемо.

— И вдруге и втретте благословить.

— Богъ благословыть! Богъ благословыть!

Тогда, по указаніямъ Польки, Сохвы и другихъ, Хведько повелъ „молоду княгыню“ за столъ. Какъ разъ противъ середины стола ее остановили, посадили на лавку, застланную кожухомъ; Хведько выпустилъ конецъ платка и сконфуженный вышелъ изъ-за стола. Еще больше смѣшался онъ, когда, пробираясь межъ дружками къ порогу, уткнулся глазами въ стоявшую у дверей Мелашку.

Во время благословенія дружки три раза пропѣли:

— Кланяйся, Марьечко,
Богови святому,
Батькови ридному,
Батькови-матери нызенько,
А до серденька блызенько,
У ниженькы ще ныжче,
А до серденька ще блыжче.

Задержанный дружкомъ, молодой прошелъ къ своимъ, окруженнымъ сошедшимися уличанами Красносёловки. Дружко подалъ молодому „ципокъ“, снялъ шапку и, перекрестившись, что сдѣлали и другіе поѣзжане, обратился къ „старостамъ“, перевязавшимся добытыми изъ-за пазухъ рушниками.

— Старосто, пане пидстаросто, благословить молодому князеви йты соби княгыню добувать.

Послѣ обычныхъ „Богъ благословыть“! — и вдруге, и втретте,—дружко со словами: ходимъ за Божимъ благословенңямъ, родытельскымъ дозволеннямъ—хотѣлъ идти во главѣ всѣхъ поѣзжанъ, но столпившіеся около нихъ уличане не трогались съ мѣста. Впереди выступали парубки, затѣмъ дѣтвора, а по-

зади уже всѣхъ видны были бороды взрослыхъ и очипки и платки „жинокъ“.

— Розступиться, будьте ласкови, дайте дорогу нашому молодому князеви—обратился дружко къ окружавшимъ ихъ.

— А хто вы таки зъ вашымъ княземъ, щобъ мы вамъ дорогу давалы?—послышалось изъ заднихъ рядовъ.

— А вже жъ—заговорили парубки—хто вы таки?

— Може яки волоцюгы, бродягы?

— Бачъ, щей й—розступиться...

— Такъ и пропустылы! Дарма!

Выкрикивали уличане.

— А може, буде ваша ласка, мы зъ вамы помырымося,— отъ вамъ весильный хлибъ и бочка горилкы и гроши—сказалъ дружко, подавая одному изъ парубковъ кувшинъ, чѣмъ то нанаполненный, прикрытый „шишкою“, межъ лепестками коей воткнута была большая мѣдная гривна.

Толпа разступилась, и поѣзжане прошли къ двору Самченковыхъ—впереди дружко, слѣдомъ за нимъ молодой князь съ старшимъ бояриномъ съ одной стороны и „свитилкою“ съ другой; затѣмъ шли еще два парубка, бояре и въ хвостѣ шествія два старосты съ рушниками черезъ правыя плечи.

Уже около воротъ двора Самченковыхъ поѣзжанъ догнали парубки съ заявленіемъ, что ихъ „одурылы“: вмѣсто водки въ кувшинѣ оказался квасъ. Одинъ изъ бояръ по приказанію дружка досталъ изъ кармана бутылку водки и подалъ парнямъ. Они тогда „глечыкъ кынулы на впакы;“ и онъ, обливая водою сопутствующихъ парнямъ дѣтей и чуть не попавъ кому то въ голову, разбился въ черепья среди толпы.

Около крыльца поставлена была табуретка, застланная скатертью, а на ней тоже кувшинъ съ квасомъ, прикрытый шишкою.

„Титка Горпына“ вышла на крыльцо въ вывороченномъ шерстью вверхъ кожухѣ, за нею виднѣлись Сохва, Полька и еще другіе вышедшіе изъ хаты. Сохва шепнула Хведьку, чтобы

онъ выдернулъ у молодого князя изъ рукъ палку и поставилъ ее подъ повиткою.—Такъ треба—добавила она.

Дружко со старостою и подстаростою подошли къ табуреткѣ и по очереди каждый изъ нихъ бралъ въ руки шишку и цѣловалъ, а затѣмъ каждый пробовалъ содержимое въ глечикѣ, послѣ чего они этимъ квасомъ помыли и приподняли вверхъ руки, чѣмъ бы ихъ обтереть.

Вышедшая изъ-за „титкы Горпыны" Полька на деревянной тарелкѣ поднесла имъ три рушныка со словами:—Наша молода княгыня рушныкамы васъ шануе, дары прыйняты просыть...

— Благодарымо молодій княгыни, сватови и сваси и тоби, молода свашка, за вашу ласку, за подарокъ.

Они этими рушниками повязались—дружко черезъ правое плечо, а старосты черезъ лѣвое „навхрестъ" съ повязанными на нихъ уже рушниками.

Дружко подалъ конецъ платка молодому и обвелъ его три раза кругомъ табуретки посолонь.

Когда они проходили мимо „тещи", которою въ данномъ разѣ была „титка Горпына", то она обсыпала молодого овсомъ съ подмѣсью хмѣлевыхъ шишекъ. Когда она подымала руку съ овсомъ, молодой мимовольно какъ бы отъ испуга съеживался. Это называется „теща зятя лякае". Какъ ни смѣшна была фигура „титки Горпыны" въ вывороченномъ кожухѣ, тѣмъ не менѣе никто изъ присутствующихъ, до успѣвшей вернуться во дворъ дѣтворы включительно, не улыбнулся даже. Никто не засмѣялся даже и тогда, когда три раза обведенный кругомъ „стильця" молодой, поданную ему „титкою Горпыною" рюмку водки по подсказу выплеснулъ за себя черезъ лѣвое плечо прямо въ физіономію одного изъ стоявшихъ за нихъ боярына.

Когда поѣзжане съ дружкомъ во главѣ вошли въ хату, всѣ, кромѣ молодой, припавшей головою къ столу, встали.

— Здравствуйте! Днювалы соби у добримъ здоровьи—отчетливо произнесъ дружко, помолившись на образа.—Кланяется сватъ сватови, сваха сваси, молодый князь княгыни, а мы усимъ вамъ,—докончилъ онъ привѣтствіе.

На лавкѣ очистили мѣсто старостамъ, которые и сѣли рядомъ.

— Старосто, пане пидстаросто! Благословить молодого князя за стилъ завесты, на посадъ посадовыть.

— Богъ благословыть и мы благословляемъ.

— И вдруге и втретте

— Богъ благословыть, Богъ благословыть!

Дружко подалъ конецъ платка молодому и повелъ его къ столу. На лавкѣ стоялъ чей-то мальчикъ съ соломеннымъ кнутомъ, въ концѣ котораго была ввязана тряпка съ мукою. Онъ по подсказу молодицъ замахнулся этимъ кнутомъ на дружка и нерѣшительно опустилъ.

— Бый, бый, не пускай за стилъ! послышались голоса, а дружки пропѣли:

Братику спорУжайся;
Риднесенькый не лякайся!
Не продавай сестры едыныци
Чужій чуженыци
За пивъ-золотого—
Просы червоного
Щей коня вороного.

— Бый! бый! Не пускай—науськивали мальчика, и онъ на самомъ дѣлѣ два или три раза ударилъ дружка, при чемъ обсыпалъ его мукою. Дружко отступилъ и со словами:—Це вже не що, якъ треба видкуплятьcя!—досталъ изъ кармана двѣ копѣйки и подалъ хлопчику. Тотъ уступилъ, и дружко пропустилъ впередъ себя молодого князя, который и пролѣзъ за столомъ къ невѣстѣ, хотѣлъ было сѣсть, но послѣдовавшая за нимъ свѣтилка сказала ему.

— Пиднимы ій голову и поцилуй!

Молодой неловко какъ то продѣлалъ это: подложилъ руку подъ мокрое отъ слезъ лицо Машки, потянулъ къ себѣ и поцѣловалъ вмѣсто устъ въ ухо.

— Хиба жъ такъ?... сказала свашка—Ты пиднимы ій пыку, тай любенько поцилуй въ губы, та трычи...

Молодой все это продѣлалъ.—Приподнятое лицо Машки было красно, мокро отъ слезъ, вылѣзшіе изъ-подъ повязки волоса поприлипали ко лбу и щекамъ.

Дружко сѣлъ около свитилкы, молодой пригожей молодицы, а бояръ посадили на приставленной къ столу лавкѣ. Молодой и бояре, усѣвшись за столомъ, надѣли шапки. Сидѣвшая около „княгыни" старшая дружка сорвала съ молодого шапку и передала дружкамъ.—Старшій боярынъ сейчасъ же подалъ свою шапку свитилкѣ, а та надѣла ее на голову молодому, старшаго боярина накрылъ своею шапкою слѣдующій бояринъ, а того послѣдній. Съ молодого сорвали и другую шапку,—и опять ему подала свитилка шапку боярина. Дружки къ сорваннымъ шапкамъ наскоро пришивали кусочки красной ленты—„квитку", при чемъ пѣли:

Изъ Кыива швачка
Мищаночка
По ярмаркахъ ийзжала,
Красный шовкъ скуповала;
У пучечкы въязала,
Квиткы прышывала,
По талиру брала
Одъ князя молодого
И одъ бояръ його.

Шапку молодого надѣла себѣ на голову старшая дружка, и опять пропѣли:

Подывыся, князю—затю на мене,
Яка я свисть у тебе
На мени шлычокъ—ковпачокъ,
Готуй зятеньку шостачокъ,
Бо якъ не буде шостачка,
То пойдешъ ты безъ шлычка.
Хоть на мене не позырай
И хоть лай, хоть не лай...

Къ шапкѣ князя пришили цѣлый пучокъ лентъ, а къ шапкамъ бояръ по кусочку ленты. На тарелкѣ поднесла стар-

шая дружка молодому шапку, онъ снялъ съ головы чужую, взялъ и надѣлъ свою, а на тарелку положилъ три копѣйки. Бояре тоже, получая свои шапки, клали по копѣйкѣ на тарелку.

На столъ поставили закуску—порѣзанную кусочками вареную баранину и свинину, и „титка Горпына" стала подчивать гостей водкою. Первая рюмка была поднесена „молодому князю", но онъ ее даже и въ руки не взялъ, а свитилка пропѣла:

Стане теща тебе частуваты,
Не смій зятю чарку въ рукы браты...
А хоть визьмешъ, то не пый,
Коныкови на грывку злый.
Стане грывка колосцемъ,
А ты передъ тещею молодцемъ.

Подчивала „теща" дружка, свитилку, бояръ и старостъ. Послѣдніе такъ и не присаживались къ столу, а имъ подали на особой тарелкѣ закуску. Каждый изъ подчиваемыхъ, передъ тѣмъ какъ выпить, высказывалъ пожеланія: „щастя-здоровья молодымъ, князю и княгинѣ, а дружко прибавилъ: „сватамъ и свахамъ...

Староста, выпивши рюмку, сказалъ:

— Оце спасыби за першу...

„Титка Горпына" налила и подала ему и другую рюмку, но онъ не выпилъ ее, а со словами:—Це вже я пиднесу товарышови, а то винъ обижатымется, заздруватыме, а я вже писля ёго выпью другу, щобъ було, якъ то кажуть, на обыдви ногы, щобъ не спотыкатыся.

Всѣ поняли и оцѣнили эту шутку. Обоимъ старостамъ было поднесено по двѣ рюмки водки.

— Чого жъ це вы, дружечкы, запышалыся... сыдыте, ничого не спиваете?..—сказала Сохва.

Онѣ переглянулись и затянули печальную пѣсню:

Даешъ мене, мій батенько, и самъ бачышъ...
Не разъ не два, ты за̀ мною тай заплачешъ...

Якъ по весни цвиты стануть цвисты,
А дивочкы стануть винкы плесты,
Мымо твій дворъ воритечка будуть несты,
Тай не будуть вже до хаты прывертаты,
И не будуть тай вже мене выклыкаты,
Щобъ я пишла на юлыцю погуляты.

Молодая стала всхлипывать.

LI.

Когда поѣзжане закусили, Полька шепнула старшей дружкѣ, чтобы она расплела косу молодой, а сама затянула подхваченную дружками пѣсню.

Руса косонька мае,
Чого жъ вона соби жалае...
Ой глянь, Марьечко, скривь калачъ
Карымы очыма, тай заплачъ.
Ой не братъ, не братъ—татаринъ.
Продавъ сестрыцю за талярь,
Русую косыньку оддавъ за пьятакъ,
А билее лыченько оддавъ такъ.

Дружко вышелъ изъ-за стола, поблагодарилъ за угощеніе и, обратясь къ старостамъ, спросилъ обычною формулою: „благословить молоду покрываты“.

Изъ валькира ему подали на крышкѣ «дижи» новый шитый шелками и золотомъ очипокъ, а подъ нимъ большой платокъ.

Дружки запѣли:

Ой глянь Марьечко скризь калачъ
Карымы очыма, тай заплачъ

Къ хору дружекъ присоединились свашка и свитилка.

Ой подывыся, диво!
Несуть твое дило
Якъ биль билесеньке,
Якъ тинь тонесеньке.

Воно дивчатъ лякае
А само не лыняе...

Затѣмъ свашка со свитилкою сами пропѣли:

Станьте дружечкы та на лавочкы,
Пропустить насъ до вашои паняночкы...

Дружки въ отвѣтъ на это «проверещалы»

Свашка нетипашка.
Шышокъ не липыла,
Одну тилькы злипыла
Изъ трухлявого сина
Тай ту сама зъила.

Но въ отвѣтъ на этотъ упрекъ свашка со свитилкою пропѣли:

Ой брешете дружкы—
Я липыла шышкы
Изъ гречанои половы,
Шобъ вы заревлы, якъ коровы,
Изъ просянои лузгы,
Шобъ подавылыся дружкы.

Но тѣмъ не менѣе, какъ бы выкупая право доступа къ молодой, свашка подала дружкѣ шишку.

Старшая дружка положила руку на голову молодой и провела ею по волосамъ расплетенной косы, въ концѣ которой еще оставалась невывязанная лента. Она дернула эту ленту, и волоса разсыпались по спинѣ молодой. Лента по обычаю доставалась старшей дружкѣ.

Полька протиснулась къ молодой, сняла съ головы ея вѣнокъ и повязку, передала ихъ дружкамъ и, свернувъ жгутомъ волоса, надѣла ей очипокъ. Молодая сопротивлялась, досадливо вертѣла головой, отстраняла руками руки сестры, но въ концѣ концовъ присмирѣла и уже не склонялась къ столу, но только не подымала рѣсницъ и не смотрѣла ни на кого.

Покрыванка плаче...
Покрываться хоче...
Не такъ покрываться
Якъ поцилуваться—верещали дружкы.

Полька и «свитилка» вскочили ногами на лавку, развернули поданный дружкомъ большой платокъ и при пѣніи дружекъ:

Покрыванка плаче
Покрываться хоче...
Не такъ покрываться.
Якъ поциловаться...

растянули его надъ „княгыней" и держали за четыре угла его, три раза взмахнули имъ и затѣмъ, соскочивъ съ лавки, повязали его на головѣ молодой, опять припавшей къ столу съ рыданіями.

Все это сдѣлано было быстро, съ особо проявляемою настойчивостію, какъ будто преодолѣвалось особое упорное сопротивленіе.

Свашка—Полька и „свитилка" надъ поникшею молодою три раза поцѣловались, а дружко заставилъ молодого приподнять отъ стола заплаканную молодую и поцѣловать ее.

Отъ таке зробылы,
Якъ самы схотилы,
Зъ кныша палянныцю,
Зъ дивкы молодыцю!..

торжественно прокричали покрывальщицы и добавили

А за цюю вистъ
Намъ чарокъ по шисть,
А хоть по одній
Такъ по повній!..
Якъ бы мы схотилы,
То мы бъ іи розвертилы,
Ковпачокъ бы знялы,
Въ виночокъ убралы,
Изъ руты та изъ мьяты
Вамъ бы іи не познаты—

проверещали задорно дружки, но на эту ихъ угрозу уже не обращали вниманія, и дружко громкимъ голосомъ попросилъ у старостъ благословенія „коровай—честный хлибъ мырови хрещеному роздилыты." Послѣ обычныхъ повторенныхъ три раза

„Богъ благословыть и мы благословляемо“—онъ залѣзъ за приставленную скамью, на которой сидѣли бояре, и сталъ рѣзать ножомъ каравай, не приподымая его отъ стола, а прямо сверху. Прежде всего онъ вырѣзалъ верхнюю шишку и, положивъ ее на тарелку, приподнялъ вверхъ и сказалъ:—Батькови-матери нашои княгыни молодой,—а затѣмъ подозвалъ въ сторонѣ стоявшаго Максыма и передалъ ему для поднесенія по адресу. Первую изъ меньшихъ шишекъ каравая онъ черезъ того же Максима, назвавъ его «пиддружымъ», а также уже по подсказу выкрикивая имя, передалъ «дядыни Катри», послѣ сестрѣ княгыни—сваси Польци, послѣ брату—Хведору Андріевычу.

Какъ бы раззадоренныя тѣмъ, что на нихъ не обращаютъ вниманія, дружки «верещали»:

Дружко каравай крае,
Та въ нёго хысту не мае:
По-пидъ рукы бояре лазять,
Тай у нёго коровай крадуть.
Дружко пелехатый
Бигае коло хаты
Зъ дрючкомъ ломакою,
А на ёму каптанъ
Соломою напханъ;
Очи у нёго у клоччи,
А нисъ у ременю,
Нихто ёго не перемине.
Чи бачышъ ты, дружко,
Якъ бояре коровай крадуть?
Хто въ михъ, хто въ кишеню
Батькови на вечерю...
Хто въ михъ, хто въ рукавыци,
Дивчатамъ на вечерныци.

Дружко не переставалъ рѣзать по кускамъ коровай и раздавать его, именуя присутствующихъ лицъ по подсказу. Бояре, шутя, изъ-подъ рукъ ворують кусочки коровая. Дружки закончили свое обращеніе къ дружку просьбою-угрозою:

Дружбонько жъ нашъ любенькый,
Якъ голубъ сызенькый,
Дай же намъ хоть одну шышку,
Бо якъ не дасы, у воротяхъ переймемъ,
Конымивъ однимемъ.

Дружко, высоко приподнявъ тарелку съ одной изъ маленькихъ боковыхъ шишекъ коровая, отчетливо прокричалъ:

— Нашій старшій дружци, батьковій дочци, за те, що хороше спивала, свое дило сповняла—и подалъ ей шишку, а затѣмъ поднесъ нѣсколько нарѣзанныхъ кусочковъ и прочимъ дружкамъ.

Онѣ оказались побѣжденными его вѣжливостію, но еще у нихъ не отлегло отъ сердца чувство оскорбленія и раздраженія за отобраніе у нихъ подруги; онѣ сгоняютъ зло на боярахъ:

Нащо тіи дары?...
Прекрасни бояре!
Сыдять за столомъ,
Якъ пугачи кругомъ,
Якъ пугачи у лиси,
Якъ горобци у стриси...
Утоптана стежечка
Одъ стола та до прыпечка—
То жъ іи бояре топталы,
Все у пичъ заглядалы,
Чи велыкый горщокъ каши
Чи найидятся бояре наши.
Одъ стола та до лавочкы
Утоптана стежечка:
То бояре топталы
Вси помыи выхлесталы.

Этимъ онѣ и закончили свою ругань, излили досаду, и пока дружко кончилъ раздачу коровая, передавъ остатки его „усимъ гостямъ и запорожцямъ“ (тѣмъ, кто стоялъ въ сѣняхъ за порогомъ), дружки обратились къ молодой:

Ой якъ же тоби, Марьечко, здается,
Що теперъ тоби гуляньячко мынется?
— Ой такъ мени, дружечкы, здавается,
Шо на серденьку кровъ зкипается...
Зкыпается горяча кровъ клубочками,
А вже жъ мени не гуляты зъ дивочкамы.
— Ой уже жъ тоби не ходыты тай по полуныци,
Ой вже жъ тоби мынулыся юлыци и вечорныци.

Дружки все это пѣли, стоя. Онѣ не садились съ того времени, когда молодую покрывали, а теперь наступилъ моментъ прощанія.

Свитилка, а за нею свашка, затянули:

— Чого жъ це вы, дружкы, сыдыте.
Чомъ вы геть зъ хаты не йдете!
Мынулося вашій Марьечки гуляньячко,
Веселее дивуваньячко.
Трипатыме Марьечка лёнъ, лёнъ,
Идить соби дружкы вонъ, вонъ.

Дружки обидѣлись и въ отвѣтъ пѣли:

На щожъ насъ було звaты,
Колы думалы выганяты...
На щожъ насъ було сюды весты,
Колы не буде намъ честы.
Не сыды ты, Марьечко, зъ бабамы,
Ходимо лучше зъ намы;
Мы тебе въ зеленый садъ проводымо
Усю тоби правдоньку роскажымо...

И пробовали потянуть молодую съ собою, но молодой по подсказу обнялъ ее и не пустилъ. Дружки тогда стали цѣловаться съ молодой и окончательно прощаться. Молодая, очевидно, уже измученная всѣми этими церемоніями, какъ то вяло прощалась, цѣловалась съ подходящими къ ней дружками, опять запѣвшими:

Прощай же ты, Марьечко,
Сестрыце наша!

Ужъ жъ мы тоби не подруженькы
И ты не наша.
Прощай, прощай Марьечко,
Бо вже мы йдемо,
Уже жъ твое гуляньячко
Соби беремо,
А молодого Ивашечка
Тоби дарымо...

И онѣ одна за другою вышли, старшая дружка впереди съ вѣнкомъ и шишкою. Но, вышедши на улицу, онѣ протиснулись къ окну и, постучавъ въ шибку такъ, что обратили вниманіе, прокричали:

— Марьечко! А выходь до насъ на юлыцю, пійдемо прогуляться, писень поспиваться!..

При стукѣ въ окно Машка вздрогнула и оглянулась, а послышавъ приглашеніе, опять припала къ столу и заплакала.

LII.

Уже смеркало. Въ хатѣ, окна у которой заслонены были зазирающими безцеремонно въ нихъ зрителями, совсѣмъ темнѣло. Зажгли свѣчи; двѣ поставили на столѣ, одну на выступѣ печки, одну около посуднаго угольнаго шкафчика (мысныка).

Усадили отбывшаго свою службу дружка за столъ рядомъ со свитилкою, передвинули, какъ бы для охраны молодой, чтобы не сбѣжала, бояръ на мѣсто ушедшихъ дружекъ; на мѣстѣ бояръ усадили старостъ и разложили ложки. Молодымъ подали двѣ ложки, связанныя красною ниткою, наломали кусками паляныцъ и разложили передъ гостями.

На столъ подали въ двухъ мискахъ „капусту", и „дядько Иванъ" сталъ подчивать гостей, со всѣми поздоровавшись и выпивъ полную рюмку самъ. Когда онъ протянулъ вновь налитую рюмку дружку, то тотъ отстранилъ ее и предложилъ поднесть прежде „сваси", т. е. „титкѣ Горпынѣ". Она взяла рюмку,

перекрестилась и со всякими причитываніями степенно надпила до половины, но больше пить не захотѣла. Рюмку долили и поднесли дружку, который поздоровался, пожелалъ всего хорошаго „молодымъ, князеви и княгыни, сватови й сваси и всій чесній компаніи“, съ пожеланіемъ „нехай легенько згадается далекому сватови и сваси“ надпилъ рюмку, поморщился и остановился пить, замотавъ головою.

— Що це, сваточокъ? Чого це вона така гирка? Чы нема чымъ іи здобрыты? А то я й пыть не хочу.

Всѣ поняли, что этимъ маперомъ онъ добивался, чтобы молодые поцѣловались, „засластылы гирку горилку“. Не поняли этого только сами молодые, прижавшись другъ къ другу плечами и колѣнами. Да они и не слушали всей этой рацеи: находились въ какомъ то отупѣломъ состояніи. Но свитилка дернула за рукавъ молодого и шепнула ему, чтобы онъ поцѣловалъ молоду. Онъ исполнилъ это, неловко подлѣзая съ выпяченными для поцѣлуя губами подъ топырящійся навѣсомъ платокъ на лицо молодой, такъ что чуть не сбилъ съ себя шапку. Молодые эти послѣдующія требованія исполняли уже болѣе умѣло. На замѣчаніе «дадька Ивана»:—буде вже за ныхъ, бачъ соромлятся!—пидстароста отвѣтилъ шуткою:—нехай прывчаются.

Гостей „дядько Иванъ“ и „титка Горпына“ просили „кушать, зволяться у добримъ здоровьи...

Все время стоявшій у порога Хведько вышелъ въ сѣни, гдѣ уже никого не было, такъ какъ обѣдъ не представлялъ ничего любопытнаго для зрителей. По деревенскому этикету не подобаетъ и смотрѣть чужимъ, какъ ѣдятъ гости, какъ будто и себѣ напрашиваться на угощеніе. Они вышли, кто на крыльцо, кто и вовсе пошелъ за ворота. Хведько сѣлъ на стоявшей у коморной перегородкѣ кадушкѣ и задумался. Онъ не зналъ ритуала свадебнаго, не зналъ, что̀ еще будутъ и какъ долго дѣлать здѣсь гости, когда они поѣдутъ, забравъ съ собою Машку. Вспомнилъ онъ это, и такъ ему ее жалко стало,—такая хорошая, красивая, печальная, заплаканная припомнилась она ему. Онъ глянулъ въ освѣщенную хату, но сидящую за столомъ Машку

заслоняли подчивающіе гостей „дядько Иванъ“ и „титка Горпына“. Доносились оттуда, изъ хаты, ихъ упрашиванія гостей: „годуйтеся, кушайте, сваты люби та мыли“... Но вотъ онъ обратилъ вниманіе на какой то шорохъ и топотъ въ коморѣ, на хатней стѣнѣ отбивался лучъ свѣта сквозь щель стѣны коморы. Онъ распознавъ голоса Сохвы и Польки. Онѣ очевидно что-то укладывали.

— Отъ тутъ зверху на кожуси й положы рушныкы—воны жъ ій понадоблятся... И сорочку тутъ же положы, а то тоди, якъ переодягать, шукатыметь—говорила Сохва.

— Тоди вже писля дила ій и ключъ оддасы—добавила она.

— Ой дило, дило! Боюсь я, сестрыце, такъ боюсь... Я іи пытала, такъ ни въ чому не прызнается—сказала Полька.

— А тоби ничого й боятся: вона не така, тай винъ парень тыхый, звычайный—шептала Сохва.

— Та дай то Господы! А то теперъ воны бачъ, диткы, диткы, та й скоять лыхо... Ото тоди, памьятаешъ, якъ Мырошныкы свою Вольгу оддавалы на пучыну... Сорома того, стыдовыща, що було и батькови и матери, усёму родови... Ярына, розсказувала, що трохы, трохы не былы... А мени жъ тамъ на Удильщини на всякъ день выдаться зъ нымы... Не доводь Господы!—говорила Полька.

— То Вольга, а це Машка. Ни капелыночкы не бійся. Іи и зъ лыця выдно. Я бо-зна чымъ ручаюся за неи. Ты цього и не думай!—успокаивала Сохва.

— Ну, ну! Такъ ты вже, сестрычко, пойидешъ, спасыби тоби, зо скрынею; Максымъ и Хведько іи вынесуть, а подушкы у старе рядно завьяжемо, а нови рядна туды жъ до подушокъ... говорила Полька успокоившимся голосомъ.

— Я жъ пійду туды до гостей—добавила она и изъ коморы прошла въ хату... Хведько всталъ и хотѣлъ выйти на крыльцо, но изъ коморы показалась Сохва, съ огаркомъ свѣчки, воткнутымъ въ бутылку, и, увидавъ его, остановила.

— На, лышень подержы, а то я тутъ не знаю, якъ запирать замокъ.

Заперши коморю на замокъ и увидавъ при свѣтѣ свѣчи, что никого нѣтъ въ сѣняхъ, Сохва шепнула Хведьку:

— Ты жъ ночуй у мене въ хати, а то я пойиду зъ молодою, повезу іи постиль и скрыню; я тоби й ключъ одъ хаты оддамъ.

Угощеніе между тѣмъ уже кончилось. Послѣ порѣзанной кусками баранины и свинины, сопровождавшейся поднесеніемъ водки, подана была локшына, и „титка Горпына" поподчивала гостей „вареною".

Гости встали, поблагодарили за „хлибъ за силь", за трапезу Хрыстову, за гостыну..." За столомъ оставались только молодые князь и княгиня; ложки ихъ такъ и остались неразвязанными—они ничего не ѣли.

Двухъ бояръ послали къ лошадямъ, за ними выходили дружко и старосты. Порядокъ отъѣзда, очевидно, уже раньше былъ установленъ. Со двора послышались позвякиванья колокольчиковъ, громыханіе бубенчиковъ. Это приготовляли лошадей къ отъѣзду.

Двое бояръ такъ и не входили уже въ хату. Вошедшіе старосты заняли свое мѣсто на лавкѣ, въ сторонѣ отъ стола; на лавкѣ передъ столомъ усѣлись „титка Горпына" съ „дядькомъ Иваномъ". Молодыхъ дружко, подавъ князю конецъ платка, сталъ выводить изъ-за стола, но не вывелъ совсѣмъ, а сѣлъ самъ и заставилъ всѣхъ сѣсть.

— Сядьте, сядьте вси, щобъ усе добре садовылось...

Всѣ присѣли, гдѣ кто могъ

— Старосто, пане пидстаросто! благословить молодого князя й княгыню Богу святому, батькови-матери одклоняты,— отчетливо произнесъ дружко, вставая съ мѣста.

— Богъ благословыть и мы благословляемо.

— И вдруге и втретте.

— Богъ благословыть. Богъ благословыть—въ одинъ голосъ отвѣтили старосты.

Дружко окончательно вывелъ молодыхъ изъ за стола, и они стали по очереди—сперва она, а потомъ онъ—кланяться земными

поклонами передъ посажеными отцомъ и матерью, благословлявшими ихъ иконою и хлѣбомъ. Молодые цѣловали икону, хлѣбъ и руки отца и матери и затѣмъ цѣловались съ ними. Машка плакала и прощалась, цѣловалась съ „дядыною Катрею,“ съ Полькою, Хведькомъ и съ Сохвою, а также со всѣми, кто успѣлъ уже войти въ хату. Въ числѣ вошедшихъ была и Мелашка. Когда заплаканная Машка обняла Хведька, онъ еле сдерживался отъ плача, слезы готовы были брызнуть изъ-подъ насупленныхъ бровей, но онъ выдержалъ—только губы закусилъ. Онъ поцѣловался и съ молодымъ.

— Старосто, пане пидстаросто, благословить молодымъ князеви и княгыни съ чесного отцевського дому въ путь-дороженьку выступаты,—прервалъ дружко тяжелую для всѣхъ сцену прощанія.

— Богъ благословыть, и мы благословляемо.—Послѣ троекратнаго благословенія въ руки молодому подали хлѣбъ, а молодой икону, дружко же самъ взялъ со стола лежень и молодые вышли изъ хаты, сопровождаемые неизмѣнными пожеланіями счастливаго пути и согласія въ жизни. Посвѣтить въ сѣняхъ вынесли свѣчку, всѣ разступились передъ молодыми. Отъ усѣвшагося на тарантасъ молодого староста отобралъ хлѣбъ, а молодая сѣла, не выпуская изъ рукъ икону. Съ молодыми сѣли свашка Полька и „свитилка“, а на козлахъ умостился дружко.

— Зъ богомъ. Въ добрый часъ-годыну!—произнесъ дружко, снявъ шапку и перекрестившись... И тройка, звеня колокольчиками и погромками, тронулась со двора.

Вслѣдъ за молодыми тронулась тройка съ приданнымъ молодой, которое сопровождали мужъ Польки и Сохва, успѣвшая сунуть Хведьку ключъ отъ своей хаты со словами.

— Ты жъ и не свиты—такъ прямо лягай.

LIII.

Когда все поѣзжане съѣхали со двора, „титка Горпына“ собрала повечерять своимъ, а ихъ было очень немного: „дядына

Катря", Хведько, двѣ сосѣдки молодицы, мужъ одной изъ нихъ Хряпко, дядько Иванъ да еще вторая Орышка—подростокъ, дочь титкы Горпыны.

Тихо, молчаливо прошла эта вечеря, и хотя водка и была приподнесена гостямъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ при обрядовой трапезѣ, тѣмъ не менѣе разговоръ не вязался: всѣ какъ бы думали о выбывшей изъ дому Машкѣ, а Хведько и совсѣмъ насупился.

Стали расходиться. Хведько заявилъ о томъ, что пойдетъ ночевать въ домъ Сохвы, такъ какъ она просила не бросать хаты. Изъ воротъ сейчасъ же повернули направо Хряпки, а Хведько съ другою молодицею налѣво.

— Отъ ты мене й проведешъ, а то бачъ уже пиздно—самій боязько, та ще й темно, захмарило—почти шепотомъ говорила спутница

На дворѣ на самомъ дѣлѣ было темно—зги не видно, тучи заволокли небо...

— Та ты йды блызче, руку дай—сказала молодица и схватила Хведька за руку, крѣпко пожала ее и, какъ бы пошатнувшись, прижалась къ нему.

— Охъ, Боже мій! це жъ я пьяна.—Бачъ спотыкаюся... Якъ одмовлялася—такы прыневолылы выпыть... Ой!—спотыкнулась она... Ты мене пиддержы, а то й зовсимъ звалюся—и обняла рукою парня.

— Та такъ и держысь за мене—тутъ ривно. Отъ вже не далечко й до вашого двора—поддерживая молодицу, сказалъ Хведько.

Но темная ноченька, свадебный загулъ и выпитыя три рюмки водки „пидневидылы" молодую женщину. Она все больше льнула къ парню и уже не одной, а двумя руками обняла его и не держалась, а его къ себѣ прижимала.

Тѣмъ не менѣе они продолжали подвигаться впередъ и взбудоражили сосѣднихъ собакъ, которые было залаяли, но, узнавъ своихъ уличанъ, замолкли. Хведько, принимая эти объятія и прижиманія за шутку подвыпившей молодой бабенки, не

отвѣчалъ ничѣмъ похожимъ на нихъ: ему хотѣлось поскорѣе добраться до мѣста и спать.

— Ну, отъ и твоя хата!—сказалъ онъ молодицѣ, но она не освобождала его изъ своихъ объятій, а только повернулась къ нему фронтомъ и вдругъ, нагнувъ къ себѣ его лицо, впилась въ него устами, стала цѣловать его.

Хведько вырвался изъ объятій молодицы и почти бѣгомъ добѣжалъ до недалекой—всего только черезъ два двора—хаты Сохвы.

Противна ему показалась эта навязчивость, принятая имъ сначала за шутку и понятая только въ послѣднемъ ея пріемѣ, особенно въ настоящее время, когда ему было какъ то грустно, не по себѣ. Жалко ему было Машку, отданную чужимъ людямъ, всецѣло на ихъ волю; мимовольно припоминался подслушанный разговоръ Польки съ Сохвою въ коморѣ, мимовольно чувствовалась какая то тревога, какъ бы боязнь возможнаго въ этомъ случаѣ глумленія надъ беззащитною среди чужихъ людей сестрою его; испытывалъ онъ чувство сиротливости, одиночества, оставленный теперь одинъ-однимъ въ своемъ домѣ...

Онъ поспѣшно отперъ замокъ и вошелъ въ хату. Тамъ было еще темнѣе, но, помня приказъ Сохвы, онъ и не пробовалъ зажигать огонь, тѣмъ болѣе, что и спичекъ у него не было.

Въ той же задумчивости онъ прошелъ прямо въ валькиръ и хотѣлъ было разуваться, чтобы улечься спать, какъ вдругъ ему показалось противу окна какая то тѣнь и затѣмъ послышались чьи то шаги. Его взяла оторопь.

— Хто се?—глухо спросилъ онъ.

— Це жъ я; хиба тоби Сохва не казала?—услышалъ онъ въ отвѣтъ голосъ Мелашки, шедшей къ нему.

Что то досадливое почувствовалъ онъ. Чѣмъ то несовмѣстимымъ показалось ему это свиданіе съ тѣмъ родственно-жалобливымъ настроеніемъ, какое охватило его при мысли о сестрѣ. Въ первый разъ онъ почувствовалъ грѣховность своихъ отношеній къ Мелашкѣ. Появленіе ея въ ту минуту, когда онъ одержимъ былъ

тревожнымъ чувствомъ о Машкѣ, было неумѣстно. Наслаждаться самому въ то время, когда тамъ въ чужихъ людяхъ—его сестра, беззащитная... быть можетъ...

Онъ сидѣлъ на кровати, не обнимая прильнувшую къ нему молодицу, и молча слушалъ ея шепотъ о томъ, какъ она отпросилась на деревнѣ у своихъ на свадьбу, совравъ, что Машка приходится ей родычкою, какъ она здѣсь у своихъ сказала, что пойдетъ домой и какъ успѣла со свадьбы ускользнуть сюда съ ключомъ, даннымъ ей Сохвою; какъ упросила она Сохву, не хотѣвшую ей давать ключъ, хоть этотъ послѣднiй разъ дать ей возможность „повыдаться“, а то ужъ не прійдется побывать „до Риздва“.

Все это шептала Мелашка, обнимая его одною рукою и нервно перебирала другою пальцы его руки. Всѣмъ этимъ разсказомъ, этими повѣствованіями объ обманѣ своихъ, и тамъ въ деревнѣ, и здѣсь на Красноселовкѣ, объ отказѣ Сохвы, сдавшейся только на усиленныя просьбы, все больше и больше укрѣплялось въ немъ сознаніе грѣховности этого свиданія въ это именно время свадьбы Машки и заботы о ея дальнѣйшей судьбѣ.

Чутьемъ любящей женщины Мелашка почуяла какую-то необычайную холодность его, неотзывчивость на ея ласки...

— Шо це зъ тобою таке? Чого се такый чудный?—спросила она, когда послѣ окончанія разсказа онъ все-таки сидѣлъ такъ же спокойно, опустилъ руки, не поднятыя даже для отвѣтныхъ объятій, и молчалъ.

— Кажы, чого мовчышъ?—тормоша его, пристала она— Кажы!

— Та такъ, бачъ яке йде... За чимъ ты саме у таке времья навернулася?..

— Якъ зачимъ? Яке времья? Хиба що? Колы жъ мени й способнійше було бъ? Я вся извелася за тобою скучаючы... Бачъ яка стала одъ тебе, вже всимъ прымитно... „Винъ“—нащо вже—тай то бачъ прымичае... и она опять еще плотнѣе прижалась къ нему...

Но онъ всетаки оставался такимъ неотзывчивымъ, равнодушнымъ. Ласкавшаяся къ нему, обнимавшая его молодица вспыхнула, отвернулась отъ него и зарыдала, припавъ къ подушкѣ. Онъ всталъ съ „полу“ [1]) и подошелъ къ ней съ желаніемъ успокоить ее, но вдругъ послышалъ слабый стукъ въ оконную шибку, а затѣмъ черезъ мгновеніе лязгъ „клямки“ наружныхъ дверей. Хведько пошелъ въ сѣни и съ вопросомъ „кто тамъ?“—отсунулъ засовъ. Передъ нимъ показалась фигура женщины.

— Хто се?—спросилъ онъ громко.

— Та це я—отвѣтила ему шепотомъ женщина, въ которой онъ узналъ пристававшую къ нему сосѣдку.

— Ты самъ ночуешь?—спросила она.—Мій ночуе зъ коньмы на пастивныку, а я оце шукала, шукала—ни-якъ не знайду, чимъ засвитыть; такъ оце надумалася пійты до тебе сирныкивъ попрохать, або хоть жарынку яку зъ печи... Та ты самъ тутъ одынъ—повторила она вопросъ, наступая на него и хватаясь за него руками.

— Ни, не самъ, чоловикъ ще ночуе зо мною.

— Хто?

— Та тутъ одынъ знакимецъ...

Молодица промолчала и, отнявъ руки, сказала:

— Ну, мабуть, вже такъ по-ночи й раздягатымусь—Еще разъ обѣими руками пожала его около локтей и пошла, оставивъ парня въ недоумѣніи.

— Хто се прыходывъ?—спросила шепотомъ Мелашка, когда Хведько, засунувъ двери, вошелъ въ валькиръ.

— Та прыбигала сябрыха...

— Яка сябрыха? За чымъ?—тревожно спросила она его.

— Та та, якъ... ихъ прозываютъ—замялся Хведько, не желая выдавать шуструю бабенку.

— Яка? Бачъ забувъ, не згадаешъ... Теперъ я зрозумила, поняла, чого ты такый, самъ не свій.... Помишала, не въ пору заявылася... и она съ рыданіями упала опять на подушки.

---

[1]) Полъ—примостка изъ досокъ, замѣняющая кровать.

Хведько стоялъ, ошеломленный этими словами, этимъ взрывомъ ревности. Онъ не зналъ что сказать, чѣмъ успокоить молодицу, навзрыдъ плачущую, и въ то же время ему стала противна эта сцена. Но тѣмъ же менѣе нужно же было унять расходившуюся Мелашку, рыдавшую такъ, что не будь это ночь, кто-нибудь могъ бы слышать съ улицы эти рыданія.

— Тю! божевильна! Схаменыся! Чого ты? Выдумае!.. Не голосы, а то ще хто почуе—шепотомъ успокоивалъ онъ ее.

— А що мени, що почуе?!.. Нехай уси чують, уси нехай знають... Мени одно хоть заразъ усе выясныты на люде... съ плачемъ, въ экстазѣ говорила Мелашка... Я никого не боюся. Якъ оддавалы мене, уси зналы, що мене прысылувалы... Нехай теперъ уси, и батько и маты, знають и бачуть... Мени все ривно, хоть нехай заразъ же мене тутъ зъ тобою закопають, нехай хоть роздягнуту по вулыци водять..., не унималась она... Я смерть соби заподію—и она судорожно забилась па постели.

Растерянный совсѣмъ, не зная, что дѣлать, стоялъ надъ нею парень.

LIV.

Пока у Самченковыхъ въ домѣ ужинали „свои“, пока Хведько возился съ молодицами, еле отдѣлавшись отъ одной и, не зная какъ унять расходившуюся другую, во дворѣ Тесливъ продолжалась процедура свадебнаго ритуала.

Во дворъ сквозь столпившихся любопытныхъ съ звяканьемъ поддужныхъ колокольчиковъ съ переливчатымъ громыханьемъ бубенчиковъ въѣхала тройка, везшая „молодыхъ князя и княгыню“, а сейчасъ же за ними и всѣ поѣзжане. Когда молодые сквозь разступившуюся публику—молодая съ иконою—проходили въ хату, шедшія за ними „свитилка“ и свашка Полька пропѣли:

Прывезлы вамъ скрыню й перыну
Ше й молоду княгыню.
Княгыню на здачу
А скрыню на прыдачу.—

Шедшій впереди молодыхъ дружко указалъ имъ поклониться въ ноги отцу-матери, старымъ Теслямъ, ожидавшимъ ихъ на лавкѣ, приставленной впереди стола съ хлѣбомъ и иконою. Пока молодые откланивались, икону молодой держала Полька, а послѣ подала ее Машкѣ, а та уже подала свекрухѣ, которая и умостила ее на „покути" рядомъ съ небольшою иконою, которою благословляли молодыхъ здѣсь. Князь отдалъ отцу поданный старостою хлѣбъ, а дружко на столъ положилъ лежень.

Послѣ этого, также какъ и въ домѣ Самченковыхъ, дружко завелъ „за столъ" и посадилъ рядомъ молодыхъ, также „поручъ" съ княземъ сѣла „свитилка", а около княгыни „свашка" и противу молодыхъ бояре, а въ сторонѣ стола старосты, также подавали почти тѣже кушанья, такъ же молодые ничего не ѣли, а съ ними и свашка Полька; такъ же молодой и бояре были въ шапкахъ; такое же шло подчиваніе всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ съ тѣми же требованіями отъ молодыхъ услажденія горькой водки поцѣлуями; такъ же молодые пребывали въ какомъ то гипнозѣ и, наконецъ такъ же они жались одно къ другому плечами и колѣнками ногъ; такъ же, но только безъ пѣнія, подѣлили лежень.

Пока въ хатѣ шло угощеніе, Сохва съ Максымомъ сидѣли на галерейкѣ особо отъ хаты стоящей коморы, куда были снесены по указанію кого-то „скрыня" и „подушкы". Долго имъ показалось такъ сидѣть.

Но вотъ засуетились зазирающіе въ окна, понатолпились къ крыльцу, показался свѣтъ въ сѣняхъ, а послѣ и на крыльцѣ: шла свитилка съ зажженною, торчащею изъ букета сухихъ „васильковъ и мьяты" восковою свѣчкою, а за нею дружко, ведущій молодыхъ. Онъ держалъ рукою конецъ платка, за другой конецъ котораго держался молодой, другою рукою державшій руку своей княгини. За ними слѣдомъ шла свашка Полька. Сохва и Максымъ отошли отъ дверей, которыя отперъ дружко и впустилъ въ нихъ молодыхъ и вслѣдъ за ними вошелъ самъ со свитилкою и свашкою. Когда совершенъ былъ обрядъ раздѣванія, Полька поцѣловала и перекрестила сестру, дружко, шеп-

нувъ что то молодому, потушилъ свѣчку, взялъ за руку свашку и со словами „заложить двери“—вывелъ ее изъ коморы.

Молодые остались сами.

Томительно долгомъ показалось всѣмъ время ожиданія, пока наконецъ послышалась пѣсня Польки, подхваченная Сохвой:

Ой спасыби та морозоньку
Шо не побывъ та колынонькы...
Не посмутывъ родынонькы,
Блызенькои и далекои,
Матинкы та ридненькои,
Батенька ридненького...

Осмѣлившіяся молодицы тихимъ шагомъ въ сопровожденіи дружка и слѣдующаго за ними Максыма шли къ хатѣ и все громче и громче оглашали ночь пѣніемъ:

Не бійся, матенько, не бійся!
У червони чоботы озуйся.
Топчы ворогы пидъ ногы
А супостаты пидъ пьяты,
Шобъ ажъ пидкивкы бряжчалы
И вороженькы мовчалы.
Темнаго лугу калына,
Чесного роду дытына:
Яку іи маты зродыла,
Така вона й доси ходыла;
Яка була у пелюшечкахъ
Така жъ и на подушечкахъ.

Въ какомъ то изступленіи все громче и громче кричали Полька и Сохва:

Червона въ лузи калына,
Чесного батька дытына,
По юлыцямъ ничью ходыла,
Та усе гараздъ чынила,
По вечерныцямъ гуляла,
Чести своей не стеряла:

Купци куповалы—
Не продала;
Хлопци прохали—
Не дала;
Шовкомъ ниженькы звязала
За для свого Иваночка держала.
Ой выйды сванечко проты насъ,
Прывитай невистоньку ты гараздъ.
Та зовы жъ ты насъ въ кимнату,
Почынай частуваты.
Та зовы жъ ты насъ въ горныцю,
Та за нашу сызую горлыцю.

Теслиха, распорядившаяся, какъ только послышалось пѣніе свашки, завѣсить иконы платками, вышла и ожидала въ сѣняхъ дорогихъ вѣстницъ.

— Сидайте жъ наши сваты люби да мыли. Спасыби жъ вамъ за вашу дытыну хорошу, честного роду, честного батька-матери!—и она въ поясъ поклонилась всѣмъ троимъ сватамъ.

— Иды й ты старый, прывитай сватывъ, подякуй за ихъ дочку, нашу невисточку.

— Спасыби, спасыби! Сидайте въ насъ, гости дороги будете—сказалъ молча по сю пору стоявшій „старый Тесля".

Подана была закуска и началось подчиванье водкою, при чемъ не допускалось отказа. По первой полной чаркѣ выпили всѣ отъ свата, послѣ отъ свахи—по второй. Молодымъ свитилка и боярынъ старшій понесли „вечерять", съ ними пошла и Сохва.

Не долго тамъ они были. Молодые чуть чуть дотронулись до „вечери", а подносимой водки не стали вовсе пить.

— Що жъ ходимте! Нехай соби почывають, воны поморылыся—сказала Сохва и, поцѣловавъ Машку, пошла первая изъ коморы.

Порѣшено было, что Сохва отправится „звистыты батька-матирь, для чего ее снабдили шишкою, лепестки коей перепутаны были красными нитками.

LV.

А въ хатѣ Сохвы Мелашка не унималась. Никакіе уговоры не пронимали ее: ни напоминанія о томъ, что съ улицы можетъ кто нибудь послышать, ни увѣренія Хведька въ томъ, что онъ даже и не разсмотрѣлъ въ темнотѣ, кто такая приходила именно за спичками. Каждое слово его еще больше раздражало разсвирѣпѣвшую молодицу, вызывало все болѣе рѣзкіе упреки и болѣе громкія рыданія. Такъ дѣло тянулось долго, и онъ положительно не зналъ что дѣлать; боялся, чтобы кто нибудь не подслушалъ этого рыданія, этихъ докоровъ. Онъ ушелъ изъ валькира и сѣлъ около окна въ хатѣ. Въ антрактахъ плача и рыданій, ухо его настораживалось въ сторону улицы. Вдругъ онъ услыхалъ топотъ ногъ на улицѣ, пріостановившійся у окна валькира, а затѣмъ уже отчетливо послышались чьи-то шаги, брякнула калитка и раздался стукъ въ двери. Въ отсунутыя Хведькомъ двери вошла Сохва, отъ которой пахло водкою.

— Ну, справылыся! Чесна наша Машка. Усе гараздъ! Мене оце прывезлы звистыты—скороговоркою одушевленно проговорила она, входя въ хату.

— А у васъ тутъ що таке? Хто се плаче, що ажъ на вулыци чуть?—Ой, що це я, якъ напылася, ажъ въ голови заходыть... Засвиты; отъ-тутъ у печурци сирныкы... Це вона? Чого це вона?—понизивъ голосъ, добавила, она; пошла прямо въ валькиръ и, дотронувшись до плеча Мелашки, сказала ей.

— Та хиба жъ такъ можна? Це й сябры почують; це ты й себе й мене острамышъ. Угомоныся, схаменыся... Отъ я заразъ, роспытаемося...

И она пошла къ сундуку, изъ котораго достала кусокъ краснаго кумача и, подавая его Хведьку, сказала:

— Иды до дому, тамъ визьмешъ жердку и выставышъ зъ цимъ... Титка Горпына покаже, якъ зробыть. Иды...

Когда онъ вышелъ, Сохва опять пошла въ валькиръ къ Мелашкѣ и, сѣвъ около нея, спросила.

— Ну, теперъ кажы, що и якъ у васъ тутъ выйшло? Кажы а то вже й до свиту не далеко, и тоби вже йты буде треба...

— Никуды я не пійду... куды мени йты?.

— Якъ це не пійдешъ?—спросила озадаченная этимъ отвѣтомъ Сохва... Шо се ты?

— Такъ и не пійду. Нехай уси знають... Никому ёго не попущу... Ни ій, ни тоби... Никому.

— Мени? Ій? Кому це?... изумлялась Сохва.

— Сама знаешъ, кому... Уси вы однакови. Теперъ винъ вамъ всимъ прыгодный. Теперъ я сама чула, бачыла... Зрозумила, чомъ ты такъ не хотила ключа мени давать одъ хаты. Уговорювала, що не годытся. Мени не годытся, а вамъ усимъ— и тоби, и тій годытся; все розибрала, все пойняла...

Мелашка говорила все громче и громче и все больше воодушевлялась... Не пьяна ли она? Не пили ли они тутъ съ Хведькомъ ради свадьбы?—пришло ей въ голову, но отъ нея водкою не пахло, а тѣмъ не менѣе нужно же было разобраться въ этомъ, понять въ чемъ дѣло, устранить скандалъ, компрометирующій ее самое, и себя и еще въ такое время, во время свадьбы, при чужихъ людяхъ.—Все это моментально промелькнуло въ мысляхъ Сохвы, въ ея немного охмѣлѣвшей головѣ.

А та не унималась.

— Я вже давно запрымитыла, що ты не такъ стала й прывичаты мене, якъ бы зъ нехотя. А воно бачъ що... Нехай же теперъ вси знають, яка я, та яки й вы вси... Мени теперъ одно зосталося.. А я безъ нёго й жыты не хочу... Уси вы за одно! У васъ ни совисти, ни сорома нема... Бачъ, ключа не хотила даваты... Соби ёго прыберегала, чы подрузи якій.

— Хто прыберегавъ? Якій подрузи? Схаменыся! Шо ты? Збожеволила?

— А тій, що тутъ до нёго прыходыла... За вогнемъ... Знаю, якого вогня ій треба... Хозяйкы! Чесно поводытесь. Така й ты, якъ й вси воны потаскухы!—въ иступленіи почти кричала Мелашка.

— Ты вже бачъ, и сама не знаешъ, що паплаешъ... На себе бъ оглянулася: чоловика покынула й пишла по чужимъ

хатамъ ночувать, полюбовнычаты... не выдержала разобиженная Сохва... Ты лучше йды соби одъ мене; тутъ е твои батько й маты, до ныхъ иды, и тамъ що хочъ вытивай, а мене ты тутъ у моёму доми не страмы. Иды соби, а то отъ-отъ уже скоро й свитъ. Иды...

— Пійду, Пійду!.. Не выганяй!—Та тилькы не туды пійду, куды ты думаешъ.

— Куды знаешъ... це дило твое.

Мелашка схватила съ лавки свой головной уборъ и, не прощаясь, кинулась изъ хаты, оставивъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи Сохву. Она такъ и стояла среди хаты, грозная разсерженная, не зная, что дѣлать.

— Прыходыла за вогнемъ... Ничого не розумію; треба буде у нёго роспытать. Въ это время вошелъ Хведько.

— Що жъ зустривъ?

— Кого?

— Та іи жъ. До своихъ пишла.

— Ни, не стривавъ и на вулыци никого не выдно.

— Ну, такъ це вона пишла городамы. Тилькы ни: я чула якъ хвирткою брязнула.

Це й я чувъ—саме зъ своихъ ворітъ выходывъ.

— Такъ це вона подалася ажъ на деревню—вже не що. Отъ божевильна! Чы це въ неи одъ того, ще вагaтна ходыть... Ніякъ не вговорышъ. Якъ воно тутъ у васъ вышло?—говорила Сохва, немного успокоившаяся и сѣвшая около стола противъ Хведька.

— Хто його знае—якъ воно вышло, чого вона такъ росходылася—отвѣчалъ онъ.

— А хто же се прыходывъ за вогнемъ?

— Галька... Каже ничымъ ніякъ засвитыть.

— Ну, а вона й побачыла.

— Ни, вона іи не бачыла, бо я іи и въ хату не пустывъ; вона й сама не пишла, якъ дозналася, що я не самъ въ хати.

— Що жъ вона пьяна була? Пыла у васъ?

— Хто?

— Та ця жъ Галька...

— А! Було дило; мы зъ нею умисти ишлы до дому, такъ все спотыкалася, хваталася за мене... пиддержъ, каже, а то я пьяна—упаду.

— Ну?

— Та що жъ „ну“.

— А Мелашка й почула.

— Почула, тай почала прыставать. Це вона, каже, до тебе прыходыла, а я помишала; тимъ то, каже, Сохва й ключъ не хотила давать. Тимъ то, каже, ты такый...

— Якый?

— Та хто його знае, якый... Ни! тоби не слидъ було ключъ давать у таке время.

— У яке время?

— Та саме тоди, якъ свадьба йде—Машку повезлы.

— Хиба жъ вы зъ нею не змовлялыся повыдатыся сю ничъ у мене въ хати?

— Я й не говорывъ зъ нею, тилькы й того, що побачывъ іи на весилли.

— Гмъ!—что то соображала Сохва, не совсѣмъ уразумѣвшая, какъ это и что вышло.

— Ну, ничого! Обійдется, та така жъ и буде.—Сама розчовпе, що занапрасно озорылася... Иды ты; а я хоть трохы засну; дывысь ото вже й свитае...

LVI.

— Вставай! буде тоби спать! Отъ вже й молоди скоро прыйидуть, расталкивала Сохва заспавшагося въ коморѣ Хведька.

— Вже къ обидамъ берется....

Еле онъ успѣлъ сполоснуть заспанную физіономію, какъ дѣйствительно съ улицы донесся смѣшанный звукъ колокольчиковъ, пѣнія и музыки.

Къ воротамъ подъѣхали двѣ изукрашенныя тройки: дуги перевиты были красными поясами; коренныя лошади прикрывались большими кусками розоваго каленкора, пристебнутаго концами къ дугамъ и ремнямъ шлей; у пристяжныхъ на уздахъ около ушей бантики изъ красныхъ лентъ. Тарантасы были переполнены свадебными гостями, такъ что молодыхъ почти не видно было. Кромѣ ихъ, князя и княгини, пріѣхали Полька съ Максимомъ, дружко, свитилка, оба старосты и цѣлый оркестръ, состоящій изъ скрипки, цымбалъ и бубна. Къ воротамъ сбѣжались всѣ свободные отъ работы уличане и, разумѣется, дѣти.

Всѣ поѣзжане были сильно на-веселѣ.

Шествіе въ ворота открывалъ дружко съ большою перевитою красными нитками и украшенною кисточками „червоной“ калины шишкою. Въ другой рукѣ у него была бутылка, горлышко которой тоже было обвязано красною лентою, и заткнута пучкомъ калины. Слѣдомъ за дружкомъ шли молодые, блѣдные, усталые, конфузливые, но тѣмъ не менѣе обое очень красивые. Очипокъ съ головнымъ „вывъязаннымъ“ платкомъ былъ очень къ лицу Машкѣ; томный, усталый взглядъ ея дѣлалъ ее очень интересною. Съ еле засѣявшимся на верхней губѣ пушкомъ молодой мужъ ея, стройный, высокій—былъ какъ разъ ей подъ пару.

„Титка Горпына“ сама безъ мужа встрѣтила гостей впереди крыльца и, выслушавъ привѣтствіе дружка, поклонъ отъ свата и свахи и „подяку“ ихъ „за невисточку“, приняла шишку и бутылку. Затѣмъ дружко взялъ у старосты завязанные въ ситцевый платокъ новые башмаки и подалъ „титци Горпыни“ отъ зятя.

„Титка Горпына“ тутъ же, не отходя,—выподчивала данную ей бутылку водки и попросила гостей въ хату.

Взошли молодые, посаженные сейчасъ же на „покутѣ“ за столъ, дружко и одинъ изъ старостъ. Остальную компанію не скоро зазвали въ хату, такъ какъ они выплясывали около крыльца. Пришли еще сосѣдки молодицы и тоже плясали. При этомъ, кто какъ могъ, подпѣвали.

Послѣ недолгаго угощенія водкою и закускою гостей, вся компанія забрала съ собою „титку Горпыну“, „дядька Ивана“ и Хведька и пѣшкомъ отправились ажъ на Удильщину къ свекру. Дома осталась только Сохва на два двора.

Она наскоро поприбрала въ хатѣ Самченковыхъ, заперла двери и пошла къ себѣ. Выходя изъ воротъ, она встрѣтила бондаря.

— О! це жъ у насъ весилля,—такъ вже поводытся.

— Знаю, не первый годъ живу межъ хохлами! Здравствуй! Я вотъ зашелъ сказать, что на этой недѣлѣ должны пріѣхать наши, такъ чтобы знали. Что они скоро кончатъ эту гульню?.

— Та воны вже й кончылы. Теперь отъ сёгодня здаровуватымуть, тай усе. Зазовивъ, казалы, не буде: бо, бачъ, саме копка буракивъ настае...—объяснила Сохва.

— Ну, что жъ! Тѣмъ лучше. Наши до Козлова по чугункѣ, а оттоль ужъ на лошадяхъ. Должно уже въ пути. Такъ вотъ и скажи имъ да—бишъ, ему, вѣдь онъ одинъ теперь остался...

—

Оцежъ тіи чоботы, що зять давъ;
А за ціи чоботы дочку ввявъ.
        Чоботы, чоботы вы мои
        Чи будете жъ робыть дило вы мени?!
Оце жъ тіи чоботы зъ шкапыны,
Ой що далы за ридную дытыну...
        Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени?..
Оце жъ тіи чоботы изъ бычка.....

Чи будете жъ робыть дило, якъ дочка?
Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени?.

Такъ пѣли Полька со „свитилкою“ подъ музыку и притопывали при каждомъ припѣвѣ, подвигаясь впереди всей „перезвы“ черезъ Бемовскій уже опустѣвшій базаръ и далѣе по улицѣ. Чѣмъ то печальнымъ звучалъ этотъ будто бы и плясовой мотивъ. Обыкновенно въ этой пѣснѣ изображаются сожалѣнія матери, отдавшей замужъ дочь и лишенной въ домѣ, въ хозяйствѣ ея помощи. Въ данномъ случаѣ не было такой матери, но тѣмъ не менѣе въ соблюденіе ритуала пѣсня пѣлась, музыканты вторили ей, и разумѣется—словъ изъ пѣсни не выкидывалось.

На ричку йшла—чоботы скрыпилы
А зъ ричкы йшла—чоботы хлюпалы.....
Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени?

Хведько шелъ понурившись и задумавшись. Мотивъ пѣсни грустно настроилъ его, слова напомнили ему объ его одиночествѣ. Посмотрѣлъ онъ на сестру, сидѣвшую со своимъ молодымъ мужемъ въ одномъ изъ двухъ, слѣдовавшихъ за „перезвою“, тарантасѣ. Жаль ему ее, но она, очевидно и не думала о немъ. Они, молодые, такъ плотно прижались другъ къ другу, они только и нужны были другъ другу,—все остальное для нихъ не существовало. Она даже ни разу и не глянула на него.

Но вотъ уже не далеко. Уже виднѣлся большой красный флагъ на высокомъ шестѣ, воткнутомъ около трубы дома Тесливъ; дѣтвора повысыпала навстрѣчу „перезвѣ“.

Ой прыйду я въ вечери до дому,
Не наношена за для печи солома...
Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени?

Ой прыйду жъ я до дому у ночи,
Нема жъ въ мене й жарыночкы у печи.....
Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени—

продолжали молодицы, воспѣвая безпомощность матери...

Ой війшла жъ я въ нетоплену хату,
Тай лягла жъ я, не свитывшы спаты.....
Чоботы, чоботы вы мои!
Чи будете жъ робыть дило вы мени?..—

окончательно дорисовали онѣ безотрадное положеніе гдѣ то, очевидно, по старой привычкѣ загулявшейся матери, понадѣявшейся на дочь, забывъ, что ея уже нѣтъ, что она отдана за „чоботы зъ шкапыны", не замѣнившіе ей „риднои дытыны"...

У Тесливъ шелъ пиръ горой. Иконы были обвѣшаны „рушныкамы" молодой. Столъ былъ полный. Дружко обносилъ гостей подарками — ситцевыми платочкамы, при чемъ одаряемые „здаровувалы молодыхъ, кто чѣмъ могъ, кто „яловку" [1]) кто „ярку" [2]) а кто деньгами, разумѣется, мѣдными; „дядько Иванъ зъ титкою Горпыною"—колодку пчелъ. Хведько на тарелку положилъ ткнутую ему въ руку при отъѣздѣ изъ дому Сохвою трехрублевую бумажку. О всѣхъ дареніяхъ приставленный къ дружку въ качествѣ „пиддружаго" Максымъ по подсказу громко выкрикивалъ преувеличивая стоимость дара. „Яловку" называлъ коровою, ярку „отарою овецъ", колодку пчелъ—„пасикою" и т. д.

До поздняго вечера шло пированіе: пилила скрипка, бряз-гали цимбалы и гудѣлъ бубенъ; танцовали всѣ, а особенно молодицы, приплескивавшія въ ладоши и припѣвавшія иногда и не совсѣмъ скромныя пѣсни.

Хведько, какъ ни отказывался, долженъ былъ все таки выпить, и окончательно пьяный еле къ полночи очутился на

[1]) Яловка—корова безъ телка. Иногда такъ называютъ курицу, когда она перестала несть яйца.

[2]) Ярка—некотившаяся еще молодая овца.

крыльцѣ дома Сохвы и постучался въ двери; но едва переступилъ порогъ хаты, какъ совершенно безчувственный свалился на полъ и мертвецки заснулъ на подсунутомъ Сохвою подъ голову ему кожухѣ.

Б. Познанскій.

Памяти В. В. Тарновскаго.

13 іюня скончался въ Кіевѣ Василій Васильевичъ Тарновскій, одинъ изъ самыхъ страстныхъ любителей малорусской старины. Василій Васильевичъ родился 20 марта 1837 года въ имѣніи Антоновкѣ, полтав. губ., пирятинскаго уѣзда. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Москвѣ, потомъ учился въ инженерномъ училищѣ въ Петербургѣ, а высшее—въ университетѣ св. Владиміра, гдѣ слушалъ лекціи по историко-филологическому факультету. По окончаніи университета, онъ служилъ сначала мировымъ посредникомъ, а потомъ былъ избираемъ предводителемъ дворянства борзенскаго и нѣжинскаго уѣздовъ. На этомъ посту онъ былъ безсмѣнно въ теченіе 18 лѣтъ. Умеръ онъ на 63 году жизни, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни.

Тяжкую утрату понесли украинцы со смертью Василія Васильевича Тарновскаго. Хотя въ литературѣ отъ него не осталось слѣдовъ, кромѣ изданныхъ имъ двухъ каталоговъ, но всѣмъ интересующимся изученіемъ южно-русскаго края, онъ былъ извѣстенъ, какъ собиратель предметовъ малорусской старины. И едва-ли кто-нибудь отдавался этому дѣлу съ такимъ усердіемъ, съ такой готовностью приносить жертвы и съ такимъ постоянствомъ, какъ покойный Вас. В—чъ. Занимаясь этимъ съ 18-лѣтняго возраста до момента смерти, онъ составилъ замѣчательное собраніе, которое въ появившихся послѣ его смерти некрологахъ оцѣниваютъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, но

которое для любителей малорусской старины безцѣнно, такъ какъ ни за какія деньги въ настоящее время уже невозможно составить другое подобное собраніе. Незадолго до своей смерти онъ издалъ каталогъ своего собранія, но не совсѣмъ полный. Именно, въ немъ отсутствуетъ Шевченковскій отдѣлъ, и хотя каталогъ этого отдѣла былъ изданъ отдѣльно нѣсколькими годами раньше, но тогда въ немъ были сдѣланы пропуски, которые мы своевременно указывали въ Кіевской Старинѣ, а кромѣ того онъ не заключаетъ въ себѣ свѣдѣній о позднѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ по этому отдѣлу, а ихъ было не мало, ибо послѣ изданія означеннаго каталога В. В. Т—скій пріобрѣлъ большое количество рисунковъ Т. Г. Шевченка. Равнымъ образомъ, въ изданныхъ каталогахъ недостаетъ свѣдѣній о картинахъ, принадлежащихъ другимъ художникамъ, какъ напр., Штернбергъ, К. Маковскій, Рѣпинъ, Башиловъ, Де-Бальменъ и друг. Наконецъ, не были составлены и изданы каталоги отдѣла рукописей и библіотеки. Насколько намъ извѣстно, каталоги этихъ отдѣловъ, не вошедшихъ въ недавно изданный каталогъ, онъ собирался издать впослѣдствіи.

В. В. Тарновскій не принадлежалъ къ тѣмъ коллекціонерамъ, которые, собравъ сокровища, хранятъ ихъ подъ спудомъ и неохотно допускаютъ другихъ до пользованія ими. Напротивъ, онъ всегда былъ радъ предоставить каждому возможность пользоваться тѣмъ, что онъ собралъ, и въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ озабоченъ мыслью сдѣлать свой музей общественнымъ достояніемъ, доступнымъ для всеобщаго пользованія. Съ этой цѣлью онъ, еще много лѣтъ тому назадъ, дѣлалъ неоднократныя попытки (къ сожалѣнію—безуспѣшныя) убѣдить знакомыхъ ему богатыхъ людей къ пожертвованіямъ на устройство въ Кіевѣ музея. И если въ послѣднее время, когда въ Кіевѣ было приступлено къ постройкѣ зданія музея, онъ колебался между Кіевомъ и Черниговомъ въ рѣшеніи вопроса о томъ, куда отдать свое собраніе, то происходило это вслѣдствіе того, что, желая, чтобъ это собраніе навсегда сохранилось въ неприкосновенной цѣлости, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, гдѣ лучше это можетъ быть достигнуто. Въ концѣ концовъ музей свой покойный завѣщалъ губерн-

скому Черниговскому земству. Дай Богъ, чтобъ его желанія въ этомъ отношеніи исполнились и чтобъ его музей принесъ въ будущемъ наибольшую пользу, служа для изученія родного края, который онъ такъ любилъ.

Мы, близко знавшіе Василія Васильевича, въ особенности чувствуемъ тяжесть утраты, такъ какъ потеряли въ немъ не только собирателя интересной и дорогой для насъ коллекціи, но и милаго, симпатичнаго человѣка, дружелюбно встрѣчавшаго и объединявшаго у себя всѣхъ, кто раздѣлялъ его симпатіи къ родинѣ. Всѣ они находили у него радушный пріемъ, всѣ легко и хорошо чувствовали себя, собираясь у его огонька, и быть можетъ не одинъ изъ нихъ теперь задаетъ себѣ вопросъ: соберемся ли мы еще гдѣ нибудь такъ, какъ у него собирались?

Миръ праху твоему, вѣрный сынъ своей родины, добрый и симпатичный человѣкъ!

Н. Ш.

Документы, извѣстія и замѣтки.

О стихотвореніи „Славянамъ“, приписанномъ Т. Г. Шевченку. Въ № 10-мъ 1897 года было напечатано у насъ проф. Н. И. Стороженкомъ стихотвореніе «Славянамъ», которое уважаемый нашъ сотрудникъ считаетъ принадлежащимъ перу Шевченка и находитъ, что мысли, выраженныя въ немъ, служатъ отраженіемъ взгляда кіевскаго кружка панславистовъ, и что такія-же мысли раздѣлялъ и Шевченко. По поводу этого стихотворенія въ галицкой газетѣ «Зоря» (1898 г. № 22 и 23) появились замѣтки гг. Коваленка и Франка, въ которыхъ авторы доказываютъ, что, по самому существу взглядовъ, высказанныхъ въ стихотвореніи «Славянамъ», оно не можетъ принадлежать Шевченку, и кромѣ того, характеръ рѣчи и стиха въ многихъ мѣстахъ совсѣмъ не шевченковскій. Оба названныя лица не сомнѣваются въ томъ, что авторомъ стихотв. «Славянамъ» былъ Н. И. Костомаровъ, который это стихотвореніе въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ напечаталъ впервые въ журналѣ «Основа» (1861 г. № 2) подъ псевдонимомъ «Іеремія Галка» и подъ заглавіемъ «На добра-ничъ», а затѣмъ внесъ въ «Збирныкъ творивъ», изд. въ 1875 г., откуда оно было перепечатано въ альманахъ «Чайка» 1876 г.

Въ виду возникшаго сомнѣнія, было-бы желательно прежде всего узнать, на какихъ данныхъ проф. Н. И. Стороженко, нашедшій стихотвореніе «Славянамъ» въ бумагахъ Н. И. Костомарова, хранящихся въ Архивѣ Департамента Полиціи, основалъ принадлежность его перу Шевченка, чтобы можно было съ большей опре-

дѣленностью рѣшать, кто-же дѣйствительный авторъ его. Но пока этихъ данныхъ мы не имѣемъ, мы считаемъ только обязательнымъ для себя подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями, которыя случайно оказались въ нашихъ рукахъ.

Прежде всего нѣсколько словъ о самыхъ стихотвореніяхъ «Славянамъ» и «На добра-ничъ»; въ чемъ ихъ сходство и различіе? По содержанію стих. «Славянамъ» всецѣло носитъ на себѣ отпечатокъ славянофильской идеи съ надеждой на оживленіе и обновленіе въ славянствѣ, а въ стих. «На добра-ничъ» высказывается мысль о человѣчествѣ вообще, съ надеждою, что настанетъ время обновленія его. Не смотря на это различіе въ содержаніи, отдѣльныя строчки и даже цѣлые куплеты оказываются почти тождественными, что и даетъ основаніе считать оба эти стихотворенія принадлежащими одному автору—и въ такомъ случаѣ, конечно, Н. И. Костомарову, подписавшему свой псевдонимъ (Іеремія Галка) подъ однимъ изъ нихъ. Но въ какое-же время написано одно стихотвореніе и другое? Проф. Н. И. Стороженко относитъ стих. «Славянамъ» или къ концу 1846, или къ началу 1847 года, а г. Франко не безъ основанія полагаетъ, что «На добра-ничъ» было написано впослѣдствіи, и въ немъ, по словамъ Франка, «позамазувано вси слиды славянофильства, а лышено тильки религійну мистику. Попикшися на гарячимъ, знаменитый историкъ готовъ бувъ и на холодне дуты». (Зоря 1897 г. № 23). По поводу этихъ соображеній уважаемаго галицкаго ученаго, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Начало стих. «На добра-ничъ» ясно указываетъ, что написано оно въ какую-то тяжелую минуту въ личной жизни автора, т. к. трудно предполагать только поэтическій пріемъ въ слѣдующихъ двухъ начальныхъ куплетахъ этого стихотворенія:

На добра-ничъ усимъ на ничъ—
Годи вже блукаты;
Одынокый, безталанный,
Ляжу спочываты.

—

Холодная постилонька
У темній дыброви:
Буду ждаты, сподиватысь
Любои обновы.

Въ какую именно минуту было написано это стихотвореніе, мы случайно имѣемъ возможность указать съ полной точностью. Въ нашихъ рукахъ находится экземпляръ «Збирныка творивъ Іереміи Галки» изд. 1875 г. съ автографомъ Н. И. Костомарова. Въ этомъ экземплярѣ единственно при стих. «На добра-ничъ» рукою Костомарова сдѣлана помѣтка: *«31 мая 1847 г. въ первый день заключенія въ крѣпость»*. Оказывается, такимъ образомъ, что промежутокъ между написаніемъ этихъ двухъ стихотвореній самый незначительный, и если они оба принадлежатъ перу Н. И. Костомарова, то, конечно, стих. «Славянамъ», какъ написанное раньше и уже арестованное у поэта, дало ему только отдѣльныя выраженія для творчества, возникшаго въ иныя минуты, въ иной обстановкѣ и на иную тему, и слѣдовательно— едва-ли можно сказать, что тутъ авторъ хотѣлъ умышленно *замазать всѣ слѣды своего славянофильства.*

Но вѣдь бываетъ и иначе: произведеніе чужое, но близкое сердцу, можетъ породить творчество подъ такимъ сильнымъ своимъ давленіемъ, что отдѣльныя фразы и даже куплеты окажутся общими. Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ авторствѣ стих. «Славянамъ» мы считаемъ открытымъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока проф. Н. И. Стороженко не укажетъ тѣхъ мотивовъ, которые заставили его признать здѣсь авторство Т. Г. Шевченка.

Еще два слова. Въ стихотвореніи «Славянамъ» одинъ куплетъ въ печати пропущенъ, какъ это и показано въ примѣчаніи къ нему; этотъ же куплетъ отсутствуетъ и въ печатномъ изданіи стих. «На добра-ничъ», но въ нашемъ экземплярѣ онъ приписанъ рукою Н. И. Костомарова точь въ точь такъ, какъ и въ стих. «Славянамъ». Послѣ куплета «Горе, горе богатому» стоитъ приписка:

Горе тимъ, котри говорять
Наша власть одъ Бога,
И безъ страху надъ собою
Не знають никого.

В. Науменко.

Малорусская пѣсня въ изданіи 1794 года. Какъ извѣстно, на знаменитомъ Потемкинскомъ праздникѣ, устроенномъ въ Таврическомъ дворцѣ 28 апр. 1791 года въ присутствіи императрицы Ека-

терины 2-ой *), въ ряду другихъ развлеченій, была исполнена малорусская хоровая пѣсня «На бережку у ставка», очень распространенная и въ настоящее время, какъ народная пѣсня, положенная на ноты для хора нашимъ талантливымъ композиторомъ Н. В. Лисенкомъ. Но кто-же и когда эту пѣсню положилъ на ноты въ прошломъ столѣтіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, и то не вполнѣ точный, мы можемъ дать, благодаря тому, что случайно въ Императорской Публичн. Библіотекѣ мы натолкнулись на печатное изданіе этой пѣсни въ Москвѣ 1794 года подъ такимъ заглавіемъ: «Малороссійская пѣсня *На бережку у ставка* съ полнымъ хоромъ и со всею вокальною и инструментальною музыкою. Москва 1794 г.» На обложкѣ виньетка съ рисункомъ играющихъ музъ. Не будучи специалистомъ въ музыкѣ, мы не можемъ судить о степени достоинства этой музыкальной обработки народнаго мотива, но насколько позволили намъ сдѣлать выводъ наши кое-какія музыкальныя свѣдѣнія, мы считаемъ, что какъ основной мотивъ, такъ и многія частности вполнѣ сходятся съ современной разработкой этой пѣсни у Н. В. Лисенка. Что-же касается текста словъ, то въ этомъ изданіи 1794 года онъ искаженъ иногда до утраты всякаго смысла. Одно только несомнѣнно, что въ теперешнемъ исполненіи текстъ этой пѣсни далеко не полонъ, почему мы и считаемъ нужнымъ воспроизвести его въ старой записи конца прошлаго вѣка, всѣ ошибки исправляя и показывая ихъ только въ выноскахъ.

На бережку у ставка,
На *дощечци* 1) у млынка
Хвартухъ прала дивчына 2),
Плескалась якъ рыбчина 3),
Тай упала *въ ставъ небога* 4).
Гей, *немае* 5) тутъ никого,
Ой никому подбигты,
Щобъ дивчыну вытягты.
Крычыть *проби іи маты* 6),
Щобъ дивчыну ратуваты,
Каже, що за працю тую

*) См. описаніе его въ сочин. Г. Р. Державина, изд. Акад. Наукъ, т. I СПБ. 1864 г., стр. 413.

1) На дощечьнѣ; 2) дивчино; 3) рыбчино; 4) *вставъ ни мого*; 5) нимае; 6) пробе *чей и* маты.

И дивчыну подарую.
Гей дивчына уродлыва,
Румяная, чорнобрива,
Очeньки, якъ *ясоньки* [7]),
Губоньки, якъ розоньки,
Рученьки *манесеньки* [8]),
Ноженьки *билесеньки* [9]),
Гарная, якъ квиточка,
Любая, якъ рыбочка,
Тай уміе танцювать,
Зъ козакамы *жартуватъ* [10]).
Ажъ козакъ тутъ и вродывся,
Заразъ въ ставокъ опустывся,
Знайшовъ швыдко винъ дивчыну,
Та и вытягъ якъ рыбчыну.
Гей козаче уродлывый,
Молоденькый тай жартлывый [11]),
Усоньки чорнявыи,
Зубоньки перловыи,
Чубчыкъ твій круглесенькій,
Тай жупанъ сынесенькій,
Червоная шапочка,
Тая *огулярочка*, (?)
Сафьянови чобитци,
Тай шабелька *пры боци* [12]).
Стережыся дивчыно,
Моя люба рыбчыно,
Одна къ млынку не ходы,
Тай въ ставочокъ [13]) не впады,
Вжежъ въ ставочку не згребешся,
Къ бережечку не збредешся [14]).
Ой та дуже працювавъ,
Якъ я тебе [15]) вытягавъ,

---

[7]) ясонъки; [8]) мянесеньки; [9]) конечно, въ этихъ двухъ стихахъ—наоборотъ; [10]) жиртоватъ; [11]) жиртливый; [12]) при бо*тци*; [13]) въ ставо*чихъ*; [14]) этого стиха издатель совсѣмъ не понялъ, почему поставилъ только „*къ берслечку.....*“; [15]) *чи якъ тоби.*

Для гарного *твого* [16]) стану
Чы я *тебе не* [17]) достану.
Я-жъ въ вечиръ буду блызенько,
Прыйды до мене серденько;
Ты-жъ дивчына уродлыва,
Румяная чорнобрива:
Оченьки якъ ясоньки и т. д. [18])
Гей козаче любесенькій,
Мій голубе сызесенькій,
Потанцюй зо мной, якъ можешъ,
Пожартуй соби [19]), якъ хочешъ,
За твою я працю тую
Все [20]), що маешъ, *поцилую* [21]):
Усоньки чорнявыи и т. д. [22])
Колыжъ доля то моя,
Нехай буду я твоя.

В. Н.

Письмо П. А. Кулиша къ М. А. Максимовичу. П. А. Кулишъ, дружба котораго съ М. А. Максимовичемъ была довольно тѣсная въ началѣ 50-хъ годовъ, но къ концу ихъ значительно ослабѣвшая, а затѣмъ и совсѣмъ прекратившаяся, познакомился съ нимъ въ Кіевѣ, во время профессорства Максимовича въ Кіевскомъ университетѣ. Къ этимъ первымъ годамъ знакомства относится и печатаемое ниже письмо его къ Максимовичу въ 1841 году, когда Кулишъ былъ учителемъ въ Луцкомъ училищѣ, а Максимовичъ, отказавшись отъ ректорства, оставался профессоромъ русской словесности. Какъ къ человѣку вліятельному, Кулишъ и обращается между прочимъ въ этомъ письмѣ къ нему за содѣйствіемъ въ дѣлѣ устроенія ему возможности пользоваться библіотекой Олезара, переданной Луцкому училищу.

«М. Г. Михаилъ Александровичъ! Марта 15 я прислалъ Вамъ письмо, и намѣренъ былъ писать къ Вамъ не прежде какъ по полученіи «дражайшихъ Вашихъ Кіевлянинов», *) но вдругъ одинъ

---

[16]) *твиго*; [17]) *тоби ни*; [18]) повторяется 8 стиховъ; [19]) пожиртуй *сабѣ*; [20]) *всіо*; [21]) поцалую; [22]) повторяется 6 стиховъ.

*) Изданы Максимовичемъ въ 1840 г. и 1841 году.

случай заставилъ меня, не дождавшись Вашего отвѣта, за первымъ Луцкимъ письмомъ моимъ послать въ догонку это письмо въ видѣ прибавленія. Узналъ я, что у смотрителя хранится библіотека, принадлежавшая Олезару и заключающая въ себѣ до двухъ тысячъ книгъ, большею частію на Польскомъ и Французскомъ языкахъ. Каталогъ этихъ книгъ отосланъ къ «высшему начальству», и уже два года смотритель ожидаетъ резолюціи—куда дѣвать ихъ. Между тѣми книгами (говорилъ мнѣ учитель исторіи: самъ я не имѣлъ счастья даже видѣть эту библіотеку) есть всѣ польскіе историки и хроникары, много рукописей и—что всего важнѣе—рукописное подробное описаніе Польскихъ сеймовъ; сверхъ того много историческихъ книгъ разнаго рода, есть романы Вальтеръ-Скотта и пр. Я просилъ смотрителя позволить мнѣ порыться въ этой библіотекѣ, но онъ, не взирая на всѣ мои мольбы, не далъ мнѣ ни одной книги, отговариваясь единственно тѣмъ, что онъ давалъ въ прошломъ году на ваканціяхъ книгъ три учителю исторіи, который, повезши ихъ въ деревню, продержалъ у себя цѣлую недѣлю долѣе положеннаго срокъ, что онъ, смотритель, очень этимъ встревожился, думая, что онѣ пропадутъ, и съ того времени поклялся не давать никому ни подъ какимъ видомъ. Вотъ и выходитъ на дѣлѣ, что собака лежитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и другому не даетъ! Это глупое упрямство очень меня огорчаетъ, лишая меня рѣдкаго случая—читать въ уѣздномъ городѣ превосходныя книги; и я рѣшился безпокоить Васъ моею просьбою—устроить дѣло какъ нибудь такъ, чтобъ—или Михайло Владиміровичъ [1]) написалъ смотрителю о свободномъ пропускѣ меня въ Олезаровскую библіотеку, или что нибудь иное Вы придумайте, только покорнѣйше прошу Васъ доставить мнѣ право безпрепятственно рыться въ тѣхъ книгахъ, сколько моей душѣ будетъ угодно.

Можетъ быть отыщу въ польскихъ рукописяхъ что нибудь и для Вашего Кіевлянина.

Я за 6 р. серебромъ въ мѣсяцъ имѣю квартиру прекрасную со столомъ: три комнаты на второмъ этажѣ; съ балкона видны лавки и базаръ, какъ на ладонѣ. Спокойствіе всевозможное, потому что нижній этажъ со сводами, сквозь которые ничего не слышно. Въ одной комнатѣ мнѣ спальня и кабинетъ, въ другой я принимаю гостей, а въ третьей спальня для моего слуги и кладовая. Слуга мой хотя

---

[1]) М. В Юзефовичъ.

полякъ, но не такъ глупъ, какъ Вашъ Доминикъ, жалованья же ему всего—2 руб. въ мѣсяцъ на его платьи. Обзавелся я также, по Вашему наказу, самоваромъ, чашками (хотя здѣсь во всѣхъ домахъ, кромѣ Данилова, пьютъ чай мужчины и дамы стаканами!), обзавелся ложечками, сахарницею и пр.,—словомъ, устроилъ чай точно такъ, какъ у Васъ, не достаетъ только еще Васьки.—Впрочемъ, бываетъ иногда грустно: здѣсь всѣ меня любятъ и ласкаютъ, но какъ то ни къ кому сердце не лежитъ, и не отраду, а какую-то усталось чувствуешь, отвѣчая этимъ людямъ на знаки дружества.

На безрыбьи и ракъ рыба, а на безлюдьи и Хома человѣкъ; такъ и я здѣсь, въ Луцкѣ, занимаю видное мѣсто и пользуюсь едвали не такимъ уваженіемъ, какъ напримѣръ... нѣтъ примѣра на этотъ мигъ. Особенно Ваше письмо къ Зѣновичу подняло меня въ общемъ мнѣніи цѣлымъ аршиномъ выше. Даже самъ смотритель сталъ ко мнѣ почтительнѣе, такъ что даетъ мнѣ руку, чего ни одинъ подчиненный отъ него еще не удостоялся. Ксензы же, между которыми Зѣновичъ стоитъ какъ-бы главою и съ которыми онъ меня познакомилъ, принимаютъ меня съ знаками величайшаго уваженія.

Но меня больше всего этого радуетъ то, что я передъ учениками съумѣлъ повести себя такъ, что безъ всякихъ наказаній заставилъ ихъ повиноваться мнѣ безусловно: уроки выучиваютъ отлично, а въ классѣ во время моей лекціи такъ тихо, какъ въ университетской аудиторіи, чего другіе учители не могутъ добиться никакими строгостями.

Ожидая съ нетерпѣніемъ рѣшенія моей просьбы, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Пантелеймонъ Кулѣшъ».

1841 года, марта 25 Луцкъ.

Къ XI археологическому съѣзду въ Кіевѣ. Въ газетѣ «Волынь» (№ 41) напечатана статья проф. В. Б. Антоновича о предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, которую мы позволяемъ себѣ перепечатать цѣликомъ, въ интересахъ сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, идущихъ отъ лица, такъ близко стоящаго къ тому дѣлу.

«1 августа текущаго года откроетъ свои засѣданія въ Кіевѣ одинадцатый русскій археологическій съѣздъ. Русскіе археологиескіе съѣзды

организованы были по иниціативѣ покойнаго графа А. С. Уварова; первый изъ нихъ собрался въ Москвѣ въ 1868 г. и съ того времени регулярно черезъ каждые три года собирались съѣзды каждый разъ въ иномъ городѣ; въ двухъ только городахъ съѣзды назначены были по 2 раза: въ Москвѣ (1 и 8-ой) и въ Кіевѣ (3 и 11-ый). Излишне было-бы говорить о той пользѣ, какую принесли археологическіе съѣзды русской наукѣ: археологіи и исторіи и вообще русскому самопознанію. Возможность обмѣняться мыслями съ знатоками русскихъ древностей и русской исторической старины, возможность въ кругу спеціалистовъ выдвинуть новые, нерѣшенные въ наукѣ или неясные вопросы, наконецъ побужденіе изготовить къ съѣзду извѣстное количество докладовъ, которые безъ этого побужденія залежались-бы въ портфеляхъ и, можетъ быть, никогда не были-бы изданы—вотъ тѣ стимулы, которые, благодаря съѣздамъ, сообщаютъ болѣе живой ходъ научнымъ изслѣдованіямъ. Интеллигентная русская публика оцѣнила это значеніе съѣздовъ, и сочувствіе ея выразилось постояннымъ приростомъ количества членовъ съѣзда (цифра которыхъ съ 200 возрасло до 1200), значительнымъ увеличеніемъ количества рефератовъ, представляемыхъ для доклада, и оживленностью происходящихъ на засѣданіяхъ дебатовъ.

Мѣняя каждый разъ мѣсто своихъ засѣданій, бюро съѣзда поставляетъ своею цѣлью сосредоточить вниманіе своихъ членовъ на изслѣдованіи древностей области, въ которой съѣздъ намѣренъ собраться. На послѣднемъ съѣздѣ, состоявшемся въ Ригѣ въ 1896 г., большинствомъ членовъ ученаго комитета съѣзда высказано было желаніе посвятить занятія слѣдующаго съѣзда по преимуществу изслѣдованію Волыни; если мѣстомъ засѣданій съѣзда и рѣшено было избрать Кіевъ, то лишь потому, что техническія условія собранія съѣзда въ любомъ волынскомъ городѣ, сохранившемъ памятники старины (Владиміръ, Луцкъ, Кременецъ, Дубно), представляли непреоборимыя препятствія, главное-же изъ нихъ состояло въ невозможности помѣстить многочисленныхъ гостей въ названныхъ городахъ.—Тѣмъ не менѣе, не смотря на мѣсто, избранное для засѣданій, съѣздъ сохранитъ преимущественно волынскій характеръ. Въ программѣ занятій съѣзда, изданной предварительнымъ комитетомъ, количество темъ для рефератовъ, посвященныхъ Волыни, составляетъ большую половину всѣхъ поставленныхъ вопросовъ; въ теченіе двухъ лѣтъ комитетъ давалъ командировки многимъ своимъ

членамъ для изслѣдованія волынскихъ памятниковъ старины. Лицами этими раскопано было нѣсколько сотъ кургановъ, сняты планы многихъ городищъ, осмотрѣны памятники церковнаго зодчества и живописи, изучены мѣстныя коллекціи древностей, мѣстные архивы, библіотеки и т. п.; результаты этихъ экскурсій будутъ доложены на съѣздѣ. Конечно, всѣ заботы предварительнаго комитета не были бы въ состояніи сколько-нибудь удовлетворительно выполнить предложенную задачу изслѣдованія волынскихъ древностей безъ поддержки мѣстныхъ представителей интеллигенціи, на которую комитетъ вполнѣ разсчитывалъ, руководясь опытомъ предъидущаго археологическаго съѣзда, собиравшагося въ Кіевѣ въ 1874 году; хотя въ то время волынскія древности и не были поставлены на первомъ планѣ, тѣмъ не менѣе многіе интеллигентные жители Волыни приняли въ немъ дѣятельное участіе. Въ трудахъ III съѣзда помѣщены были рефераты, относящіеся къ исторіи и археологіи Волыни, изъ которыхъ нѣкоторые принесли весьма цѣнный вкладъ въ науку; таковы: капитальная статья Н .П. Дашкевича «о Болоховской землѣ», изслѣдованія по первобытной исторіи Волыни гг. Оссовскаго, Волошинскаго, Рогге, изслѣдованіе г. Романовскаго о Константинѣ Острожскомъ и т. п.—На этотъ разъ надежды комитета также вполнѣ оправдались: помимо полнаго сочувствія и помощи, которыя оказаны были интеллигентными людьми Волыни лицамъ, предпринимавшимъ экскурсіи, многіе любители и знатоки мѣстной исторіи и археологіи заявили уже о своемъ желаніи представить на съѣздъ рефераты, касающіеся различныхъ вопросовъ мѣстной археологіи и исторіи; владѣльцы коллекцій древностей волынскихъ предложили обязательно выслать свои коллекціи на выставку, устраиваемую при съѣздѣ; многіе изъ нихъ исполнили уже свое обѣщаніе. Комитетомъ выставки получены уже собранія древностей волынскихъ отъ волынскаго церковно-археологическаго общества, отъ гг. П. И. Тиховскаго, Л. Житинскаго, Ф. К. Пулавскаго; другія коллекціи вскорѣ ожидаются. Засѣданія съѣзда будутъ происходить по секціямъ, которыхъ по программѣ предварительнаго комитета предполагается 11: 1) древности первобытныя, 2) историческая географія и этнографія, 3) памятники искусствъ и художествъ, 4) бытъ домашній, юридическій и общественный, 5) памятники языка и письма, 6) древности церковныя, 7) древности классическія и византійскія, 8) древности западныхъ и южныхъ славянъ, 9) древности восточныя, 10) нумизматика и сфра-

гистика, 11) археографія. Ученый комитетъ съѣзда обыкновенно старается распредѣлить засѣданія такимъ образомъ, чтобы предоставить членамъ съѣзда возможность присутствовать на засѣданіяхъ всѣхъ секцій; только, въ случаѣ слишкомъ большого скопленія представленныхъ рефератовъ двѣ секціи засѣдаютъ паралельно въ одно и тоже время.

При съѣздѣ будетъ устроена въ зданіи университета выставка предметовъ древности, которая будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) древности первобытныя 2) древности историческія, 3) древности церковныя, 4) старопечатныя книги и рукописи, 5) историческія карты. Сверхъ того, учрежденія и лица, владѣющія обширными коллекціями древностей въ Кіевѣ, откроютъ свои музеи для членовъ съѣзда. Обѣщанія въ этомъ отношеніи даны: церковно-археологическимъ обществомъ, городскимъ музеемъ древностей и искусствъ, и гг. Ханенко, Тарновскимъ и Хойновскимъ.

Во время съѣзда предполагается совершить рядъ экскурсій какъ для осмотра древнихъ памятниковъ Кіева, такъ и для раскопокъ на одномъ изъ ближайшихъ къ городу могильниковъ, а также экскурсія по Днѣпру съ цѣлью посѣтить: Триполье, Переяславъ и Каневъ.

Текущія извѣстія.

Часы Т. Г. Шевченка. Лица, чтущія память нашего *Кобзаря*, бережно сохраняютъ всѣ предметы, связанные съ его жизнью, очевидно имѣя въ виду, что въ будущемъ создастся полная Шевченковская коллекція, или въ формѣ спеціальнаго отдѣла въ какомъ-либо музеѣ, или даже въ видѣ особеннаго Шевченковскаго музея. Извѣстно, что до сихъ поръ наиболѣе обширное собраніе такихъ предметовъ находилось въ частномъ музеѣ скончавшагося на дняхъ В. В. Тарновскаго, но многое остается еще на рукахъ у отдѣльныхъ лицъ. Такъ, недавно намъ переданы стѣнные часы Т. Г. Шевченка, бывшіе свидѣтелемъ его послѣднихъ дней и даже минутъ жизни. Часы эти, сейчасъ-же послѣ похоронъ поэта, были переданы редактору «Основы» В. М. Бѣлозерскому съ тѣмъ, чтобы они были повѣшены въ школѣ

имени Шевченка, которую почитатели памяти его предполагали устроить на родинѣ поэта, въ Малороссіи; но такъ-какъ школа эта тогда не осуществилась, то В. М. Бѣлозерскій вручилъ эти часы А. Ф. Кистяковскому, состоявшему въ то время помощникомъ редактора «Основы» и въ началѣ 60 хъ годовъ переѣзжавшему изъ Петербурга въ Кіевъ для продолженія своихъ научныхъ работъ. Хранились они у покойнаго проф. А. Ф. Кистяковскаго до самой его смерти въ 1885 году, а затѣмъ съ такой же заботливостью сберегались и женой его. На дняхъ вдова проф. А. Ф. Кистяковскаго передала эти часы въ нашу редакцію съ тѣмъ, чтобы они хранились у насъ впредь до устроенія какого-нибудь опредѣленно установленнаго Шевченковскаго собранія предметовъ, связанныхъ съ его именемъ.

Принося глубокую благодарность А. И. Кистяковской за сбереженіе этой памятки нашего *Кобзаря* и за предоставленіе ея въ общественную собственность, мы вмѣстѣ съ тѣмъ обращаемся ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ у себя какіе-либо предметы, связанные съ именемъ Т. Г. Шевченка, съ просьбою или дать о нихъ извѣстіе путемъ печатнаго слова, или сдѣлать ихъ общественною собственностью.

Памятникъ Т. Шевченку въ Стрыѣ. Галичане, преклоняющіеся предъ памятью великаго поэта Т. Г. Шевченка, положительно перещеголяютъ насъ въ дѣлѣ сооруженія ему памятниковъ въ разныхъ мѣстахъ Галичины. Такъ, нами сообщено было (см. № 1-ый), что Михайло Маковей Маховичъ, гражданинъ Львова, предполагаетъ соорудить памятникъ Шевченку во Львовѣ на свои средства; затѣмъ, «Товариство имени Шевченка» ходатайствовало о наименованіи одной площади во Львовѣ «площадью Тараса Шевченка», разсчитывая тамъ поставить ему памятникъ (см. № 3—й). Теперь мы читаемъ въ галицкихъ газетахъ извѣстіе, что въ Стрыѣ 7 мая устроенъ былъ обществомъ «Мищанська бесида» вечеръ въ память Т. Шевченка, сборъ съ котораго предназначенъ на сооруженіе памятника поэту въ Стрыѣ. (Русланъ, № 89).

Народный праздникъ во Львовѣ въ честь Т. Шевченка. Ежегодно устраиваютъ ва Галичинѣ въ разныхъ мѣстахъ поминки по Т. Шев-

ченкѣ, но всѣ эти торжества предназначаются обыкновенно для интеллигентной публики; простой же людъ совершенно на нихъ не присутствуетъ. Въ текущемъ году «Товарыство Просвита» порѣшило восполнить этотъ недостатокъ и устроило во Львовѣ 14-го мая концертъ въ память 38-й годовщины смерти поэта, составивъ програму, приноровленную къ потребностямъ и пониманію простого народа. Наиболѣе выдающимися номерами были бесѣды Романчука, популярно изложившаго политическую исторію Руси, и Левицкаго, сумѣвшаго сыграть на нервахъ слушателей и тѣмъ произвесть эффектъ. Къ сожалѣнію, содержанія его бесѣдъ газета «Русланъ», изъ которой мы заимствуемъ это извѣстіе, не приводитъ. (Русланъ, № 98).

Литературно-драматическое общество въ Бродахъ. Мысль учрежденія *народныхъ домовъ*, получившая въ послѣднее время такое широкое распространеніе у насъ въ Россіи, была давнишнею мечтою и у нашихъ собратовъ—галичанъ, но недостатокъ средствъ былъ тамъ всегда причиною довольно слабаго осуществленія этой мечты. Поэтому съ большимъ удовольствіемъ прочитали мы извѣстіе, что въ Бродахъ русины устраиваютъ теперь «литературно-драматычне товарыство», которое будетъ называться «Русскій театръ въ Бродахъ»; уставъ его уже посланъ на утвержденіе. Одной изъ задачъ этого «товарыства» будетъ созданіе въ Бродахъ народнаго дома съ зрительной залой средства для чего предполагается собирать съ любительскихъ спектаклей и концертовъ, а также и изъ пожертвованій. (Русланъ, № 84).

Воззваніе «Першого руського литературно-драматичного общества въ Коломыи». Немногимъ, можетъ быть, теперь извѣстно существующее еще съ 1880 года въ Коломыѣ общество литературно-драматическое, ставящее своей задачей распространеніе драматическаго искусства, матеріальную поддержку разныхъ народныхъ учрежденій и основаніе въ Коломыѣ «Руського Народного Дому». Довольно много сдѣлано было этимъ Обществомъ, особенно въ первые годы его существованія; такъ, оно поддерживало любительскую труппу въ Коломыѣ, собирало средства, на которыя пріобрѣло мѣсто для постройки народнаго дома, и основало довольно значительный капиталъ на

сооруженіе его; въ настоящее время уже выводятся даже стѣны этой въ будущемъ величественной постройки. Новое правленіе этого общества, рѣшившись поднять упавшую было въ послѣднее время дѣятельность общества, между прочимъ обращается съ воззваніемъ къ публикѣ помочь ему создать «першу провинціальну библіотеку на Галицькій Руси», цѣль которой дать возможность галицкой интеллигенціи читать побольше книгъ вообще, а особенно своихъ. Благодаря пожертвованіямъ, такая библіотека въ нѣсколько сотъ книжекъ уже составилась и открыла свои дѣйствія 1 мая текущаго года, пока только для членовъ «Общества». Для расширенія дѣятельности этой библіотеки, правленіе Общества обращается ко всѣмъ писателямъ, редакторамъ и издателямъ съ просьбою о присылкѣ въ библіотеку книгъ, брошюръ и журналовъ «безъ огляду на ихъ змистъ и языкъ, въ якимъ воны написани, въ першій линіи само собою розуміются руськи выдання». Газета «Русланъ», привѣтствуя этотъ починъ Общества, высказываетъ однако желаніе, чтобы новый духъ въ немъ уничтожилъ старыя традиціи, выражавшіяся въ смѣшеніи языковъ. (Русланъ, № 83).

Вопросъ о языкѣ рефератовъ галицкихъ ученыхъ на XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. Предсѣдатель «Товариства имени Шевченка» во Львовѣ, проф. Грушевскій обратился въ предварительный кіевскій комитетъ по устройству съѣзда съ запросомъ отъ имени членовъ «Товариства», могуть-ли они разсчитывать на допущеніе чтенія рефератовъ своихъ на галицко-украинскомъ языкѣ, т. к. въ противномъ случаѣ они лишены будутъ возможности принять участіе въ съѣздѣ. Предварительный кіевскій комитетъ, считая себя некомпетентнымъ рѣшить этотъ вопросъ, обратился въ Императорское Московское археологич. Общество, откуда послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. По этому поводу нѣкоторыя русскія газеты заговорили тономъ негодованія, считая фактъ чтенія ученыхъ рефератовъ на галицко-украинской рѣчи чѣмъ-то немыслимымъ, а иныя попробовали сфиглярничать, какъ напр. «Русское Слово», остроумничающее на ту тему, что археологи пустятся, чего добраго, танцовать «гопака», и заканчивающее свои остроумія словами: «И этакій инцидентъ происходитъ въ ученомъ обществѣ! Бѣдная наука!». «Южный Край» (№ 6323), приведши этотъ своеобразный пріемъ рѣшенія вопрсса,

совершенно основательно замѣчаетъ: «Авторъ жалѣетъ о наукѣ совершенно напрасно. На съѣздѣ «гопака» навѣрное танцовать не будутъ; малорусскіе доклады, столь сильно смущающіе автора, будутъ читать не «хохломаны», а галицкіе ученые, и будутъ читать по-малорусски потому, что по-русски не знаютъ; касательно-же пониманія докладовъ на малорусскомъ языкѣ тоже безпокоиться нечего: русскіе ученые давно знакомы съ галиційскими изданіями, къ тому-же далеко не всѣмъ малорусская рѣчь кажется такой тарабарской грамотой, какой представляется она автору замѣтки».

Мы слышали, что вопросъ этотъ, такъ научно-объективно рѣшенный Императ. Московск. археологич. обществомъ, понявшимъ, конечно, что въ область науки грѣшно вводить политиканство, опять вошелъ въ новую фазу затрудненій, благодаря тому, что представитель университета, въ зданіи котораго будутъ происходить засѣданія съѣзда, усомнился въ томъ, вправѣ-ли *онъ разрѣшитъ чтенія для галицкихъ ученыхъ на ихъ книжномъ языкѣ въ университетскихъ стѣнахъ* (sic!).

Въ № 5-мъ нами сообщено было со словъ «Сына Отечества», что въ главное управленіе по дѣламъ печати поданъ сборникъ произведеній Пушкина въ переводѣ на украинскій языкъ. Теперь изъ «*С.-Петербургск. Вѣдом*». (№ 140) узнаемъ, что сборникъ этотъ не разрѣшенъ къ напечатанію на томъ основаніи, что цензурнымъ вѣдомствомъ понимается указъ 1876 г., кажется, не совсѣмъ вѣрно, т. к. въ немъ сказано, что воспрещается въ Россіи печатаніе и изданіе оригинальныхъ произведеній и переводовъ на малороссійскомъ нарѣчіи, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности. С.-Петерб. Вѣдом., съ прискорбіемъ отмѣчая фактъ запрещенія переводовъ произведеній Пушкина на малороссійскую рѣчь, заканчиваетъ замѣтку такими словами: «Наканунѣ всероссійскихъ торжествъ, связанныхъ съ именемъ Пушкина, авторы инкриминированныхъ переводовъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ почитатели красивой и выразительной малорусской рѣчи, вправѣ поставить вопросъ: могъ-ли бы у русскаго народа развиться поэтъ такой необычайной силы, какъ Пушкинъ, еслибы употребленіе живого великорусскаго языка подвергалось такому же гнету, какимъ сдавлена теперь малорусская литература?»

Къ памятнику И. П. Котляревскому. Комиссія по постановкѣ памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ въ послѣднемъ своемъ засѣданіи остановила вниманіе на площадкѣ за соборомъ, вблизи бывшаго домика писателя, гдѣ теперь городская бесѣдка, и рѣшила здѣсь поставить памятникъ. Для этой цѣли предположено также пріобрѣсти смежную съ площадкой усадьбу Кальченка и устроить тамъ паркъ. (Извѣст. книж. маг. тов. М. О. Вольфа, № 7—8).

Поправка. Въ іюньской книжкѣ журнала, въ некрологѣ кн. Долгорукова, оказалась крупная опечатка, а именно: вмѣсто *тридцатилѣтній* напечатано *тринадцатилѣтній*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

«Материяли до украиньско-руськоï етнольогiï», *выданне етнографичноï коммiсиï за редакциею Хв. Вовка, т. I* (Наукове Товарпство iм. Шевченка у Львови). XIX+228+22+11.

Малорусская этнографія обогатилась вышедшимъ недавно во Львовѣ новымъ, очень интереснымъ по своему содержанію сборникомъ: «Материяли до украинсько-руськоï етнольогiï». Въ предувѣдомленіи «Вiд Редакциi» Хв. В. разсматриваетъ «теперiшний стан i задания украiнськоï етнольогiï».—Антропологія, какъ наука, появилась недавно; гораздо раньше ея существовали геологія, палеонтологія и біологія. Около половины нынѣшняго столѣтія стали интересоваться разными видами антропологіи: спеціальной антропологіей («наука про чоловiка i рiжнi його породи або раси з погляду морфольогично-бiольогичного»), палеоэтнологіей («про найдавнiйших людей i ïхне життє у передiсторичнi часи») и соціологіей, наукой «про громадське життє людей». Позже другихъ видовъ антропологіи явилась этнологія съ этнографіей («про окрiмнi народи, ïх расовий склад i побит»). Своей задачей этнографы поставили собрать побольше матеріала, привести его въ систему и подвергнуть потомъ научной обработкѣ. Первой по времени появленія и по степени развитія дѣла является этнологія въ Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ; но и здѣсь, и въ Западной Европѣ главное вниманіе изслѣдователей почти исключительно обращено на изученіе «малокультурних позаевропейських людських пород». Нѣсколько иначе сложилось это дѣло среди славянскихъ народовъ, гдѣ «полiтичнi обставини i боротьба за

свої національні права повернули їх (этнологовъ) перш усього на свою людність і на рідні племена».—Среди славянъ этнологія лучше всего поставлена у чеховъ; мало чѣмъ отстали отъ нихъ въ этомъ отношеніи поляки и южные славяне.—Въ русскихъ спеціально-этнографическихъ изданіяхъ („Этногр. Обозрѣніе", „Живая Старина", изданія Императ. Русск. Геогр. Общества) помѣщается больше матеріаловъ относительно разныхъ инородческихъ племенъ, чѣмъ относительно самихъ великороссовъ. «На Україні» существуетъ не мало работъ, посвященныхъ антропологіи; такъ, по анатомической антропологіи здѣсь появились труды гг. Коперницкаго, Эмме, Вейсбаха, Дибольдта, Краснова, Икова, Талько-Гринцевича, Гильченка; по палеонтологіи—проф. В. Б. Антоновича, пр. Самоквасова, гр. Бобринскаго, Ч. В. Хвойки; не мало матеріаловъ по малорусской этнографіи собрано гг. Антоновичемъ, Драгомановымъ, Рудченкомъ, Номисомъ, Чубинскимъ, Кольбергомъ, Головацкимъ, Манжурой, Ястребовымъ и мн. др. лицами; научной обработкой этого матеріала занимались Потебня, Драгомановъ, Сумцовъ, Франко; по изслѣдованію языка можно отмѣтить труды Максимовича, Боданскаго, П. Лавровскаго, Потебни, Житецкаго, Михальчука, Науменка.—Но все это—труды не столько по этнографіи, сколько по фольклору и лингвистикѣ. Работъ же чисто-этнографическаго матереріала у насъ еще мало. Интересно поэтому заняться собираніемъ этнографическаго матеріала. Недавно при Львовскомъ «Науковому Товаристві імени Шевченка» открыта этнографическая коммисія, въ которую, надѣется редакція, и будетъ присылаться разнообразный матеріалъ по малорусской этнографіи.

Не имѣя возможности подробно остановиться на передачѣ содержанія помѣщенныхъ въ сборникѣ статей, мы ограничимся простымъ перечисленіемъ ихъ заглавій; и это, сухое даже, перечисленіе статей, думаемъ, можетъ привлечь вниманіе читателя къ этому сборнику.

I. Статья Хв. Вовка: «Передісторичні знахідки на Кирил. ул. у Києві»; добытый въ этой мѣстности г. Хвойкой матеріалъ дѣлится на двѣ большія группы: а) знахідки палеолітичні и б) «знах. неолітични».

2) Его же: Українське рибальство у Добруджі;»

3) М. Могильченка: «Гончарство в с. Олешні у Чернигівщині»; 4) В. Гнатюка: «Кушнирство у Галичині;» 5) М. Могильченка: «будівля на Чернигівщині, Глухівського повіту у с. Полошкахъ»;

6) В. Гнатюка: «Народня пожива; спосіб її приправи у східній Галичині» (потрави рослинні, потр. змішані, м'ясні, губи (грибы), хліб, набіл, корінья і закришка, садовина, напитки).—7) О. Гриши: «Весїльля у Гадяцькому повіті, у Полтавщині» представляеть очень подробное описаніе свадебнаго ритуала: 1) парубоцькі і дівчачі товарыства, 2) сватаньне, 3) розглядини, 4) заручини, 5) весильля, съ приложеніемъ 67 свадебныхъ пѣсенъ. Какъ бы дополненіемъ къ названной статьѣ являются—8) «Сороміцькі весїльні пісні, записані М. О. Максимовичомъ» (32 №) 9) Мирона Кордубы: «Писанки на галицкій Волині»: 1) загальна частина, 2) чинність писаня, 3) часъ писаня, 4) уживане писанов, 5) про початок звичаю закрашувати яйця, 6) орнамент (авторъ различаетъ 3 орнамента: «геометричний, рослинний і зьвіринний.»)—10) ст. Хв. Вовка: «Палеолїтичні знахідки на Кир. ул. у Київі» является пополненіемъ къ 1-ой статьѣ того же автора.

Дальше идутъ «звістки и листи» про «Археологичний з'їздъ у Київі», «з'їзд природознавців і лікарів у Київі», про палеолітичну знахідку по Чорномор'ї», про новыя находки г.г. Хвойки, Мазараки, про раскопку проф. Антоновича въ с. Липовомъ-Рогѣ (возлѣ Нѣжина) «Козацькой» могилы. Некрологъ Габріеля де Мортилье. Затѣмъ, въ «спеціальній программі до науково-етногр. розвідок» редакція проситъ, доставляя ей этногр. матеріалы, не стѣсняться количествомъ присылаемаго матеріала, «не вважати на сором у де якихъ звісткахъ» и «на незручність плянів, малюнків і т. п.»; важно только, чтобы рисунокъ былъ сдѣланъ вѣрно и понятно; необходимо точно обозначать мѣстность, гдѣ собирался матеріалъ. Присылать же собранное проситъ редакція или «до Наук. Товариства ім. Шевченка, 26, ул. Чарнецького у Львові», или же прямо «Хв. Вовкові до Антропольог. Товариства у Парижі» (M. Th. Volkov, Société d'Anthropologie, 15 rue de l'Ecole de Medicine, Paris, France).

Затѣмъ, въ программѣ, сост. г. Волковымъ, «до збірання відомостей дотичних народньої побутової техники», помѣщенъ рядъ вопросовъ, подробно затрогивающихъ 1) «Первістні механічні пристрої у нар. побуті; 2) вогонь, його здобуванне і переховуванне; 3) влови; 4) рибальство; 5) скотарство; 6) пчільництво; 7) ліси, садки, поставні і сінокоси; 8) хліборобство; 9) мирошництво; 10) копанне землї; 11) оброблюванне дерева; 12) обр. шкури; 13) рогу й кости; 14) волокнуватих річей; 15) металів, и 16) переміщуваньне».

Многія статьи снабжены планами и рисунками; осөбенно интересны 6 таблицъ писанокъ. Въ концѣ каждой статьи помѣщено на франц. яз. краткое „sommaire“, а гдѣ есть рисунки, то и „Explication des figures“. Въ концѣ книги—„покажчик“, index.

Слѣдующій томъ этого изданія появится въ іюлѣ или августѣ.

А. Малинка.

Д. Марковычъ. По степамъ и хуторамъ. *Москва 1899.*

Настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ пять разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ «Оповидання слидователя» и комедію въ 4 дѣйствіяхъ «Не зрозумилы». Изъ помѣщенныхъ разсказовъ два не представляютъ новинки: одинъ изъ нихъ («У наймы») былъ изданъ отдѣльной брошюрой, а другой („На Вовчому хутори“) въ переводѣ на общерусскій языкъ помѣщенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Русской Мысли“. Остальные три разсказа и комедія, если память намъ не измѣняетъ, появляются въ печати впервые.—Всѣ разсказы производятъ весьма благопріятное впечатлѣніе: въ каждомъ изъ нихъ автору удается выдвинуть впередъ новыя, еще незатронутыя стороны сельской жизни и дать нѣсколько типичныхъ фигуръ. Наиболѣе сильно написанъ разсказъ „У наймы“: безъ эффектовъ и излишняго сгущенія красокъ авторъ рисуетъ голодающее село и семью бѣдной вдовы Ганны, вынужденной, чтобы не умереть съ голоду, отдать свою маленькую дочь „у наймы“ въ другое село; такъ же просто и безыскусственно описано ихъ путешествіе по безлюдной степи въ зимнюю стужу и отчаяніе Ганны при видѣ замерзшей дочери. Другой разсказъ („На Вовчому хутори“) теперь появляется не въ переводѣ, а въ подлинникѣ, благодаря чему дѣйствующія лица становятся еще болѣе типичными. Очень интересенъ, напр., старшина хутора—Старый Волкъ, повидимому суровый и безпощадный, но все же таящій въ глубинѣ души теплыя чувства. Какъ съ натуры, списана сцена самосуда надъ конокрадомъ, окончившаяся, благодаря неожиданному вмѣшательству маленькой дѣвочки, напомнившей судьямъ о чувствѣ состраданія, благополучно для подсудимаго. Такими же достоинствами

отличаются и остальные три разсказа. Наиболѣе изъ нихъ намъ нравится «Невдалыця», въ которомъ авторъ подробно останавливается на психологіи бѣдняка Панаса, преисполненнаго самыхъ благихъ начинаній, но не умѣющаго, благодаря своей непрактичности, добиться какихъ-либо положительныхъ результатовъ. И въ этомъ разсказѣ авторъ совершенно спокойно, нигдѣ не повышая тона, повѣствуетъ о неудачахъ, постигающихъ Панаса и приводящихъ его сначала къ мысли о преступленіи, а затѣмъ и смерти въ больницѣ отъ увѣчій подъ поѣздомъ. Въ разсказѣ „Винъ прысягавъ" центральная фигура, деревенскій ростовщикъ, Трохымъ Мусіенко, крайне своеобразенъ: онъ безпощаденъ къ своимъ кліентамъ, но эта безпощадность объясняется не жестокостью и алчностью, а скорѣе сознаніемъ цѣны трудно добытыхъ денегъ и своего права требовать отъ другихъ исполненія ихъ обязательствъ,—однимъ словомъ, это деревенскій Шейлокъ нашего времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, строгій къ другимъ, Трохымъ такъ-же строгъ и къ себѣ и потому свято выполняетъ свое обѣщаніе, данное подъ насильно взятой присягой, не выдавать ограбившихъ и изувѣчившихъ его односельчанъ. Всѣ разсказы проникнуты не то, что пессимизмомъ, а скорѣе какою-то тихою грустью, и читатель ясно видитъ, что невесело живется у насъ „по степамъ и хуторамъ": съ одной стороны полная матеріальная необезпеченность, а съ другой—дикость нравовъ, темнота безпросвѣтная и полное неумѣніе оградить себя отъ эксплоататоровъ.

Менѣе удалась автору комедія „Не зрозумивъ", по сюжету напоминающая послѣднюю драму г. Карпенка-Карого «По-надъ Днипромъ»; по крайней мѣрѣ центральная фигура ея—ученый агрономъ и помѣщикъ Богунъ—является какъ бы alter-ego Мирона Серпокрыла въ драмѣ г. Карпенка. Оба они, получивъ высшее образованіе, пренебрегаютъ чиновничьей карьерой, возвращаются въ родное село, рѣшаясь посвятить всѣ свои силы облегченію участи своихъ земляковъ, и принимаются за организованіе земледѣльческихъ артелей. Но съ этого момента въ отношеніи обоихъ авторовъ къ данному вопросу замѣтна рѣзкая разница: Г. Карпенко-Карый видимо сочувствуетъ идеѣ артелей и въ своей драмѣ желаетъ показать, что онѣ, при умѣ и талантѣ организаторовъ вполнѣ осуществимы; по крайней мѣрѣ Мирону Серпокрылу послѣ нѣсколькихъ столкновеній съ крестьянами все удается, польза артелей сознана крестьянами, и только ранняя смерть не позволяетъ ему увидѣть окончательные результаты

своихъ трудовъ. Напротивъ, герой комедіи г. Марковичъ всюду терпитъ неудачи и въ концѣ концовъ, потерявъ вѣру въ себя, рѣшаетъ ликвидировать свои дѣла. Однако изъ самой комедіи нельзя заключить, вообще ли считаетъ авторъ идею артелей и сближенія интеллигента съ крестьянами неосуществимой затѣей, или же намѣренъ показать, что причина неудачъ лежитъ въ самомъ Богунѣ, пылкомъ идеалистѣ, но, къ сожалѣнію, благодаря слабости своего характера неспособнаго довести это дѣло до конца. Въ этой неясности первый недостатокъ комедіи. Впрочемъ, такая неясность взгляда автора объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что типъ Богуна безусловно не удался и вышелъ крайне блѣднымъ и безжизненнымъ, и потому, хотя авторъ желаетъ видѣть въ Богунѣ положительный типъ, но зритель при всякой неудачѣ, постигающей героя, невольно во всемъ готовъ обвинить его самого. Особенно такое отношеніе зрителя должно проявиться во время діалоговъ Богуна съ женой, взятой имъ изъ простой крестьянской семьи и остающейся, несмотря на всѣ попытки просвѣтить ее, тѣмъ же темнымъ человѣкомъ, что и раньше, но уже съ нѣкоторыми непохвальными претензіями на „панство". Невыгодны эти сцены для Богуна еще и потому, что Оксана безусловно удалась автору и все время является живымъ лицомъ.—Другой недостатокъ заключается въ неравномѣрной распланировкѣ комедіи, такъ что два послѣдніе акта являются черезчуръ короткими, а финалъ совершенно скомканнымъ, благодаря чему позднее раскаяніе крестьянъ и ихъ повинная предъ Богуномъ представляются неожиданными и ничѣмъ необъяснимыми.—Не смотря на эти недостатки, мы готовы привѣтствовать комедію г. Марковича, какъ пополняющую, небольшой пока что, репертуаръ малорусскихъ пьесъ съ идейнымъ содержаніемъ. Кромѣ того, вопросъ о земледѣльческихъ артеляхъ настолько въ настоящее время заинтересовалъ и общество, и ученыхъ экономистовъ, столько вызвалъ споровъ и разногласій что то или иное освѣщеніе его, хотя бы и неполное, должно заслуживать одобренія.

Въ заключеніе не можемъ не замѣтить, что авторъ мастерски владѣетъ малорусскимъ языкомъ: не только простую народную рѣчь но даже отвлеченныя идеи автору удается изложить легко, образно и понятно.

Издана книжка московскимъ товариществомъ Сытина въ общемъ опрятно; опечатки, хотя и нерѣдко встрѣчающіяся, настолько очевидны, что затруднить чтенія не могутъ. Къ сожалѣнію, издатели

не позаботились обозначить на обложкѣ цѣну книги, что даетъ возможность книгопродавцамъ, какъ въ томъ мы могли лично убѣдиться, назначать произвольныя цѣны.

С. Н.

Я. Жарко. *Байки. Петербургъ, 1899-го г. ц. 5 коп.*

Басня—этотъ видъ «эзоповской литературы»—принадлежитъ къ наиболѣе любимымъ народомъ и дѣтьми видамъ поэтическаго творчества, хотя съ точки зрѣнія общественной морали сомнительно, чтобы она заслуживала такого вниманія. Едвали необходимо внушать особенныя симпатіи къ муравью, противопоставляя его стрекозѣ, рекомендовать нахальство зайца, получившаго кусокъ медвѣжьяго ушка, или обезкураживать лягушекъ, выпрашивающихъ себѣ у Юпитеря царя по своему нраву и т. под. Но о вкусахъ не спорятъ. Эгоистическая мораль человѣка золотой середины очевидно подъ стать обыкновенной читающей публикѣ: не даромъ имя Крылова пользуется такою популярностью. Въ малорусской литературѣ существуетъ не мало болѣе или менѣе удачныхъ сборниковъ басенъ (лучшіе—Глѣбова, Руданскаго, Старицкаго). Какъ и басни Крылова, онѣ не отличаются, въ большинствѣ случаевъ, оригинальностью сюжета. Послѣдній сборничекъ г. Жарка (27 басенъ) между подобными изданіями можетъ занять, если не выдающееся, то не послѣднее мѣсто. Среди слабоватыхъ по формѣ встрѣчаются въ указываемой книжечкѣ, изданной не лубочнымъ способомъ, и хорошія по языку басни. Изъ нѣсколькихъ приводимъ для примѣра одну:

Черепаха та Орелъ.

Не разъ прохала черепаха,
Задрипанка, та нетипаха,
Що у калюжи викъ жила,
Ширококрылого орла,
Щобъ той навчывъ іи литаты:
«Свитъ, каже, хочу повыдаты!»
«Чы то-жъ тоби воно прыстало?»

Почавъ орелъ ій такъ казать:
Не по щерсты... И дежъ бувало,
Щобъ черепаси та литать?
Такъ де тоби! Одно: «навчи!»
«Ну добре, тильки не крычи»....
Та й взявъ іи у лапы дужи,
Пиднявъ у гору видъ калюжи,
Понисъ за хмары.... «Ну дывысь,
По свиту божому несысь!»
Та й выпустывъ.... Вона объ каминь—
Такъ черепокъ и розлетивсь.

И.

Этнографическое обозрѣніе 1895 г. [1])

№ 1.

1) *Сумцовъ Н. Ѳ. Замѣтки о малорусскихъ думахъ и духовныхъ виршахъ.* По поводу соч. П. И. Житецкаго «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ». Приведя похвальные отзывы проф. Ягича и Потебни о сочиненіи Житецкаго, авторъ разбираетъ его по главамъ и находитъ, что въ I главѣ г. Ж. «мало обслѣдовалъ архаизмы думъ», что отъ него «какъ отъ спеціалиста филолога, мы могли бы ожидать обширнаго и цѣннаго изслѣдованія о языкѣ думъ», но «онъ ничего другого не хочетъ знать, кромѣ основного своего положенія—о вліяніи письменности на пѣснотворчество народное». Во II-й и III главахъ г. Ж. говоритъ «о странствующихъ школьникахъ въ старинной Малороссіи и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ»; «эти двѣ главы занимаютъ 100 страницъ; онѣ сравнительно съ другими богаче внутреннимъ фактическимъ содержаніемъ и, что въ особенности цѣнно, содержаніе это большею частью извлечено изъ неизданныхъ рукописей Кіево-Михайл. мон., Церковно-археол. музея и изъ рукоп. сборника Кибальчича. Слабыми сторонами этой части изслѣдованія Сумцовъ считаетъ то,

---

[1]) Въ виду важнаго значенія этого научнаго изданія, мы считаемъ нелишнимъ отмѣтить для нашихъ читателей всѣ болѣе выдающіяся статьи въ немъ за послѣдніе годы.

что г. Ж., выдвигая на первый планъ положеніе о вліяніи, на думы школьной литературы, преимущественно виршъ, раннія явленія народной словесности объясняетъ сравнительно съ ними, поздними книжными памятниками», и что «книжное вліяніе опредѣляетъ нѣсколько односторонне, усматривая его лишь въ виршахъ, вообще въ школьныхъ издѣліяхъ стараго времени», и оставляетъ совершенно въ сторонѣ «другія литературныя вліянія, напр.: вліяніе зап-европейск. и малорусской легендарной литературы». Глава IV—отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ», по мнѣнію г. Сумцова, носитъ нѣсколько странное заглавіе, п. ч. «нельзя говорить объ отраженіи пѣсенныхъ мотивовъ въ думахъ, когда пѣсенный репертуаръ малоруссовъ стараго времени совсѣмъ неизвѣстенъ». Въ V главѣ „о творцахъ думъ“, которыми считаетъ г. Ж. „старцивъ“, т. е. нищихъ, г. Сумцовъ находитъ, что „трудно признать эту гипотезу, потому что старци, т. е. люди такого „убогаго чина“, не могли создать такія сильныя художественныя произведенія, какъ думы“.

Заключеніе г. Сумцова таково: г. Ж. открылъ новое обширное поле для научныхъ изслѣдованій, обнаружилъ большую любовь къ избранному предмету изслѣдованія и постарался дать ему освѣщеніе съ усвоенной имъ оригинальной точки зрѣнія. «Все это—заключаетъ г. Сумцовъ—въ совокупности придаетъ книгѣ г. Житецкаго крупное научное значеніе».

2) *М. Дикаревъ. Толки народа.* Народные разсказы объ антихристѣ, который произойдетъ изъ земскихъ начальниковъ; о множествѣ мышей и просьбѣ жителей слободы Бутурлимовки къ Іоанну Кронштадскому, чтобы онъ помолился объ избавленіи отъ мышей и о «гадюкахъ, що за Киевомъ».

№ 2.

1) *Ястребовъ В. Н. Изъ народныхъ устъ.* Приведены четыре разсказа (о холерѣ, про св. пятницу, блудъ и якъ нечысты литають до людей), записанные въ Херсонск. губ., и Йиродъ—въ Черниг. губ.

№ 3.

1) *Житецкій П. Замѣтки о разныхъ методахъ изученія народныхъ малорусскихъ думъ.* Авторъ отвѣчаетъ г. Сумцову на его «Замѣтки», помѣщенныя въ № 1 Этн. Обозрѣнія, и находитъ, что «всестороннее изслѣдованіе языка думъ дало бы не одно,

а два сочиненія», что конечно не входило въ задачу автора По вопросу о странствующихъ школьникахъ и объ упрекѣ г. Сумцова, что авторъ оставилъ въ сторонѣ «зап.-европейское вліяніе и вліяніе мал. легенд. литературы», г. Ж. отвѣчаетъ, что любопытно отмѣтить эти пути со всѣми передаточными пунктами, съ документальными слѣдами существованія этихъ пунктовъ, но это не входило въ планъ его сочиненія, тѣмъ болѣе, что не все въ виршахъ можно объяснить теоріей заимствованія, помимо бытовыхъ условій жизни, которыя служили поводомъ къ самымъ заимствованіямъ. Хотя г. Сумцовъ и находитъ, что «пѣсенный» репертуаръ малоруссовъ стараго времени совсѣмъ неизвѣстенъ и потому нельзя говорить объ отраженіи пѣсенныхъ мотивовъ въ думахъ, но г. Ж. приводитъ по этому поводу слѣдующее мнѣніе Потебни: «думаю, что такого рода пѣсни (о рубаныхъ козакахъ) *предполагаются* думами «о смерти трехъ братьевъ» и «о смерти Өедора Безроднаго», которому родъ замѣняетъ джура и сѣчевое товариство», и на основаніи ея признаетъ свои обобщенія не неправильными.

По вопросу о «творцахъ думъ» г. Ж. никакъ не можетъ согласиться съ тѣми, предположеніями г. Сумцова, въ которыхъ онъ говоритъ: «*возможно*, что «старци» были творцами думъ,—но не такіе убогіе, а *предположительно* такіе, какъ богатыри великорусской былины», и приходитъ къ выводу, что «для такихъ обобщеній можно написать цѣлый рядъ параллелей и сближеній, висящихъ на воздухѣ, но такое построеніе будетъ имѣть всѣ признаки эрудиціи, а не науки»

2) *М. И. Васильевъ.* Украинскія легенды и вѣрованія, связанныя съ именами нѣкоторыхъ святыхъ. Приведены легенды и вѣрованія о св. Ильѣ, Власіѣ, Евстафіи, Иванѣ-Воинѣ, св. Антонидѣ, записанныя въ с. Соточихѣ, Бѣлгород. у., Курской губ.

3) *А. Крымскій.* Некрологъ *М. П. Драгоманова.*

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Кубанская Область въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ юбилейномъ Пушкинскомъ номерѣ «Кубанскихъ Областн. Вѣдомостей» (№ 108) статья Н. Канивецкаго, въ ко-

торой авторъ указываетъ немногія свѣдѣнія, имѣющіяся о Кубанской области въ сочиненіяхъ и перепискѣ А. С. Пушкина.

А. С. Пушкинъ два раза проѣзжалъ черезъ Кубанскую область. Первый разъ въ 1820 году, второй—въ 1829 году. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о пребываніи поэта въ Кубанской области крайне скудны: они ограничиваются лишь нѣсколькими строками въ двухъ-трехъ письмахъ А. С. Пушкина къ брату и. Н. И. Гнѣдичу и немногими, весьма неопредѣленными указаніями, имѣющимися въ его поэтическихъ произведеніяхъ.

Послѣ первой поѣздки своей на Кавказъ, въ письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу изъ Кишинева, отъ 24 сентября 1820 г. А. С. Пушкинъ пишетъ: «Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы,—любовался нашими козаками: вѣчно верхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности. Ѣхалъ въ виду непрізненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 козаковъ; за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа—они готовы напасть на извѣстнаго русскаго писателя. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь чеченца. И потомъ поэтъ добавляетъ: «Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія о *черноморскихъ* и донскихъ козакахъ,—теперь не скажу ни слова»... «Съ полуострова Тамани, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь».

Къ сожалѣнію, обѣщаннымъ «замѣчаніямъ» о козакахъ не удалось увидѣть свѣтъ: Пушкинъ о нихъ ничего не написалъ.

Что касается поэтическихъ твореній А. С. Пушкина, то поэма «Кавказскій плѣнникъ» можетъ быть отнесена къ произведеніямъ, дѣйствіе которыхъ развивалось на Сѣверномъ Кавказѣ и отчасти въ Кубанской области. Подтвержденіемъ послѣдняго можетъ служить то обстоятельство, что Пушкинъ говоритъ въ этой поэмѣ о *черкесахъ*. Черкесы же, какъ извѣстно, жили и живутъ въ той части сѣвернаго склона Кавказскихъ горъ, которая вошла въ составъ нынѣшней Кубанской области.

Въ «эпилогѣ», обращаясь къ музѣ, поэтъ говоритъ, что она

Любила бранныя *станицы*,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,

Курганы, тихія гробницы
И шумъ и ржанье табуновъ.
Быть можетъ,—пишетъ Пушкинъ,—что муза,
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ.
Мстислава древній поединокъ..

Дѣйствіе этой повѣсти, очевидно, должно было происходить въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области, потому что Мстиславъ, сынъ святого Владиміра, прозванный Удалымъ, былъ удѣльный князь Тмутаракани (нынѣшняя Тамань), которую посѣтилъ поэтъ и откуда какъ мы уже знаемъ, онъ на кораблѣ прибылъ въ Керчь. Мстиславъ воевалъ съ коссогами, по всей вѣроятности, нынѣшними черкесами и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю.

Самъ Пушкинъ въ письмѣ къ Н. Гнѣдичу, отъ 24 марта 1821 года, по поводу «Кавказскаго плѣнника», пишетъ: Сцена моей поэмы *должна-бы* находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущельяхъ Кавказа. На самомъ же дѣлѣ поэтъ «*поставилъ своего героя въ однообразныхъ равнинахъ*, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа». Эти «однообразныя равнины», характерныя для Сѣвернаго Кавказа, въ данномъ случаѣ, принимая во вниманіе всей вышеприведенныя соображенія, по всѣ вѣроятности, находились въ предѣлахъ теперешней Кубанской области.

Въ поэмѣ «Галубъ» также упоминается Кубанская область.

Въ «Могилевск. Вѣдом.» (№ 42) Е. Романовъ напечаталъ текстъ грамоты Стефана Баторія 1 марта 1581 года, данный Василію Немирѣ въ подтвержденіе правъ его на владѣніе сельцами Головенчицы, Теплое и Любаны. Документъ писанъ по-русски, хотя писался въ Варшавѣ. Почеркъ обыкновенный для XVI вѣка, скорописный, смѣшанный съ славянскимъ полууставомъ, очень разборчивый. Весь документъ написанъ на западно-русскомъ актовомъ языкѣ того времени; подпись Сапеги (писаря) тоже русская. Король подписался по-латыни.

Изъ особенностей языка документа авторъ указываетъ на смѣшеніе твердаго *р* съ мягкимъ, напр. господ*ара*, поп*еродъ*, зве*ры*нъными и—теп*еръ*, господа*ръ*ское и т. п. Шипящіе большею частью также твердые: ра*чы*лъ, на*шы*, у*жы*вати и т. п., хотя есть нѣсколько случаевъ

употребленія мягкихъ: *лежачіе*, *нашимъ*. Послѣдовательно выдержано на письмѣ употребленіе ѡ въ началѣ словъ; звукъ *я* вездѣ изображается буквою ꙗ. Очень развито употребленіе сокращеній не только въ концѣ словъ, но и въ рединѣ, въ видѣ буквенныхъ титлъ. Слово «оршанскій» въ двухъ случаяхъ написано съ мягкимъ *н* — «оршаньскій», также и «виленьскій».

Черта эта въ настоящее время свойственна только центральному бѣлорусскому говору. Въ документѣ мы склонны видѣть въ ней вліяніе языка польскаго, собственно, вліяніе на писца Варшавы.

Подобные документы въ настоящее время, по словамъ Е. Романова, рѣдки.

Въ «*Сынъ Отечества*» (№ 148) помѣщена статья «Къ открытію въ Кіевѣ отдѣла географическаго общества», въ которой разсказана исторія возникновенія этого вопроса на бывшемъ въ Кіевѣ въ августѣ 1898 г. съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, гдѣ, послѣ доклада Л. Личкова «о нуждахъ статистики въ юго-западномъ краѣ» (напеч. въ нашемъ журналѣ въ 1898 г. № 11), рѣшено было возбудить ходатайство объ открытіи въ Кіевѣ южнаго отдѣла географич. общества, взамѣнъ закрытаго еще въ 1876 году «юго-западнаго отдѣла», просуществовавшаго 3 года и успѣвшаго въ этотъ короткій срокъ очень много сдѣлать для изученія народной жизни въ Малороссіи.

Въ «*Южномъ Обозрѣніи*» (№ 835) напечатанъ переводъ одного стих. Т. Шевченка на русскій языкъ. Переводъ принадлежитъ *Ивану Бѣлоусову*, извѣстному уже своимъ изданіемъ переводовъ изъ Шевченка подъ заглавіемъ «Изъ Кобзаря» (Кіевъ 1887 г.). Переводъ сдѣланъ недурно, а чтобы не быть голословнымъ, приведу начало стихотворенія:

Мнѣ снилось: снова я ребенокъ
Пасу ягнятокъ за селомъ,
На небѣ солнышко сіяетъ,
Тепло и весело кругомъ,
И мнѣ такъ радостно, что словно
Не на землѣ я, а въ раю.

Наши двѣ статьи о галицкомъ книжномъ языкѣ (см. №№ 1 и 3) вызвали рядъ статей въ *«Кіевлянинѣ»*, по поводу которыхъ мы разсчитываемъ подробно поговорить въ ближайшемъ номерѣ; теперь-же отмѣтимъ только, что на одинъ изъ пунктовъ этихъ статей, именно-гдѣ говорится объ искусственной ковкѣ словъ современными малорусскими писателями, въ газетѣ «Волынь» (№ 38) данъ очень обстоятельный отвѣтъ г. Степенкомъ, указывающимъ. на основаніи авторитетныхъ источниковъ, всю неосновательность нападковъ «Кіевлянина».

Музей имени Дзѣдушицкихъ во Львовѣ издалъ брошюру подъ заглавіемъ «Huculszczyzna», въ которой находится 37 прекрасно исполненныхъ таблицъ, дающихъ полное представленіе о жизни, обычаяхъ и одеждѣ гуцуловъ. Изданіе снабжено предисловіемъ гр. Влад. Дзѣдушицкаго и объясненіями Влад. Шухевича. (Gazeta Lwowska, № 137).

Сербскій иллюстриров. литературно-научный журналъ *«Нада»* (Надежда), выходящій въ Сараевѣ, помѣстилъ въ № 9 (1 мая), сего года три «Думкы» Шевченка: 1) Тече вода въ сыне море, та не вытикае, 2) Витре буйный, витре буйный! Ты зъ моремъ говорышъ, 3) На що мени чорни бровы, на що кари очы,—въ переводѣ д-ра Августа Гарамбашича. Такихъ переводовъ у него есть еще нѣсколько, и онъ ихъ намѣренъ напечатать въ дальнѣйшихъ номерахъ «Нады». Въ примѣчаніи къ переводамъ онъ говоритъ: Тарасъ Григорьевичъ Шевченко самый крупный малорусскій поэтъ, а какъ народный поэтъ онъ найбольшій среди поэтовъ всѣхъ славянъ. И вотъ эти «Думкы» показываютъ, съ какимъ совершенствомъ умѣлъ онъ ударять въ народную струну. Такъ какъ малорусскій украинскій народъ ближе всѣхъ къ нашему, то я думаю, что удовлетворяю читателей «Нады» переводомъ этихъ стихотвореній. Шевченко умеръ въ 1861 въ г. Петербургѣ. Его прекрасныя «Пјесничке приповијести» издала въ моемъ переводѣ «Matica Hrvatska».

Для образца приведемъ отрывокъ перевода 3-й думки:

На што мени црне очи,
Обрвице црне,
На што младе годинице,

Кад ми срце трне?
Моје младе годинице
У таман се губе,
Очи плачу, обрвице
Семо вјетри љубе.
Срце вене и тим свјетом
Попут птице љечье,
На што ли ми сва љепота
Када немам сречье
Тешко мне сиротици
На том св'јету бити,
Маји људи — као туджьи,
Ни с ким говорити!

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Кіевѣ.

Старый планъ г. Кіева. По распоряженію кіевскаго городского головы С. М. Сольскаго городской землемѣръ И. Д. Таировъ изготовляетъ къ предстоящему XI археологическому съѣзду нѣсколько плановъ г. Кіева, какъ частныхъ, такъ и общихъ. Самымъ интереснымъ изъ нихъ является копія съ хранящагося въ городскомъ управленіи плана, помѣченнаго 1806 годомъ. Этотъ планъ представляетъ собой копію съ болѣе стараго плана г. Кіева. На немъ вырисованы всѣ существовавшія въ то время въ Кіевѣ укрѣпленія. Послѣднія распадаются на Печерскія и Старокіевскія и отстоятъ другъ отъ друга на довольно значительномъ разстояніи, будучи соединены между собой длиннымъ валомъ, названнымъ на планѣ «ретраншементомъ». Старокіевскія укрѣпленія состоятъ, собственно, изъ цѣлой группы отдѣльныхъ укрѣпленій. Такъ, вокругъ нынѣшнихъ Десятинной и Трехсвятительской церквей идутъ валы города Владиміра Святого; Михайловскій монастырь обнесенъ стѣнами города князя Святополка; далѣе, обширное пространство земли, съ Софійскимъ соборомъ посрединѣ, окружено стѣнами Ярославова города. Въ укрѣпленіяхъ послѣдняго, подлѣ Золотыхъ воротъ, выступаютъ наружу саженей на 50 два лежащихъ другъ подлѣ друга форта, направляющіеся къ нынѣшнему зданію управленія Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и къ городскому театру. Отъ укрѣпленія города Ярослава Мудраго идетъ по направленію къ Лукьяновкѣ новое, довольно обширное, укрѣпленіе, вѣроятно возведенное фельдмаршаломъ Минихомъ. Валы этого укрѣ-

пленія, направляясь по нынѣшней Бульварно-Кудрявской улицѣ, заворачиваютъ потомъ вправо и идутъ на Кудрявецъ, соединяясь на Львовской площади. Наконецъ, отъ того-же Ярославова города, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ начинается Мало-Подвальная улица, идутъ стѣны пятаго укрѣпленія, вѣроятно, также новѣйшей постройки. Направляясь къ нынѣшней Думской площади (въ усадьбѣ Фабриціуса и теперь есть остатки этого вала), гдѣ были устроены ворота, называвшіяся Печерскими, онѣ поворачивали влѣво и, поднявшись вверхъ, шли на соединеніе съ укрѣпленіями Святополкова города. Почти вездѣ за стѣнами съ наружной стороны лежатъ рвы и овраги. Одинъ изъ такихъ овраговъ, начинаясь отъ нынѣшнихъ Прорѣзной и Большой Владимірской улицъ, идетъ съ наружной стороны укрѣпленій, прилегающихъ къ Золотымъ воротамъ, и соеденяется съ тѣмъ оврагомъ, по которому нынѣ проводится Святославская улица. Кромѣ всѣхъ описанныхъ укрѣпленій, на склонѣ горъ, спускающихся къ Подолу, по плану 1806 г. шли еще остатки какихъ-то укрѣпленій. Изъ отдѣльныхъ частей города въ началѣ нынѣшняго вѣка болѣе всего былъ заселенъ Печерскъ. За нимъ слѣдовалъ по густотѣ заселенія Подолъ. Кромѣ того, была отчасти заселена средина Стараго города и незначительная часть Липокъ. Интересно, между прочимъ, что въ то время на пространствѣ между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ вовсе не было площади, и мѣсто этого было довольно густо застроено. Небезынтересно также и то обстоятельство, что весь Подолъ отъ прилегающихъ къ нему луговъ отдѣленъ деревянными укрѣпленіями, «палисадами». На описываемомъ планѣ еще видны слѣды р. Почайны, впадавшей въ Днѣпръ противъ нынѣшнихъ пароходныхъ пристаней. Главное-же теченіе Днѣпра въ то время шло еще по Старику, и у Кіева былъ лишь небольшой рукавъ. (Кіевлян. № 157).

По словамъ *«Новороссійк. телегр»*. (№ 7827) на предстоящій въ августѣ текущаго года въ Кіевѣ археологическій съѣздъ посланы собранные трудами ученыхъ архивныхъ комиссій рисунки съ наиболѣе интересныхъ древностей, разсѣянныхъ по старинныхъ церквамъ Россіи и хранящихся въ нѣкоторыхъ археологическихъ музеяхъ.

Предсѣдатель кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета по устройству XI-го археологическаго съѣзда В. В. Антоновичъ со-

общилъ городскому головѣ, что предварительный комитетъ въ засѣданіи своемъ 11-го мая постановилъ обратиться въ Кіевскую думу съ предложеніемъ назначить депутатовъ для участія въ засѣданіяхъ распорядительнаго комитета съѣзда. На комитетъ этотъ возложены работы о пріемѣ ожидаемыхъ на съѣздъ иностранныхъ гостей и сношенія съ лицами и учрежденіями при устройствѣ экскурсій для участниковъ съѣзда. Предсѣдатель предварительнаго комитета графиня Уварова, съ своей стороны, обратилась съ такой-же просьбой къ городскому головѣ.

Засѣданія обществъ.

27 мая состоялось общее собраніе членовъ *Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ*. Въ засѣданіи вице-предсѣдателемъ Общества Б. И. Ханенко былъ прочтенъ отчетъ о дѣятельности Общества за прошлый годъ, утверждены смѣты расходовъ за прошлый годъ и на предстоящій, и произведены выборы новыхъ членовъ правленія вмѣсто выбывшихъ и новыхъ членовъ Общества. Въ заключеніе предсѣдательствующимъ сообщено о новыхъ поступленіяхъ для Музея Общества,—болѣе крупныя изъ нихъ—коллекція покойнаго Е. А. Зноско-Боровскаго и коллекціи, переданныя Имп. Археологической Комиссіей. Дѣятельность Общества за прошлый годъ была сосредоточена главнымъ образомъ на устройствѣ зданія Музея Древностей и Искусствъ, окончаніе котораго близится уже къ концу.

Настоящее общее собраніе, назначенное уже вторично за неприбытіемъ въ первый разъ достаточнаго числа членовъ, не отличалось многолюдствомъ: членовъ общества собралось немногимъ болѣе 10-ти! Между тѣмъ, членами Общества состоитъ если не ошибаемся около 200 лицъ. Такое безучастное отношеніе большинства членовъ къ дѣятельности Общества представляется намъ страннымъ и необъяснимымъ.

Цѣль Общества—собираніе памятниковъ старины и искусствъ какъ въ интересахъ науки, такъ и въ видахъ развитія эстетическаго вкуса и художественнаго образованія. Цѣли эти настолько симпатичны, широки и доступны, что равнодушіе къ нимъ кіевской публики въ лицѣ членовъ Общества является для насъ, повторяемъ, необъяснимымъ фактомъ. Вся тяжесть веденія дѣлъ Общества поне-

волѣ пала на нѣсколькихъ членовъ правленія, занятаго сложнымъ дѣломъ постройки Музея. Нѣсколько членовъ Общества по мѣрѣ силъ выполняютъ задачи Общества, собирая памятники старины. Что-же касается памятниковъ искусствъ и вообще задачъ, имѣющихъ отношеніе къ развитію въ публикѣ художественнаго вкуса, объединенію имѣющихся въ Кіевѣ художественныхъ силъ и къ образованію хотя какого-ниб. художественнаго центра, то здѣсь въ дѣятельности Общества за послѣднее время мы замѣчаемъ очень мало энергіи. А вѣдь среди членовъ Общества есть не мало профессіональныхъ художниковъ—на ихъ совѣсти лежитъ отвѣтственность за ту позорную кличку, которая все тверже и тверже устанавливается за Кіевомъ, какъ за *мертвымъ городомъ* для развитія искусства, не смотря на то, что у Кіева, центра юга, должны быть всѣ данныя для того, что бы искусство свило въ немъ прочное гнѣздо. Пора бы наконецъ сбросить апатію, забыть личные счеты, спрятать мелкія самолюбія и начать дружную работу для общаго дѣла!

Изслѣдованія и раскопки.

*Раскопки кургановъ при селахъ Райгородъ и Пруссы, Черкаскаго у., **Кіевской** губ.* Въ теченіи истекшаго іюня Б. И. Ханенко и В. В. Хвойкой были произведены у выше названныхъ селъ раскопки около 20-ти кургановъ, оказавшихся въ большинствѣ случаевъ принадлежащими къ типу скифскихъ кургановъ. Курганы разной величины, но почти всѣ довольно большихъ размѣровъ—отъ 65 до 110 шаговъ окружностью. Раскопки показали, что всѣ курганы были уже разграблены въ прежнее время; не смотря однако на это, благодаря раскопкамъ, можно было установить родъ погребеній и найти нѣкоторые предметы, оставленные въ могилахъ грабителями. Могилы встрѣчены какъ ниже горизонта, такъ и выше его, въ могильной насыпи, причемъ могилы устраивались изъ толстыхъ бревенъ; цѣлыхъ скелетовъ въ могилахъ не сохранилось, они оказались разбросанными въ безпорядкѣ. Въ мужскихъ погребеніяхъ найдены панцыри изъ желѣзныхъ пластинокъ или части этихъ панцырей, а также при нѣкоторыхъ погребеніяхъ желѣзные наконечники копій и дротиковъ, части желѣзныхъ мечей, кинжаловъ, ножей и желѣзныя удила съ усиками. Изъ бронзовыхъ предметовъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить пластинку отъ

колчана греческой работы, съ изображенной на ней мифологической сценой; затѣмъ идутъ бляшки отъ уздечекъ разныхъ формъ, между которыми двѣ съ орнаментомъ въ видѣ пѣтушковъ, бронзовыя трубочки съ остатками продѣтыхъ ремней, налобникъ отъ уздечки въ видѣ трехъ лошадиныхъ головокъ, булавки разныхъ формъ и стрѣлы разныхъ типовъ; встрѣчались также и костяныя конусообразныя стрѣлы. Золотыхъ предметовъ найдено немного: нѣсколько пластинокъ, нашивавшихся на платье, перстень и три бляхи отъ уздечекъ; эти послѣднія, изготовленныя собственно изъ электрона, заслуживаютъ особеннаго интереса; онѣ прорѣзныя и представляютъ сплетеніе мифическихъ животныхъ; подобнаго рода бляхи встрѣчаются довольно часто въ скифскихъ могилахъ,—скифы вообще любили наряжать лошадь, довольно разнообразны и украшенія этихъ бляхъ, начиная отъ простыхъ узоровъ и кончая изображеніями греческихъ божествъ, но повидимому бляхи, найденныя при настоящихъ раскопкахъ, являются неизвѣстнымъ еще типомъ. Кромѣ этихъ предметовъ найдены еще глиняные сосуды мѣстнаго производства и части греческихъ амфоръ и расписныхъ вазъ.

Среди раскопанныхъ кургановъ не всѣ относились къ типу скифскихъ—было вскрыто также 4 кургана съ крашеными скелетами, относящіеся къ каменному вѣку и одинъ, который предположительно можно отнесть къ бронзовому вѣку.

—

Въ Чигиринскомъ у. Кіевск. г., вблизи Мотроненскаго монастыря, тѣми-же лицами были произведены изслѣдованія городища и раскопано нѣсколько кургановъ. Городище круглой формы, окружено нѣсколькими валами; пробныя раскопки площади городища даютъ возможность отнести его къ типу скифскихъ. Помимо нахожденія разныхъ предметовъ, раскопки имѣли результатомъ открытіе очень интереснаго предмета; это возвышеніе или столбъ изъ пережженной глины діаметромъ приблизительно въ метръ, на верхушкѣ котораго проведено нѣсколько концентрическихъ желобковъ; почва вблизи этого столба состояла изъ массы перегнившихъ органическихъ остатковъ, среди которыхъ встрѣчались кости лошади и дикаго кабана, а также зола и угли; не имѣемъ-ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ примитивнаго устройства жертвенникомъ?

—

Раскопки кургановъ у д. Самбросовки, Александрійскаго у., Херсонской губ. Въ первой половинѣ іюня составителемъ настоящей лѣтописи произведены пробныя раскопки 3-хъ кургановъ могильника, находящагося вблизи хутора Александровки, у д. Самбросовки. Раскопки начаты по иниціативѣ владѣльца Самбросовки Е. М. Мержанова, принимавшаго вмѣстѣ съ Н. Е. Мержановымъ живое участіе въ раскопкахъ. Могильникъ расположенъ на небольшой покатости, спускающейся къ рѣчкѣ Ирклею; всѣхъ кургановъ немногимъ болѣе 15-ти, лежатъ курганы на разстояніи 1—20 метровъ другъ отъ друга; могильникъ давно распахивается, благодаря этому насыпи не сохранили первоначальной формы; нѣкоторыя изъ нихъ почти совсѣмъ сравнены съ землей, другія слегка возвышаются надъ поверхностью, но въ общемъ, высота ихъ лишь въ немногихъ случаяхъ достигаетъ 2-хъ метровъ; благодаря распашкѣ трудно дать точныя размѣры и окружностей кургановъ—въ теперешнемъ видѣ онѣ достигаютъ 30—35 метровъ, но несомнѣнно, что въ нетронутомъ видѣ окружности были меньше.

Раскопки кургановъ производились колодцами діаметромъ въ 5 метровъ. Въ каждомъ изъ нихъ, подъ слоемъ чернозема встрѣчены могильныя ямы, вырытыя въ желтой глинѣ; двѣ изъ нихъ были четыреугольной формы, размѣрами 2,28×1,22 м. и 2,1×1,1 м., третья-же яма, размѣрами 2,02×1,62 м., имѣла одну изъ узкихъ сторонъ не прямую, а закругленную; положеніе ямъ на з. з. с. Содержаніе двухъ могилъ ограничивалось лишь нѣсколькими разбросанными въ безпорядкѣ человѣческими костями, найденными на разной глубинѣ—могилы повидимому были разграблены или окончательно испорчены грызунами. Лучше сохранилась могила 3-ьяго кургана, хотя и здѣсь большая часть костей находилась въ безпорядкѣ; но по положенію нѣкоторыхъ изъ нихъ, не сдвинутыхъ съ мѣста, можно судить, что скелетъ лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми ногами, головой на з. з. с. Скелетъ помѣщался въ срубѣ изъ дубовыхъ брусьевъ (въ другой могилѣ сохранилась часть берестоваго сруба), которые были уложены вдоль боковъ ямы; деревянная настилка обнаружена также надъ скелетомъ и подъ нимъ. Съ лѣвой стороны черепа, у лѣваго плеча, лежали два довольно большихъ наконечника желѣзныхъ копій съ сохранившимися въ втулкахъ частями дерева; въ разныхъ мѣстахъ у разбросанныхъ костей скелета найдена 21 бронзовая стрѣла и нѣсколько стеклянныхъ бусъ; съ правой стороны скелета, въ средней

его части, находился небольшой глиняный сосудецъ ручной лѣпки. Этимъ почти и исчерпываются всѣ находки. Характеръ найденныхъ предметовъ не оставляетъ сомнѣнія, что курганы даннаго могильника относятся къ разряду скифскихъ.

Все, добытое изъ кургановъ, предназначено для Херсонскаго Археологическаго Музея.

—

Раскопки на Верхней Юрковицѣ въ г. Кіевѣ продолжались въ послѣднее время съ большими перерывами, обусловливаемыми ходомъ земляныхъ работъ. Новаго найдено немного; вскрыты лишь двѣ могилы безъ наружныхъ признаковъ, у скелета одной изъ нихъ никакихъ предметовъ не оказалось, у лѣваго-же бока скелета другой могилы находился небольшой желѣзный топоръ, типа хорошаго извѣстнаго по находкамъ въ славянскихъ могилахъ. Въ коллекціи предметовъ неолитической эпохи прибавленія имѣются лишь по части керамики: глиняная буса, пряслица и довольно много черепковъ сосудовъ.

—

Палеолитическая стоянка на Кирилловской улицѣ въ г. Кіевѣ, гдѣ изслѣдованія продолжались все это время, дала новый любопытный фактъ: въ верхнемъ слоѣ стоянки найденъ черепъ ископаемаго льва; къ сожалѣнію, благодаря невѣжеству рабочихъ, черепъ не удалось сохранить въ цѣломъ видѣ.

Случайныя находки.

Раскапываніе мѣстными крестьянами *городища на Княжей Горѣ* почти совсѣмъ прекратилось, вслѣдствіе этого и привозъ древностей на кіевскій рынокъ за истекшій мѣсяцъ былъ незначителенъ; однимъ изъ кіевскихъ собирателей была пріобрѣтена всего лишь небольшая партія, заключавшая въ себѣ мало интереснаго; можно указать лишь на половинку креста—энколпіона съ перегородчатой эмалью, но крестъ этотъ побывалъ въ огнѣ и эмаль расплавилась.

—

Духъ кладоискательства охватываетъ все большій и большій раіонъ въ сѣверномъ углѣ Черкасскаго у. Кіевской губ. на побережьи

р. Роси; эксплоатація Княжей горы крестьянами с. Пекарей послужила примѣромъ и для с. *Конончи, у котораго также имѣется городище.* Предметы этого городища совершенно аналогичны съ находимыми на Княжей Горѣ; за послѣдніе 2—3 мѣсяца ихъ добыто сравнительно много; особенность городища представляетъ изобиліе предметовъ, изготовленныхъ изъ роговъ оленей, лосей, козъ и т. п.; всѣ эти издѣлія приготовлены острыми металлическими инструментами и относятся къ той же княжеской эпохѣ, что и другіе предметы. (Всѣ предметы съ Конончскаго городища поступили въ наше собраніе).

—

Городище у с. Сахновки, Черкасскаго у., лежащей выше с. Конончи по Роси, также подверглось участи своихъ сосѣдей. Крестьяне здѣсь копаютъ болѣе энергично, чѣмъ въ Кононче, и добываютъ болѣе цѣнные предметы. Въ Кіевъ уже доставлено нѣсколько партій изъ Сахновки; всѣ предметы относятся къ княжеской эпохѣ; здѣсь есть много желѣзныхъ и мѣдныхъ предметовъ, складные кресты, серебряныя украшенія—кольца, ожерелья, браслеты, серебряныя монетныя гривны и т. п. Среди находокъ послѣдняго времени заслуживаетъ вниманія одна вещь, имѣющая видъ кіотца, по формѣ весьма сходнаго съ кіотцами, изъ которыхъ состоитъ знаменитая діадема изъ клада, найденнаго въ усадьбѣ Гребеновскаго, въ Кіевѣ; сдѣланъ кіотецъ изъ тонкихъ листиковъ красной мѣди и полный внутри, весь онъ былъ густо вызолоченъ, но позолота мѣстами пострадала отъ окиси; съ лѣвой стороны къ нему придѣланы два шарнира, а съ правой есть небольшая прорѣзь, очевидно для запора. Вся лицевая сторона кіотца богато отдѣлана тонкой перегородчатой эмалью синяго, краснаго, бѣлаго и зеленаго цвѣтовъ; эмалью изображена розетка въ видѣ креста, составленнаго изъ четырехъ миндалевидныхъ орнаментовъ; изображеніе это увѣнчано полукругомъ, заполняющимъ верхнюю часть кіотца и исполненнымъ также эмалью. Хотя поверхность эмали и пострадала нѣсколько отъ времени и окиси, но тѣмъ не менѣе цвѣта ея вполнѣ чисты и ярки, что указываетъ на ея высокое достоинство. Судя по формѣ, вещь эта скорѣе всего могла служить застежкою къ головному убору, подобному выше-упомянутой діадемѣ. (Кіотецъ и нѣсколько другихъ предметовъ поступили въ собраніе Н. П. Чернева, остальные-же—въ наше).

—

Изъ Черкасскаго у. Кіевской г. (мѣстности болѣе точно пока не удалось установить) доставлено въ Кіевъ крестьянами очень интересное ожерелье, состоящее изъ 8-ми крупныхъ серебряныхъ бусъ ажурной филигранной работы, бусъ изъ стекла, сердолика, янтаря и раковинъ Cyprea moneta, двухъ привѣсокъ въ видѣ бронзовыхъ вызолоченныхъ кружковъ, покрытыхъ орнаментомъ, и привѣсокъ изъ просверленнаго зуба и, повидимому, кусочка черепной кости. Ожерелье найдено вмѣстѣ съ серебряными височными кольцами оригинальнаго типа и выкопано по всей вѣроятности въ какомъ ниб. курганѣ языческой славянской эпохи — фактъ очень прискорбный, такъ какъ, если раскопки крестьянами городищъ, не желательныя вообще, приносятъ сравнительно небольшой вредъ, то раскопки кургановъ ведутъ за собой гибель послѣднихъ для науки. (Ожерелье поступило въ собраніе Б. И. Ханенко).

Музеи и собранія древностей.

Отдѣлка *Кіевскаго музея древностей и искусствъ*, уже вчернѣ оконченнаго, подвигается быстрыми шагами. Въ настоящее время зданіе штукатурится снаружи и извнутри. Верхнія залы уже почти закончены и тамъ приступлено къ настилкѣ паркетовъ; на дняхъ начато устройство главной лѣстницы; спѣшно идутъ работы по изготовленію фигуръ, которыя будутъ вѣнчать зданіе. Нерѣшенными остаются пока вопросы объ украшеніи портика, гдѣ предполагалось помѣстить сцену изъ нѣсколькихъ фигуръ, изображающихъ торжество мира, и объ устройствѣ впереди музея площадки съ лѣстницей и рѣшеткой; отъ устройства этой площадки зданіе музея много бы выиграло, но устройство площадки и главнымъ образомъ возведеніе упорныхъ стѣнъ требуетъ довольно солидныхъ расходовъ, средства-же, имѣвшіяся на постройку зданія, уже изсякли. Неужели кіевляне не отозвутся и не дадутъ возможности довести до конца постройку зданія, долженствующаго служить украшеніемъ города?

Какъ-бы тамъ ни было, но во всякомъ случаѣ къ 1 му августа — дню открытія археологическаго съѣзда, нѣсколько залъ музея будетъ готово и тамъ размѣстится выставка, устраиваемая Обществомъ древностей и искусствъ.

Въ теченіи 1897—98 г. *въ Холмскій церковно-археологическій музей*, какъ о томъ свидѣтельствуетъ «Краткій годичный отчетъ по братскому церковно-археологическому музею и библіотекѣ при немъ за 1897—98 братскій годъ» (Холмъ, 1899 г.), были слѣдующія поступленія: 1) Предметовъ церковной живописи и скульптуры—11, 2) Церковной утвари и вообще предметовъ богослужебнаго ритуала—10, 3) Рукописей—17, 4) Книгъ старинной церковно-славянской печати—27, 5) Монетъ—2, 6) Печать—1. Среди этихъ поступленій заслуживаютъ вниманія иконы стариннаго иконостаса Яблочинскаго мужского монастыря; описанію и объясненію ихъ хронитель музея Ѳ. Кораллов и посвящаетъ большую часть отчета.

Въ общемъ нельзя сказать, чтобы поступленія были обильны; всѣ онѣ являются пожертвованіями музею; но, по нашему мнѣнію, если ждать только пожертвованій, то трудно разсчитывать на успѣшное развитіе музея. Холмская Русь богата памятниками старины, говоримъ это на основаніи личныхъ наблюденій во время экскурсій по краю; нужно лишь побольше энергіи, побольше любви къ дѣлу лицъ, близко стоящихъ къ музею. Нужно искать предметовъ старины на мѣстѣ, нужно завести сношенія съ мѣстными людьми и въ данномъ случаѣ—съ сельскимъ духовенствомъ, нужно слѣдить за находками предметовъ древности—только тогда дѣло музея можетъ двигаться впередъ, только тогда музей будетъ выполнять миссію, на него возложенную; при теперешнемъ-же положеніи дѣла Холмскій музей, просуществовавъ уже 16 лѣтъ, все еще не вышелъ изъ зачаточной стадіи своего развитія.

Въ концѣ отчета составитель его Ѳ. Кораллов упоминаетъ о предполагаемомъ къ открытію *Холмскомъ археологическомъ обществѣ* и выражаетъ увѣренность, «что съ открытіемъ общества въ рукахъ новыхъ ученыхъ силъ—членовъ этого общества—музей найдетъ себѣ активное приложеніе и самооправданіе»,—вполнѣ присоединяясь къ этому мнѣнію, будемъ надѣяться, что новое общество, мысль устройства котораго возникла уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, перейдетъ изъ области проектовъ къ дѣйствительному осуществленію.

—

Въ майскомъ номерѣ нашей «Лѣтописи» мы помѣстили бѣглую замѣтку *о музеѣ І. А. Хойновскаго въ г. Кіевѣ.* Въ замѣтку эту попали нѣкоторыя неточности, которыя мы и спѣшимъ исправить, заявляя при этомъ, что вышеуказанная замѣтка никоимъ образомъ

не имѣла цѣлью умалить достоинство предметовъ собранія или возбудить подозрѣнія въ научныхъ познаніяхъ владѣльца музея. Мы хотѣли лишь обратить вниманіе на нѣкоторыя недостатки въ веденіи музея, имѣя въ виду, что отъ этого дѣло только можетъ выиграть. Что-же касается дѣятельности I. А. Хойновскаго, то мы должны отдать полную справедливость его безкорыстному служенію искусству и наукѣ, продолжающемуся уже болѣе 20-ти лѣтъ и выразившемуся въ устройствѣ въ Кіевѣ первой доступной для публики постоянной выставки разнообразныхъ предметовъ искусства и присоединеніемъ впослѣдствіи къ художественному отдѣлу отдѣла памятниковъ мѣстной старины, на что въ теченіе долгихъ лѣтъ было потрачено не мало силъ и матеріальныхъ средствъ. Обращаясь теперь къ сути, мы должны указать, что описанію предметовъ древности собранія посвященъ каталогъ, носящій заглавіе «Краткія археологическія свѣдѣнія о предкахъ славянъ и Руси и опись древностей собранныхъ мною, съ объясненіями и XX таблицами рисунковъ». Вып. 1, Кіевъ, 1896 г., гдѣ указано и происхожденіе предметовъ; нѣкоторая-же несистематичность въ распредѣленіи коллекцій объясняется тѣснотой и неудобствами частной квартиры, въ которой помѣщается музей.

—

Въ Херсонскій археологическій музей пожертвована учителемъ с. М. Копаней, Днѣпровскаго у., небольшая коллекція предметовъ, собранная на пескахъ у этого села, именно: 12 небольшихъ орудій изъ кремня, стеклянныя и сердоликовая бусы, свинцовое грузило, 19 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, бронзовая пряжка и мѣдная золотоордынская монета.

Разныя извѣстія.

На дняхъ вышло новое роскошное изданіе: *„Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Каменный и бронзовый вѣка. Вып. I. Кіевъ. 1899. 4°“*. Выпускъ состоитъ изъ 1) краткаго введенія, гдѣ говорится о задачахъ археологіи и періодахъ доисторической жизни человѣка, 2) небольшой статьи — «Каменный и бронзовый вѣка въ Приднѣпровьѣ», гдѣ дается характеристика этихъ эпохъ по находкамъ въ данномъ раіонѣ и 3) описанія предметовъ каменнаго и бронзоваго вѣка, снабженнаго 12-ю таблицами фототипій, гдѣ изображены болѣе характерные предметы собранія.

Вышелъ 2-ой выпускъ *„Véstnik'a slovanskyeh starožitnosti"* (Praha, 1899), издаваемаго подъ редакціей Dr. Lubor'a Niederle. Книга заключаетъ массу данныхъ о новыхъ работахъ, касающихся этнологіи и исторіи славянства вообще и въ частности южно-русскаго народа

—

Подъ довольно громкимъ заглавіемъ *«Исторіи русскаго искусства»* *А. П. Новицкимъ* выпущено пока 3 выпуска его работы (Москва, 1899 г.). Изданіе съ внѣшней стороны производитъ очень хорошее впечатлѣніе, каковое еще усиливается довольно многочисленными рисунками, черными и въ краскахъ. Нельзя однако того-же сказать о внутреннемъ содержаніи работы: прежде всего бросается въ глаза непослѣдовательность въ изложеніи—выработанный планъ работы повидимому совершенно отсутствуетъ и она представляется составленной изъ кусочковъ съ очень слабой связью. Что касается отдѣльныхъ главъ сочиненія, то онѣ разработаны не одинаково, зачастую вопросамъ второстепеннымъ, имѣющимъ самое слабое отношеніе къ темѣ, удѣляется гораздо больше мѣста, чѣмъ нѣкоторымъ основнымъ вопромъ исторіи искусства.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго остановимся на нѣсколькихъ главахъ 1-го выпуска, имѣющаго прямое отношеніе къ южно-русской старинѣ. 1-ая глава—«доисторическій періодъ»—это нѣсколько отрывочныхъ фактовъ на 10-ти страничкахъ, съ переходами отъ каменныхъ орудій къ каменнымъ бабамъ, съ огульнымъ заявленіемъ, что археологія еще очень слаба въ опредѣленіи признаковъ разныхъ періодовъ, почему и самъ авторъ считаетъ лишнимъ слѣдить за ними—и это говорится послѣ работъ Уварова, Антоновича, Толстого и Кондакова и многихъ другихъ! Слѣдующая глава—«языческіе храмы»—нѣсколько домысловъ автора, безъ фактической основы, имѣющихъ самое проблематическое отношеніе къ предмету.

Затѣмъ идетъ «жилище»—глава, трактующая (по работѣ И. Забѣлина) о предметахъ болѣе поздняго времени русской исторіи; здѣсь, между прочимъ, авторъ открываетъ новый «законъ» русской архитектуры—«балансъ отдѣльныхъ частей» въ противовѣсъ западноевропейской симметріи! Изъ остальныхъ главъ этого выпуска отмѣтимъ «церкви кіевской области» и «прикладное искуство»—описаніе памятниковъ съ очень слабой обработкой фактическаго матеріала.

—

Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ подъ редакціею Д. Н. Анучина и А. И. Кирпичникова. 1898 г. Въ теченіе прошлаго года въ этомъ журналѣ помѣщены слѣдующія статьи, касающіяся южно-русской старины: № 5—6. *Н. Петровъ,* «О нѣкоторыхъ змѣевикахъ, энколпіонахъ и образкахъ, найденныхъ въ Кіевской губерніи и вообще на югѣ Россіи»; № 7 — 8. *Ю. Кулаковскій,* «Къ вопросу о каменныхъ бабахъ»; № 9 — 10. *Гр. Уварова,* «Нѣсколько интересныхъ образцовъ древне-русскаго искусства» (описываются нѣкоторыя болѣе замѣчательныя древности кіевскихъ собраній); № 11—12. *Н. Янчукъ,* «Курганы Сѣдлецкой губерніи». Кромѣ того, въ отдѣлѣ хроники помѣщено нѣсколько мелкихъ замѣтокъ.

Не смотря однакожъ на это, не смотря на всѣ его пьяныя заботы, чтобъ я не озябъ,—если бы только Грицько согласился, я бы охотнѣе предпочелъ перебраться къ нему и помѣститься съ нимъ верхомъ на бочкѣ, чѣмъ ѣхать на мягкомъ сѣнѣ, закутаннымъ въ теплые кожухи, *въ тепли, та добри*, но вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ. Начать съ того, что какъ я ни уговаривалъ его сѣсть со мною рядомъ, когда еще собирались выѣзжать изъ города, онъ никакъ не согласился! На всѣ мои доводы онъ только отвѣчалъ:—„какъ можно-съ!", и ременное его лицо всякій разъ раскавашивалось и морщилось отъ тяжести и сырости фронтоваго деликатеса, какъ расквашивается и морщится голенище солдатскаго сапога отъ воды, набранной въ него въ первой дорожной лужѣ... Конечно, теперь, когда горькій опытъ, скорбные примѣры, испытанные на себѣ самомъ и видѣнные на другихъ, научили меня, что ремень, пакля и дубъ, такъ и есть ремень, пакля и дубъ, а не что-либо другое... и что горе тѣмъ, которые принимаютъ ихъ за что-нибудь другое, а не за ремень, паклю и дубъ, (да часто горе изъ-за нихъ и многимъ другимъ),—встрѣтить подобный деликатесъ въ какомъ-нибудь Мундырѣ если и не было бы для меня особенною пріятностію, то не было бы и особеннымъ горемъ. „Что, молъ, дѣлать!" обыкновенная нота въ симфоніи, которую повторяетъ теперь утратившее свой слухъ и свой вкусъ человѣчество!... Но въ тѣ блаженные годы моей жизни, такой деликатесъ передо мною былъ просто диссонансомъ, глубоко оскорблявшимъ мой духовный слухъ. Выросши въ понятіяхъ и нравахъ среды, къ которой я принадлежалъ по происхожденію, и выросши по ея примѣрамъ, я думалъ въ своей дѣтской головѣ: „какъ же это? я—мальчишка, а онъ—старикъ... притомъ и сани, и лошадь его!... Вѣдь увидятъ въ хуторѣ, пожалуй, и обо мнѣ скажутъ, какъ говорятъ о засѣдателѣ, когда тотъ ѣдетъ на обывательской подводѣ: „що вже чортъ, якъ йиде на чоловикови, то тилькы на ёго шыи"...

Разсказы М. Т. Симонова.

Потомъ этотъ человѣкъ оттолкнулъ меня отъ себя еще болѣе—чѣмъ? Теперь я могу разсказать—чѣмъ; но тогда я и самъ не зналъ... Чувствовалъ только, сначала, что мнѣ, кажется, не слѣдуетъ его слушать.. Теперь бы я чувство такое такъ окрестилъ: тутъ, молъ, дубомъ, паклею, казеннымъ подошвеннымъ товаромъ пахнетъ... А тогда подъ конецъ почувствовалъ, что хоть бы и съ саней мнѣ соскочить—уйти отъ этого человѣка!

Виною всему была страсть моя къ сказкамъ и вообще къ разсказамъ,—страсть, которую я старался удовлетворить при всякомъ удобномъ случаѣ, и которая получала въ послѣднее время особенный оттѣнокъ подъ вліяніемъ разсказовъ того мундыра, моего городскаго хозяина,—разсказовъ, полныхъ какого-то благодушія и наивности, но вмѣстѣ и полныхъ какой-то особенной прелести, повѣявшихъ на меня воздухомъ изъ какого-то другого міра, мнѣ въ ту пору еще невѣдомаго,—изъ міра быта воинскаго и военныхъ разгромовъ начала настоящаго столѣтія. Желая и теперь на досугѣ удовлетворить себя въ сласть этимъ лакомствомъ, когда ужъ мы проѣхали версты три-четыре (мы ѣхали сначала медленно) и когда нѣсколько поразговорились съ Мундыромъ, я обратился съ просьбою къ нему разсказать что-нибудь изъ своей военной жизни. Тотъ сначала: „чтò, молъ, вамъ, людямъ грамотнымъ!“; а послѣ расколыхался-таки и пошелъ писать—конечно, съ точки зрѣнія скроеннаго извѣстнымъ образомъ унтеръ-офицера, и о предметахъ, только доступныхъ воззрѣнію оловяшекъ, разумѣнію пакли и вкусу челюстей отъ уха до уха... И говорить нечего, что мнѣ хотѣлось бы послушать разсказовъ о чемъ другомъ; но, за неимѣніемъ этого другого, я слушалъ и то, чтò мнѣ предлагали, хоть предложенное, употребляя приведенное выше выраженіе, отдавало дубомъ, паклею и казеннымъ подошвеннымъ товаромъ. Но когда мой Мундыръ расколыхался уже совсѣмъ, и когда водка, выпитая имъ въ городѣ и въ шинкахъ (шиночковъ, которые намъ встрѣчались, онъ не пропускалъ ни одного), пробрала его поглубже,—сюжетомъ для своихъ разсказовъ онъ на-

чалъ выбирать предметы, которые въ нѣкоторыхъ офицерскихъ кружкахъ называются предметами, принадлежащими къ области унтеръ-офицерскаго амура....

Можете вообразить, что должно было испытывать дитя нашей тогдашней стыдливой и цѣломудренной Украины, слушая подобные разсказы!... Повторяю, хоть бы и съ саней соскочить и уйти отъ этого человѣка, я былъ не прочь!.. Но куда уйти?.. Лучшее, что, я придумалъ для своего спасенія,—погрузиться въ кожухи и притвориться спящимъ...

Но что рѣшительно меня вооружило противъ него и даже поселило ненависть—такъ это слдуѣющіе поступки.

Когда Мундыръ замѣтилъ, что я будто заснулъ,—притихъ и принялся звать меня по имени, очевидно съ намѣреніемъ удостовѣриться, крѣпко ли я сплю,—сначала звать тихо, а потомъ громче и громче: „Васйлька! Васйлька а Васйлька!“. И такъ какъ я не отвѣтилъ на его зовъ,—счелъ меня дѣйствительно спящимъ. „Эка, говоритъ, и заснулъ!...“ и при этомъ употребилъ побранку, которая на Руси употребляется въ разговорѣ такъ же часто, какъ, напр., часто употребляется воздухъ для дыханія.... но которой въ печати еще никто, никогда и нигдѣ не употреблялъ... Стыдно и обидно было мнѣ услышать такую побранку, но что дѣлать, надо было молчать... притворился спящимъ, притворяйся и неслышащимъ!... не у всякаго хватитъ совѣсти признаться, что, дескать сонъ мой былъ ложь, притворство....

Убѣдившись, что я сплю, Мундыръ остановилъ лошадь, слѣзъ съ саней и началъ поджидать ѣхавшаго ровною ѣздою и на этотъ разъ отставшаго Грицька.

— А чогд ты стоишъ?—спросилъ послѣдній, приблизившись и тоже останавливаясь.

— Тише, тише! Вѣдь чертенокъ-то спитъ!

Новая побранка!... И сколько бы, можетъ быть, и еще новыхъ услышалъ я потомъ, въ своей жизни, если бы имѣлъ хоть сколько-нибудь поползновенія врываться воровскимъ образомъ

въ дѣла, не для моего вѣдѣнія творимыя, и въ рѣчи, не для моего слуха произносимыя!

За новою побранкою послѣдовалъ у Мундыра съ Грицькомъ разговоръ, содержаніе котораго было такое: со стороны Мундыра—что, дескать, „подъ тобою бочка, въ ногахъ у тебя топоръ, а у меня въ карманѣ *волочбкъ*—я таки подтибрилъ у того бездѣльника!... топоромъ откупоримъ бочку, а волочкомъ достанемъ, и все будетъ ладно!" а со стороны Грыцька—„Оцé, на тебé все зле лыхè!... Хиба ще ты не насмоктàвся!"

Чѣмъ бы этотъ разговоръ кончился, если бы я далъ время ему развиться,—не знаю; но я не могъ долѣе выдержать и началъ ворочаться на саняхъ... Замѣтивъ мое движеніе, Мýндыръ тихонько на сани... и мы тронулись далѣе.

Тяжелое, очень тяжелое впечатлѣніе произвели на меня всѣ эти продѣлки Мýндыра! Мнѣ въ первый разъ пришлось увидѣть вещи въ такой возмутительной наготѣ... Я еще болѣе закутался въ кожухи и еще болѣе старался казаться спящимъ, чтобы не видѣть этого человѣка и ужъ не говорить съ нимъ.

Но еще болѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня другой его поступокъ, бывшій тоже по поводу водки въ бочкѣ, но уже направленный прямо на меня. Сценою дѣйствія на этотъ разъ была теплая хата одного добраго человѣка, къ которому мы заѣхали обогрѣться и, вмѣсто обѣда, поѣсть чтó тамъ наготовлено моею доброю матерью для путниковъ.

Обогрѣлись немного, а Грыцько сталъ доставать, изъ мѣшка и ящика, съѣстное.

— Чтò жъ,—говоритъ Мýндыръ, которому хмѣль и бесѣда въ саняхъ, очевидно, придавали теперь развязности больше, чѣмъ при выѣздѣ изъ города, и онъ не церемонился уже выступить и развернуться во всей своей красѣ.—что жъ, къ обѣду надо таво!... и щолкнулъ себя извѣстнымъ способомъ по галстуху....

Я не зналъ, куда и глядѣть; Грыцьку тоже, повидимому, хотѣлось спрятаться въ мѣшокъ, а хозяинъ только улыбнулся тихо:—„всякови, мовъ, на свити люде бувàють!"

— Что-жъ вы молчите, словно глухіе! таво бы, говорю!... Ну, ты (ужъ и ты!), Васйлька! отпусти-ка намъ къ обѣду таво!...

— Дежъ я тоби визьму?... Въ мѐне грóшей немà!—пролепеталъ я, совершенно уже растерявшійся, не смѣя ни на кого взглянуть.

— И не надо *грошей*!... ты только молчи, а мы ужъ найдемъ!... Бочку, знаешь, таво, съ Григоріемъ?...

У меня покатились слезы по лицу.

— Чи ты дóвго ще бýдешъ, проклягый!... закричалъ наконецъ Грыцько, въ бѣшенствѣ вскакивая съ мѣста:—оцé! се наваждéніе, а не чоловикъ!... и ударилъ себя о полы руками.

— Чýешь, москáлю!—отозвался наконецъ и хозяинъ хаты спокойнымъ, но твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:—въ мои хати нихто ще такихъ ричей не чувъ, якъ оцѐ ты балàкаешъ—щобъ пидмовлять незмыслéнихъ дитéй на крадíжку [1])!... Ты вибачàй [2]), будь лáскавъ, що я тоби, старòму, таке, та ще въ свои хати... Мы хоть и бидны люде, и пáнськи, тильки, кажý, въ насъ никóлы ще сёго не було, та ще сýпротивъ влàсныхъ родытеливъ... Такъ колú хóчешъ бýты тутъ, въ мои хàти, не балáкай такóго! а хóчешъ балàкать—зъ Бóгомъ зъ моèи хàти! отò тоби Богъ, а отó порóгъ!...

И онъ указалъ ему рукою сначала на *покуття* съ образами, а потомъ на дверь...

Мýндыръ, впрочемъ, не нуждался уже въ такой апострофѣ. Какъ ни глупъ онъ былъ, но изъ моихъ слезъ и бѣшенства Грыцька онъ понялъ, что почва на которой ему, вслѣдствіе какой-то безсмысленной судьбы, суждено теперь дѣлать разные житейскіе марши, не изъ тѣхъ, по которымъ онъ до сихъ поръ хаживалъ своими ножищами, и гдѣ все такъ ужъ и прилажено болѣе и менѣе, чтобы руки, подобныя его рукамъ, могли находить свое должное примѣненіе. Онъ замолчалъ, и во все время нашего обѣда, и пока мы снова не поѣхали далѣе,

---

[1]) На воровство.

[2]) Извини

не проговорилъ ни слова. Только когда выѣхали за село, онъ открылъ свой огромный ротъ, и первыя его слова были—просьба ничего неговорить отцу о случившимся:—„Я," говоритъ, „предъ вами буду, Васйлька,—енералъ бы остался доволенъ!.." Чтобы отвязаться отъ него, я обѣщалъ молчать—и онъ послѣ этого обратилъ все свое вниманіе, что бы дѣлать такое, чѣмъ, по его выраженію, и генералъ бы остался довсленъ, т. е., немилосердно меня терзать цѣлый день...

Первое, чѣмъ бы, по его мнѣнію, остался генералъ доволенъ, было—скорая ѣзда...

И я любилъ скорую ѣзду, очень любилъ! Любилъ пуститься въ обгонъ за степнымъ вѣтромъ на выстоявшихся скакунахъ, на разстояніи какихъ-нибудь трехъ-четырехъ верстъ! Но въ болѣе далекой ѣздѣ, или на усталыхъ лошадяхъ—развѣ бы непремѣнно нужно, иначе нельзя... (и по твоей ласкѣ, по особенному уходу, бѣдныя животныя чувствуютъ, что иначе нельзя... и какъ-то веселѣе они несутъ свою горькую долю, не такъ болитъ у тебя сердце, глядя, какія впадины у нихъ подъ глазами отъ истомы, какъ поджимаютъ ноги отъ устали!...) Безъ нужды же гнать въ далекой ѣздѣ измученныхъ животныхъ,—нѣтъ, не по моему вкусу такое удовольствіе!..

Мундыръ о моемъ вкусѣ не справлялся, и безъ всякаго милосердія стегалъ кнутомъ Сѣраго... А когда ужъ не въ-мочь мнѣ это стало, и я рѣшился сказать, что не за-чѣмъ гнать лошадь, когда она спотыкается даже,—истолковалъ мое неудовольствіе по своему... „Проклятая!" ревѣлъ:—„уши повѣсила!... голову держать смѣло, смотрѣть веселѣй!...", и неистово передергивалъ возжами!...

И разинувъ ротъ... съ окровавленными зубами, съ струйками поту на ноздряхъ, бѣдное животное сѣменило ногами, держало голову смѣло и смотрѣло веселѣе... какъ сѣменитъ бывало, во времена давно минувшія, и держитъ голову смѣло и смотритъ веселѣе какого-нибудь полка запѣвало... Офицерикъ словно пляску выплясываетъ впереди, словно камешки—мечетъ рѣчи назадъ, чрезъ эполетъ: „веселѣй, ребята, веселѣй!

такъ и такъ вамъ и всѣмъ вашимъ родственникамъ!...", справа и Груня, и Дуня, и Саша, и Наташа... у окошечка стоятъ, на офицерика глядятъ, улыбочками браваго-молодца манятъ... а запѣвало—на глаза каска, лицо горитъ-почернѣло, губы запеклись, а онъ—веселѣе и веселѣе! а за нимъ веселѣе и веселѣе и весь хоръ пѣсельниковъ:

Чтó веселая-то наша жисть солдатская!..

или:

Какъ во тысяча семсотъ такомъ-то году!...

Второе, чѣмъ по мнѣнію Мýндыра, остался бы и генералъ доволенъ, было... Впрочемъ, вы сами сейчасъ увидите, чтò это такое было; а пока—разскажу, какого маршрута держался нашъ Мýндыръ во время нашего путешествія и куда онъ завезъ меня.

Надо вамъ сказать, что изъ города въ нашъ хуторъ есть два пути, лѣтній и зимній. Каковъ лѣтній путь, нѣтъ необходимости теперь вамъ говорить; зимній же путь—пролегаетъ сначала по толокамъ и полямъ, а потомъ, вплоть до самаго хутора, по рѣкѣ, т. е. подъ горою вдоль рѣки, по окаймляющимъ ее лозамъ и очеретамъ. Путь этотъ довольно прямой, или, лучше сказать, совершающему путешествіе по немъ, если только онъ человѣкъ расторопный и внимательный, довольно трудно сбиться, потому что, какъ я сказалъ сейчасъ, путь идетъ вдоль рѣки подъ горою, и, слѣдовательно, стóитъ не только отдалятся особенно отъ горы—и всегда можно попасть, куда слѣдуетъ. Но на пути этомъ встрѣчается много перекрестковъ и поворотовъ къ рѣкѣ. Все это большею частію дорожки, ведущія къ скирдамъ и стогамъ сѣна, разбросаннымъ по обѣимъ ея сторонамъ и на островахъ, къ купамъ накошеннаго очерету и нарубленной лозы, къ лѣсамъ, поросшимъ кое-гдѣ вдоль рѣки, къ рыболовнымъ тонямъ и т. п.; остальныя же дорожки идутъ къ разнымъ зарѣчнымъ селамъ, болѣе или менѣе отъ рѣки отдаленнымъ. Слѣдовательно, при всей трудности сбиться съ этого пути путешественнико расторопному или внимательному, онъ, путь этотъ, именно изъ такихъ путей, на которомъ путеше-

ственнику нерасторопному или невнимательному легче всего попасть не туда, куда бы слѣдовало. Онъ можетъ тутъ побывать и на рыбныхъ тоняхъ и посмотрѣть, какъ рыбаки тащатъ неводъ изъ-подъ льда; можетъ попасть и въ какой далекій лугъ и покончить эту прогулку тѣмъ, что наконецъ ни дороги, ни слѣду нѣтъ, и только впереди, передъ лошадьми, мѣсто виднѣется, на которомъ стоялъ стогъ сѣна... а пожалуй, онъ можетъ забраться такимъ способомъ и Богъ вѣсть куда!

Му́ндыръ, какъ вы и сами, можетъ быть, догадываетесь, не обладалъ расторопностью и внимательностью, необходимыми для случаевъ, подобныхъ нашей поѣздкѣ. Въ другомъ чемъ, можетъ быть, и такъ; но тутъ—не ладно, да и полно! Ему никакъ не пришло въ голову пріобщить къ своему свѣдѣнію разъ навсегда, какъ и совѣтовалъ ему Грицько сдѣлать это нѣсколько разъ, что такъ какъ хуторъ нашъ на той же горѣ, вдоль которой мы ѣдемъ, то отдаляться отъ нея никакъ не слѣдуетъ. Да и какъ, впрочемъ, это могло прійти ему въ голову! Вѣдь это значило бы послушаться умнаго совѣта и потомъ разсуждать,—а какъ, ему признать чей-нибудь совѣтъ умнѣе своего собственнаго—и, конечно, еще командирскаго! Да еще и разсуждать!.. Онъ, которому столько разъ доставалось, чтобы не разсуждалъ, который самъ вооружался противъ разсужденій, онъ разсуждать!.. Тьфу! маршъ впередъ, да и баста! эта дорога проторенная—катай-валяй! Вѣдь куда-то да доведетъ!...

И каталъ-валялъ мой Му́ндыръ!...

Пока дорога шла по полямъ и толокамъ,—полбѣды еще было; полбѣды было первое время, когда мы спустились и къ рѣкѣ: Му́ндыръ хоть и рвался впередъ и часто оставлялъ Грицька, но все-таки болѣе или менѣе держался у него на виду, и тотъ или останавливалъ его крикомъ, если былъ недалеко, или поджидалъ гдѣ, пока мы понавѣдаемся тамъ къ тонямъ, съѣздимъ въ лѣсъ; словомъ, до обѣда дѣло шло болѣе или менѣе сносно. Но послѣ сцены за обѣдомъ, Мундыръ поѣхалъ по такому маршруту, какого, вѣроятно, не держался еще никто и никогда...

Грицька потеряли совершенно изъ виду и рѣшительно не знаемъ, гдѣ онъ и какъ... гонимъ только Сѣраго—куда? Богъ знаетъ! должно быть впередъ!... Вѣдь держимся же *линіи*!.. Выскочимъ за рѣку, съ поля: „Э, нѣтъ“, говоритъ: „*линію* потеряли!“, и назадъ... Можетъ быть, это не наша рѣка, притокъ, не наша линія—что́ намъ за дѣло!.. намъ лишь бы линія...

А когда стемнѣло,—потеряли и линію.... гонимъ Сѣраго гдѣ-то ужъ степью... Селъ и хуторовъ нѣтъ, лѣсковъ и байраковъ тоже... Какъ-будто все это издали заслышало мундырскій духъ и посторонилось съ пути, какъ сторонятся гуси, утки и разная домашняя птица, когда быкомъ овладѣетъ бычачья прыть, и, поднявши штандартомъ хвостъ, мчится на нихъ, словно бѣшенный, и—то лягнетъ, то ревнетъ, то воздухъ рогами боднетъ..

И пригнали мы такимъ образомъ наконецъ Сѣраго—хуторъ, село ли, Богъ его вѣдаетъ! живутъ видно люди... Можетъ быть это и нашъ хуторъ...

Мундыръ остановилъ Сѣраго у первой хаты, въ которой свѣтился огонекъ въ окошечкѣ, соскочилъ проворно съ саней и стучать!..

— Хто тамъ?—отозвался, должно быть, хозяинъ хаты, открывая *кватирочку* (форточку).

— Х-т-о-т-амъ!—передразнилъ Мундыръ, вѣроятно въ видахъ внушенія страха, деморализованія, такъ сказать непріятеля:—Глаза есть—смотри, кто!.. Какъ деревня зоветця!

— Та се не деревня, а хуторъ... Проваллямъ звется!

— Что за Провалъ?... А повѣта какого?

— На́шого таки, Ського...

Господи, какъ разсвирѣпѣлъ Мундыръ, узнавши, что мы въ чужомъ уѣздѣ! Досталось тутъ и *проклятой сторонѣ*, *и проклятымъ дорогамъ*! а ужъ *Сѣрому проклятому* досталось—и говорить нечего! Кончилось тѣмъ, что велѣлъ разговаривавшему чрезъ окошечко земляку проводить насъ до *ота́мана*.

— На що-жъ тоби,—говорю,—отаманъ!..

— Да ужъ надо!

— Та на що нада?

Да ужъ молчите! Сказалъ, генералъ—такъ генералъ!

Я замолчалъ... Я догадался, что Мундыръ снова какъ-то собирается угодить мнѣ, по своему; но что дѣлать!.. Вбить что-нибудь ему въ голову было выше моихъ силъ, а къ угрозѣ обратиться—что разскажу отцу,—не въ моемъ характерѣ было. Я могъ въ подобномъ случай или молчать и, затаивъ свои чувства, какъ говорится, кипѣть... или же вспыхнуть на мгновеніе и выбросить наружу вспышку чѣмъ-нибудь въ родѣ „плюю на твою дурну голову“, чего, конечно, въ настоящемъ случаѣ, я никоимъ образомъ не могъ допустить, потому что въ рыжей щетинѣ Мундыра уже водилась сѣдина, а старшіе возрастомъ у насъ пользуются такимъ уваженіемъ, что даже рѣдкое панское дитя позволитъ себѣ неуважительно обойтись съ старшимъ по возрасту, и не только съ посторонним, но даже и съ крѣпостнымъ своего отца.

Наконецъ отаманъ былъ отысканъ, и Мудныръ велѣлъ ему одѣться и сейчасъ выйти на дворъ. „Да жива“. кричалъ онъ.

..... Мундыръ досталъ изъ кармана плоскій деревянный ящичекъ, въ родѣ тоненькаго томика въ малую осьмушку, открылъ боковую его сторонку и вытащилъ изъ него какую-то бумагу, *отставку,* какъ я узналъ послѣ; сунулъ отставку въ въ руки атаману и велѣлъ „сейчасъ жива“, давать квартиру—да хорошую квартиру! Отаманъ возразилъ, что надо сначала прочитать бумагу, а потомъ давать квартиру; но Мундыръ такъ раскричался, такого далъ ему подзатыльника, что отаману не оставалось ничего другого, какъ поскорѣе вести насъ къ какому-нибудь богатому козаку... Конечно, ему оставалось и кое-что другое еще, но... но... но что объ этомъ толковать?!...

Повелъ насъ отаманъ, и, уходя, бросилъ лаконическое приказаніе прежнему нашему провожатому:—А ты,—говоритъ,—до писаря... Якъ що не тамъ *тée,*—до Деркача!..

Привелъ насъ до Деркача отаманъ... Мундыръ принялся тотчасъ распоряжаться—и то прочь, и то подавай!.. Тѣмъ временемъ въ хату ввалилась опившаяся, взъерошенная, крѣпко

подержаная фигура писаря... Фигура была и очень *тёе*, а все-таки, по приказанію отамана, принялась за отставку и начала *слебезовать* [1]). Какъ ужъ она слебезовала, и какъ отаманъ и всѣ присутствовавшіе слушали, ровно ничего не понимая—ничего и разсказывать! Довольно, что тотъ слебезовалъ, а тѣ слушали... И быть можетъ, онъ прослебезовалъ бы всю отставку хоть къ полуночи, такъ случилось одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство—подвернулось названіе полка, въ которомъ служилъ когда-то Мундыръ, премудреное, непреоборимое названіе!..

Видали вы, какъ пьяный, склоняясь по улицѣ, наткнется на бревно?

„Вишь," говоритъ, „и бревно!"... плечами вздвигиваетъ, грустно покачиваетъ головою... „Да," говоритъ, „бревно". Вдругъ овладѣваетъ имъ рѣшимость: „Что," говоритъ, „бревно! эка невидаль!" распахнулъ полы и поднимаетъ ногу—будто тяжесть какая на ней! еще усиліе и... Но нога покачнулась, хватила въ сторону, и бѣднякъ шлепнулся!.. Въ третій разъ, въ четвертый—какъ-будто на бревнѣ невидимая сила безплотная издѣвается надъ добрымъ человѣкомъ, чтобы не перешагнулъ, а валился бы и валился, на посмѣяніе образа и подобія Божія, на соблазнъ всѣмъ другимъ добрымъ людямъ!..

Что-то подобное творилось и съ бѣднымъ писаремъ, когда онъ вступилъ въ борьбу съ тѣмъ непреоборимымъ полкомъ. Вотъ два слога ужъ подвернулъ подъ себя, на третій началъ карабкаться,—вдругъ какъ оборвется, какъ *штрпр!*

— Эхъ ты чучело хохлацкое!—воскликнулъ наконецъ Мундыръ, очевидно оскорбленный такимъ, по его мнѣнію, обиднымъ коверканьемъ полка:—и полка-то нашего не знаетъ, а тута же рыло суётъ!.. Бумагу только мою опорочишь!.. Проваливай!—крикнулъ онъ въ заключеніе, и, вырвавъ у него изъ рукъ отставку, засунулъ ее снова въ свой деревянный бумажникъ и спряталъ его въ карманъ.

---

[1]) Дурно читать, читать какъ бы по складамъ.

— Такъ якъ же?...—возразилъ-было отаманъ; но Мундыръ такъ принялся браниться и кричать, что отаманъ счелъ за лучшее „удалиться отъ зла и сотворить благо“, махнулъ рукою и пошелъ изъ хаты:—„нехай, мовъ, на тебе все зле-лыхе, манія ты гаспидьска (вѣроятно отъ греческаго μανία)!“ За отаманомъ выползъ молча изъ-хаты и писарь: сконфузилъ его крѣпко-крѣпко этотъ мудреный полкъ!

Зная изъ прежнихъ моихъ разсказовъ [1]), въ какой степени развито было во мнѣ чутье смѣшнаго и комическаго во всемъ, что ни встрѣчалось мнѣ, и въ какой степени развита была во мнѣ смѣшливость, вы, можетъ быть, думаете, друзья мои, что я смѣялся, глядя на всю эту сцену? Нѣтъ, не до смѣху мнѣ было тогда! Не имѣй эта сцена для меня своего предыдущаго, не понимай я значенія ея, какъ извѣстнаго явленія въ ряду другихъ явленій,—словомъ, будь я тогда только случайнымъ зрителемъ, а не участникомъ, по необходимости разумѣвшимъ мотивы, которыхъ она была послѣдствіемъ, и весь печальный ихъ смыслъ, и т. д. и т. д., я бы смѣялся, какъ смѣюсь теперь, забывъ все и все, а только глядя въ воображеніи на это всеобщее глубокое вниманіе къ тому, чего никто не понималъ—„А ну, ну! мовъ!.. эге! бачъ!...“ на это слебезованіе писаря, на штурмъ, который онъ нѣсколько разъ предпринималъ противъ полка, на ярость Мундыра—„какъ де не знать его полка!..,“ „еще опорочать отставку!..“ Но зная, какъ и что, понимая, что вѣдь то, что мы дѣлаемъ, почти воровство и грабежъ,—я, какъ дитя своей родины, какъ членъ сословія, которое такимъ глубокимъ уваженіемъ окружило въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ право *господаря въ его господи* и которое право пользованія чужимъ хлѣбомъ и солью понимаетъ только въ формѣ гостепріимства... и наконецъ, я, какъ членъ семьи, которой самой, хоть можетъ быть и въ другомъ видѣ, приходилось не разъ испытывать на себѣ то, что мы съ Мундыромъ дѣлали теперь другимъ,—могъ

[1]) Это указаніе Василія Петровича относится главнымъ образомъ къ неизданнымъ еще разсказамъ.

ли я смѣяться, глядя на эту сцену! Даже теперь у меня исчезаетъ охота смѣяться, когда я, оставляя простое созерцаніе въ воображеніи, начинаю думать обо всемъ... Мнѣ даже совѣстно, становится за свой смѣхъ!.. Но тогда—для меня было что-то глубоко возмутительное въ нахальствѣ, съ которымъ Мундыръ добывалъ ночлегъ и которымъ поставилъ меня въ такое несносное, непривычное для меня положеніе! „Что", думаю, „если объ этомъ да узнаютъ въ хуторѣ!.."—и не знаю, на что бы я не рѣшился тогда, лишь бы всего этого не было... чтобы такъ, сказать, вычеркнуть этотъ вечеръ изъ моей жизни, быть гдѣ-угодно, хоть даже въ училищѣ, только бы не здѣсь, не въ этой хатѣ, предъ этими людьми, какими-то унылыми, будто истомленными какимъ-то горемъ!.. Но возстать противъ Мундыра открыть его тутъ же, всенародно,—нѣтъ! Чтобы люди такой духовной комплекціи, какъ мы, могли возставать противъ такого нахальства, какъ мундырово, надо, чтобъ они прошли сначала сквозь многія-многія испытанія, потеряли въ нихъ, испытаніяхъ этихъ, много-много дѣтской наивности и непорочности души, а вмѣсто ихъ запаслись бы многимъ-многимъ... А до того,—они умѣютъ только страдать, страдать и страдать....

Но главное мое горе было еще впереди... Когда отаманъ ушелъ, и Мундыръ почувствовалъ себя вполнѣ на свободѣ,—удаль и прыть его развернулись совершенно...

— Ужинъ готовить—крикнулъ онъ хозяину:—да жива!..

— Колы-жъ [1]) уже?—осмѣлился было возразить тотъ:—пизно!...

Пѣз-но!.. и такъ толкнулъ его въ спину, что тотъ едва не свалился:—говорятъ „готовить"! такъ не разсуждать!..

— Та у насъ же,—отозвался я,—и свое есть...

— Вы ужъ молчите,—говоритъ,—Василька молчите!—и, какъ бы вдохновленный новою идеею, выпрямился и указывая на меня пальцемъ—видишь,—говоритъ хозяину,—енеральское дитя везу!....

---

[1]) Когда-же.

Я снова не выдержвлъ, какъ и передъ обѣдомъ, и снова заплакалъ...

Всѣ смутились. Мундыръ, конечно, подумалъ, что выходитъ, онъ что-то лишнее брякнулъ...а хозяевамъ, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ: „генеральское, молъ, дитя!.. боится, голодно будетъ!..“ По крайней мѣрѣ что-то подобное, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ старухи, матери хозяина, сидѣвшей на печкѣ и до сихъ поръ непринимавшей никакого участія во всемъ происходившемъ; потому что, замѣтно встревоженная, обратилась съ такими словами къ своей невѣстѣ. „Ты бъ, дочко, вареничкивъ пшеничнихъ имъ, и ще бъ чого!.. А поки що,—оришкивъ, медяныкивъ [1]) що зъ города Иванъ прывизъ! .

— Спасыби,—прервалъ я сквозь слезы:—я вечерять не хочу... и не зная, что больше сказать:—пустить мене,—говорю,—туды, до себе на пичъ... — — — —

. . . Пока выѣхали мы изъ Проваллл, солнце и совсѣмъ взошло... Ѣхать, однако, было все-таки холодно: рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, а морозъ пронималъ все крѣпче и крѣпче. Я старался, по этому, закутаться въ тулупы получше, зарыться въ сани поглубже. Но послѣднее оказалось дѣломъ очень труднымъ: сани полны были сѣна, и я или долженъ былъ торчать сверху, или, если мнѣ захотѣлось бы непремѣнно опуститься пониже, долженъ былъ сбросить часть сѣна.

— Нащо,—говорю Мундыру,—ти накупывъ стилькы сина? Татусь буде сердыться!

— Да я, Васылька, не покупалъ!

— Якъ не куповавъ?

— Да такъ! у бездѣльника много... въ ефтомъ *Провалѣ* деньги цѣлы, всѣ сдадимъ старику! Только ужъ божескую милость, Василька, на счетъ, то есть, бочки... и тово... то есть вечеромъ....

. . . Уже солнце собиралось опуститься за горизонтъ, когда мы приблизились къ горѣ... Я не могъ долѣе удержаться и, соскочивши съ саней, кратчайшимъ путемъ на гору!..

---

[1]) Пряникивъ

Вонъ телята навстрѣчу—къ рѣкѣ, бѣгутъ... мурое, рябое, *кривенькe*!... „Здравствуй, здравствуй, мое бѣдненькое!... Ахъ, здоровъ бувъ, Оксентію!..

И овечки... „бырю, бырю“!.. И Антонъ, и рябко, и *билка*... „Здравствуйте, здравствуйте, вамъ, вси дорогіе мои!.. а мама здоровенька?“...

И не дождавшись отвѣта стрѣлой на гору...

Въ *прихожи* народу много, много—гости!... Вонъ, въ спальнѣ, сестра старшая... братья старшіе,—въ *пекарню*...

— Матусю!

— Ахъ!..

Все и всѣхъ забыла!.. обнимаетъ, цѣлуетъ, плачетъ:—Дитыночко моя!.. сыночку мій!...

— Старà!.. старà!—старикъ оттуда изъ свѣтлицы.

— Заразъ, заразъ!.. Голубоньку мій, чи живъ ти, чи здоровъ?

— Панотець васъ кличуть!

— Заразъ!.. А матери не забувъ?

И не скоро она, можетъ быть, оторвалась-бы отъ меня, несмотря и на зовъ отца, несмотря на то, что по его голосу она, можетъ быть, и изъ могилы бы встала, еслибы только надъ ея могилою могъ когда-нибудь раздаться этотъ голосъ.... Но дверь кухни скрипнула, и изъ-за нея выглянулъ самъ мой сѣдоволосый...

— Эге,—говоритъ:—не въ чимъ не реве, ажъ дома нема!.. Дывытця!—и отворилъ двери настежъ.—Може вы,—говоритъ,—не бачилы, якъ корова теля облызуе, то подывитця!...

Во все время моего пребыванія дома, я почти не входилъ въ остальныя комнаты, а все сидѣлъ въ кухнѣ и все плакалъ— и вечеромъ въ субботу, и весь день въ воскресенье, и въ понедѣльникъ! Сколько не утѣшали меня, сколько не доставляли мнѣ разныхъ развлеченій,—я плакалъ и плакалъ, сидя въ кухнѣ за столомъ и опершись на него локтями!.. Какая была причина этихъ слезъ—для меня и теперь загадка! Была ли это тоска о томъ, что сестра выходитъ замужъ и что, слѣдовательно, мы

теряемъ одного члена семьи,—или шумное и многолюдное веселіе и тогда уже производили на мою душу тяжелое впечатлѣніе,—рѣшительно не знаю!...

Во время пребыванія моего дома, я очень мало видѣлся съ матерью: гостей толпа, пированье день и ночь, некогда! Прибѣжитъ бывало ко мнѣ, начнетъ меня утѣшать, обливаясь и сама слезами,—зовутъ!... обнимаетъ, поцѣлуетъ, дастъ какое лакомство,—и снова убѣжитъ:—„Не плачь же", говоритъ, „моя дитыночко, не круши мене!..." Чрезъ нѣсколько времени опять то же...

Только во время сна она была со мной неразлучна, если только сномъ можно назвать какое-нибудь двухъ-трехчасовое затишье въ ночномъ пированьи... Когда бывало въ домѣ шумъ нѣсколько стихнетъ, попроситъ кого изъ знакомыхъ или родныхъ за всѣмъ присмотрѣть, возьметъ соннаго гдѣ тамъ я заснулъ, отыщетъ мѣсто и приютится: „Хоть полежу коло ёго... хоть рука моя буде на ему!..."

Это ли, что во время гостеванья я не могъ часто видѣться съ матерью, или что вообще мнѣ было тяжело быть на этой свадьбѣ... а можетъ быть, что чрезъ недѣлю я снова долженъ былъ пріѣхать домой, на масляную,—выѣзжать изъ дому я собрался безъ особеннаго горя, и сколько помню, не плакалъ во время сборовъ нисколько...

[1]) ... Наконецъ, я совсѣмъ собрался, *Била* готова, и въ прихожую вошелъ *Козелъ* за моими вещами.

— Гляди жъ, будь ласковъ,—говоритъ ему отецъ:—бережи хлопця, щобъ не змерзъ!...

— Та вже жъ, извисно! *Береженого и Богъ береже!* и Козелъ погладилъ рукою по своей высоко-подбритой чупринѣ.

— И кобылу тежъ! *Пошануй скотыну—вона тебе тричи пошанує!* и снова погладилъ рукою Козелъ по своей высоко-подбритой чупринѣ...

И будь ласковъ,—знаешъ, яка Била!.. Поидете болотами,—на дорогу направляй, навпростець (прямо) не идьте нигде!..

---

[1]) Основа 1861 г., № 7, 34—43.

— Та вже жъ, звисно!.. *Поидь кругомъ, то сёгодня поспіеть, а поидь навпростéць—дай Боже, щобъ пислязавтрёго*! и высокоподбритая чуприна была поглажена въ третій разъ.

— Выпый же!..

Выпилъ Козелъ одну чайную чашку водки—большую чашку!—выпилъ другую, выпилъ и третью!.. Конечно, дать Козлу выпить такую порцію, значило сдѣлать его совершенно неспособнымъ шанувать скотину; но отецъ все-таки далъ выпить... почему? Богъ его знаетъ! Можетъ быть, угаръ трехсуточной погулянки заставилъ сѣдоволосаго упустить изъ виду и то, и другое, а можетъ-быть, онъ поддался обычаю нагружать все выѣзжающее изъ свадебнаго двора какъ-можно поплотнѣе.

Наконецъ Козелъ былъ нагруженъ, я простился со всѣми домашними и *Била* пустилась со двора... Пусть же она мчится себѣ, сначала черезъ дворъ, потомъ вдоль хутора, потомъ съ горы на рѣку, а я тѣмъ временемъ кое съ кѣмъ и кое съ чѣмъ васъ познакомлю.

Во-первыхъ, познакомлю васъ съ содержаніемъ праваго кармана моего полосатаго нанковаго жилета. Тамъ, въ этомъ правомъ карманѣ, было ниболѣе нименѣе, какъ шестьдесятъ копѣекъ ассигнаціями—сумма огромная въ то время для мальчика моихъ лѣтъ, а въ особенности—ѣдущаго въ городъ всего на одну недѣлю! На эту сумму можно было у насъ тогда купить по крайней мѣрѣ два пуда муки, или шестьдесятъ огромнѣйшихъ бубликовъ,—просто, можно было кормиться цѣлую недѣлю. Но, что для насъ гораздо важнѣе,—на эту сумму можно было пріобрѣсть тогда въ какомъ угодно шиночкѣ, кромѣ, разумѣется, городскихъ, квартъ пять водки, и это можно было сдѣлать тѣмъ легче, что всѣ шестьдесятъ копѣекъ, бывшія у меня въ карманѣ, были мѣдною монетою, пользовавшеюся въ то время, вмѣстѣ съ ассигнаціями, такимъ важнымъ предпочтеніемъ въ Малороссіи предъ монетою серебряною.

Не мѣшаетъ познакомить васъ нѣсколько и съ *Билою*... Самка эта принадлежала къ породѣ тѣхъ лошадиныхъ самокъ, которыя и на старость сохраняютъ юношескій жаръ и юношескую

прыть,.. и принадлежала къ ней, къ этой породѣ—если только можно такъ выразиться—безусловно и беззавѣтно, со всѣмъ своимъ лошадинымъ существомъ, покрытымъ бѣлою шерстью.

Какъ, напримѣръ, она ни была стара, и сколько разъ она ни была въ необходимости испытывать на себѣ всѣ варварства лошадиной акушеріи хуторскаго изобрѣтенія,—знать ничего не хочетъ, да и только!.. и—что годъ, то и лошонокъ!.. Годы даже какъ-будто только увеличивали въ ней юношескій пылъ,—и она дошла, наконецъ, до того, что даже забыла про свою материнскую гордость и про свою бѣлую шерсть: иная въ ея лѣтахъ, если ужъ нельзя одѣть дѣтище въ бѣлую рубашечку, какъ и у себя,—хоть звѣздочку бѣлую на лобъ прилѣпить или копытокъ побѣлить, а она и отъ этого отказалась, и просто до шестинки одноцвѣтные лошонки, гнѣдые тамъ или рыжіе, смотря по обстоятельствамъ... И опять: сколько она на долгомъ вѣку своемъ ни избѣгала пространства и по дорогамъ и безъ дорогъ, *навпростецъ*... и какъ ни стары были ея бѣлыя ноги, но поручите бывало ей что—„пожалуйста-молъ, *Била*, такъ и такъ.... вотъ тамъ далеко село, или *байрачокъ*, или—вонъ у тебя изъ-подъ переднихъ ногъ побѣжала впередъ дорожка...“—и, съ сѣдокомъ на спинѣ, или съ саньми, или съ повозкою назади, пустится она какъ стрѣла рысью (и именно рысью, а не *скóкомъ* или *навздводи*; *скокомъ* или *навзгоди* бѣгать—было не по ея части), пустится со всѣмъ юношескимъ жаромъ и увлеченіемъ, и именно туда, куда вы ее направили: по дорогѣ направили—пустится по дорогѣ, и будетъ бѣжать, пока дороги у нея не станетъ подъ ногами; на село или байрачокъ направили, полетитъ на село или на байрачокъ, не спуская съ нихъ глазъ и не обращая вниманія ни на засѣянныя поля, ни на рытвины, ни на что... и будетъ летѣть такъ (если, конечно, не попадетъ гдѣ въ канаву) до тѣхъ поръ, пока не влетитъ въ байрачокъ и не запутается въ немъ межъ деревъ и кустарниковъ, повозкою, что-ли... или пока не влетитъ въ село и не хватитъ носомъ, или оглоблями, въ плетень или въ избу, или во что другое, что очутится ей тамъ на перепутьи... Остановится потомъ, искры, можетъ быть, отъ толчка посыпались изъ глазъ, паръ изъ ней столбомъ, бока крутые

ходоромъ ходять, а она только уздечкою весело побрякиваетъ, да ушами самодовольно поводитъ: „Сполнила“, молъ, „свой долгъ!“...

Любили за это *Билу*, за эти полезныя, пріятныя и веселыя качества, любили всѣ очень, очень! А ужъ возницы и особенно всадники—и говорить нечего! Да и какъ было имъ не любить ея? вѣдь имѣть дѣло съ лошадью, которая такъ „сполняетъ свой долгъ“,—просто—кладъ!.. укажи только ей дорогу, да и заваливайся смѣло спать въ повозку или сани, или дремли, ухватясь покрѣпче за сѣдельную луку!.. потому-что надобно и то еще сказать, что рысь у *Билой* была необыкновенно легкая, и ѣхать было на ней—*якъ на подушци*, какъ у насъ выражаются въ подобномъ случаѣ. Любилъ ее за эти качества и покойникъ отецъ, и если предстоялъ путь, который долженъ быть совершенъ быстрою и скромною и послушною лошадью,—«Билу запрягайте!»,—въ особенности, если возница былъ не вѣтрогонъ, а человѣкъ солидный.

Позвольте жъ еще въ заключеніе познакомить васъ и съ Козломъ,—возницею, который долженъ былъ управлять *Билою* во время обратнаго моего путешествія въ городъ.

Козелъ—это типъ довольно распространенный въ Малороссіи. Онъ изъ дѣда и прадѣда былъ украинецъ, но въ немъ была еще примѣсь какой-то восточной крови, этакъ турецкой, что-ли: можетъ быть чрезъ какую бабку-*брáнку*, или чрезъ какого прапрадѣда-*брáнця*, или какого *побрó* изъ Черной-Горы, любителя бранныхъ тревогъ и привольной разгульной жизни Запорожья временъ оныхъ... Это присутствіе какой-то захожей крови, изобличалось во всемъ его существѣ.... Былъ онъ высокаго роста и довольно строенъ; шея длинная, съ кадыкомъ на горлѣ, носъ тоже длинный, лицо и голова тоже длинныя, даже черезъ-чуръ ужъ длинныя... Прибавьте къ этому еще крѣпкую смуглоту лица и шеи, какой-то тупой взглядъ большихъ черныхъ глазъ, черный покляпый усъ, черныя густыя брови и черную высоко-подбритую чуприну—и вотъ вамъ Козелъ!

Еще бы внутреннюю сторону его описать вамъ, но это статья чрезвычайно-трудная... Богъ съ нею! Скажу только, что

мысль у Козла, должно быть, постоянно работала надъ чѣмъ-то важнымъ и глубокомысленнымъ, потому что выраженіе лица его было всегда серьёзное и глубокомысленное. Это выраженіе лица было у него до того постояннымъ, что, сколько мнѣ извѣстно, онъ всего одинъ только разъ въ жизни засмѣялся, именно, когда ему сказали, что ужъ пора ему жениться...—такъ по-крайней мѣрѣ гласитъ хроника замѣчательнѣйшихъ событій въ нашемъ хуторѣ! Пожалуй, еще скажу вамъ, что хоть мысль у Козла должно быть и постоянно работала надъ чѣмъ-то важнымъ и глубокомысленнымъ, но результатовъ этой работы онъ никогда и никому не сообщалъ... да и вообще онъ говорилъ очень-мало, и если говорилъ, то всегда кратко, серьезно и догматически, заканчивая всегда пословицею, болѣе или менѣе идущею къ дѣлу,—что подало одному мѣстному остряку поводъ остриться надъ Козломъ,—впрочемъ, въ его отсутствіи,—якобы въ своихъ ясляхъ у Козла всегда пусто, и онъ, при нуждѣ, воруетъ изъ чужихъ... да иной-разъ хватитъ и сѣнца, а иной, соломки просто или и бурьяну...

Пожалуй, еще и то скажу, что Козелъ, если только погода позволяла, всегда ходилъ безъ шапки,—и когда, въ ясный лѣтній день, шагалъ онъ вдоль хутора, въ бѣлой сорочкѣ и бѣлыхъ штанахъ, безъ сапогъ и безъ шапки,—держался всегда важно и прямо, съ закинутою назадъ головою,—вслѣдствіе чего чуприна всегда качалась на затылкѣ, какъ черный султанъ у марширующаго солдата...

Скажу еще, что Козелъ былъ добрѣйшее въ мірѣ существо... пилъ очень рѣдко, но если пилъ,—пилъ очень много и всегда молча... и когда напивался крѣпко, любилъ плакать... и когда падалъ, напившись крѣпко, падалъ не какъ другіе добрые мои земляки падаютъ въ подобныхъ случаяхъ, на-бокъ тамъ или *сторчъ*, а всегда назадъ, навзничь, и такъ, что шапка отлетала Богъ вѣсть куда, чуприна разстилалась по землѣ, а ноги задирались вверхъ высоко-высоко.

Первое время, когда выѣхали мы со двора, я молчалъ; хоть и безъ особеннаго горя выѣзжалъ я изъ дому, а все-таки нѣко-

торая тяжесть была на душѣ. Но когда спустились внизъ на рѣку, и когда *Била* весело и густо зазвенѣла своими подковами по гладкому льду, мало покрытому снѣгомъ... а по сторонамъ зарябили кусты курчавой лозы и стѣны золотистаго очерету, облитаго солнечнымъ свѣтомъ,—на душѣ у меня повеселѣло, и я началъ заговаривать съ Козломъ. Впрочемъ, мои усилія, завязать съ нимъ бесѣду, остались безъ успѣха. Выпитая имъ водка, очевидно, всё болѣе и болѣе пробиралась къ центру его мыслительныхъ способностей, и все болѣе и болѣе располагала его душу къ состоянію, за которымъ необходимо должны были у него послѣдовать слёзы. Онъ упорно молчалъ, разсуждая о чемъ-то важно и глубокомысленно, и упорно глядѣлъ въ *передокъ*, изрѣдка похлопывая своими черными и посоловѣвшими глазами. На всѣ мои вопросы, онъ отвѣчалъ мнѣ однимъ тихимъ: „у!" или тихо и какимъ-то особеннымъ способомъ, извѣстнымъ однимъ только порядочно нализавшимся людямъ, шевелилъ своими усами, да еще раза два-три муркнулъ мнѣ, что называется, „ни къ селу, ни къ городу", пословицами серьезно-моральнаго содержанія, въ томъ числѣ и изреченіемъ „суета суетъ", не вѣсть какимъ путемъ попавшимъ въ этотъ ходячій сборникъ народныхъ пословицъ и поговорокъ. О, Козелъ! о мой премудрый Соломонъ!.. Видя, что Козелъ плохой для меня собесѣдникъ, я началъ перебирать въ головѣ своей, какое бы придумать тутъ развлеченіе, какъ бы убить время. Ужъ я думалъ и о томъ и сёмъ,—нѣтъ! Наконецъ придумалъ-таки: досталъ изъ жилета двѣ мѣдныя монеты, и сдѣлавъ подъ верхнимъ кожухомъ, въ который я былъ закутанъ, *будку*, началъ самъ съ собою играть на колѣняхъ *въ решётки*.

— Э?!—вопросительно *экнулъ* Козелъ, заслышавъ у меня подъ кожухомъ звонъ монетъ—и ткнулъ носомъ ко мнѣ въ *будку*: —багато?

— Ось скилькы!—отвѣтилъ я, довольный, что наконецъ, онъ заговорилъ-таки,—и вытащилъ наверхъ одну за другою всѣ мѣдныя монеты, бывшія въ жилетномъ карманѣ.

— И-ги!!.. на чвертку, на чвертку!... *багатому чортъ диты колыше...*“—и онъ снова предался глубокомысленному размышленію, упорному молчанію и похлопыванію чорными и посоловѣвшими глазами съ созерцаніемъ *передка*,—такъ-что я думалъ, что все дѣло о деньгахъ, возбужденное его любопытствомъ, на этомъ и кончится.

Но не кончилось на этомъ дѣло о моихъ деньгахъ, какъ и никогда такъ не оканчиваются дѣла о деньгахъ! Высшими судьбами разъ навсегда опредѣлено, чтобы всѣ дѣла о деньгахъ, какого бы они рода, вида, качества, номера и т. д. ни были, до тѣхъ поръ не оканчивались, пока всѣ деньги, или по крайней мѣрѣ какая-либо часть ихъ, не перейдутъ въ другіе карманы... Въ первомъ селѣ, которое попалось намъ на пути, часть моихъ денегъ перешла въ руки какого-то пана, конечно чрезъ руки его шинкаря,—и Козелъ выпилъ чвертку.... „На чвертку, на чвертку!“ говорилъ онъ: „багатому чортъ диты колыше!.. Всякое даяніе благо!...“ и я далъ на чвертку... Что мнѣ было дѣлать? какъ не дать?... не мнѣ же, мальчишкѣ, учить Козла, что, молъ, лишнее будетъ, когда я вездѣ и всѣхъ вижу, что пьютъ лишнее, и когда и шинки Богъ создалъ на то, чтобъ люди пили побольше.

Въ слѣдующемъ затѣмъ селѣ повторилась та же самая исторія, съ тою только разницею, что изъ шинку Козелъ вышелъ уже плачущій, а на сани садился уже не одинъ разъ, а два раза, т. е. собственно говоря, онъ уже теперь не сѣлъ въ сани, а ввалился, и не въ *задокъ*—рядомъ со мною, а въ передокъ, поперегъ саней, что именно и было причиною, что помѣщеніе Козломъ своей особы на сани произведено было имъ въ два пріема, такъ какъ первый пріемъ оказался неудачнымъ вслѣдствіе слишкомъ сильнаго размаха туда, навзничь, съ летаніемъ, по описанному мною выше способу, шапки подальше, на снѣгъ, со взмахомъ чуприны по воздушному пространству и съ поднятіемъ ногъ вверхъ, высоко-высоко.... „Суета“, молъ, все суетъ!...“.

Можетъ быть, и въ третьемъ селѣ пришлось бы мнѣ дать Козлу на чвертку, но... чего не можетъ случиться между двумя селами, находящимися одно отъ другого въ разстояніи семи-восьми верстъ и отдѣленными одно отъ другого только болотами и рѣками—замерзшими, правда, но все-таки болотами и рѣками!... а тѣмъ болѣе—чего не можетъ случиться съ путниками, ѣдущими на такой *Билой*, какова была наша *Била*, и помѣщенными на саняхъ такъ, какъ мы были помѣщены съ Козломъ!

Когда мы выѣхали изъ втораго села и когда Козелъ, проливая слезы, указалъ Билой на виднѣвшуюся впереди церковь „туда, молъ, Била, въ *Сидѣцьку!*," Бѣлая только головою кивнула („смекаю, дескать") и стрѣлой пустилась навпростець, по кочкамъ, болотнымъ купамъ и по всему, что ей ни попадалось под заднія и переднія ноги.

— Що ты,—говорю,—робышъ!.. въ *опаръ* вскочымо де-небудь!...

Но Козелъ только слезы проливалъ, да усами шевелилъ извѣстнымъ образомъ...

И неслася Бѣлая стрѣлой до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не вскочила въ опарь, да еще не какъ-нибудь вскочила, а со всѣхъ четырехъ ногъ и, что называется, по самыя уши.. Не знаю, какъ и мы туда съ саньми не попали!..

— У!...—мычитъ Козелъ на бѣдную Бѣлую:—у!.. (ужъ и *ну*! не въ состояніи выговорить)... но Бѣлая... только болтается, бѣдная, межъ кусками обломавшагося льда, да копытами взбалтываетъ со дна цѣлую массу тины...

Что мы тутъ дѣлали съ Козломъ, чтобы вытащить на ледъ Бѣлую, или, лучше сказать, что я дѣлалъ для этого, (потому-что Козелъ въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился, способенъ былъ только проливать слезы да *ўкать*), не буду тутъ разсказывать: но не могу пройти молчаніемъ одной операціи, которой подвергалась несчастная, и не могу пройти молчаніемъ именно потому, что мнѣ хочется показать, на какія остроумныя концепціи бываютъ горазды люди, похожіе на Козла, и въ состояніи, въ какомъ онъ былъ тогда.

Измученный безуспѣшною вознею съ Бѣлою, я сѣлъ наконецъ на сани и рѣшился ждать: авось либо-кто близко проѣдетъ и поможетъ намъ, а пока—плакалъ и плакалъ, слезами облегчая свое горе... Сижу я на саняхъ и плачу, а Козелъ стоитъ передъ Бѣлою и покачивается во всѣ стороны. И стоялъ—стоялъ онъ такъ, потомъ вдругъ:—у!—и шапку съ головы, рукавицы съ рукъ, прочь все!... самъ передъ Бѣлою на колѣни и наклоняется ртомъ къ ея уху... и чуть-чуть не бултыхнулъ въ воду!..

— Що ты,—говорю,—хочешъ робыть?... Ще и самъ въ воду...

— У!—промычалъ Козелъ:—*якъ припечѐ, то втечѐ!...* и доставъ зубами за ухо Бѣлую, началъ его кусать немилосердно! Больно станетъ, молъ, такъ выскочитъ!...

Я едва могъ оторвать его отъ уха!... И хорошую, должно быть, представляли мы группу: я, всѣми силами тянущій сзади Козла за свиту,—колѣнопреклоненный на снѣгу и безъ шапки и рукавицъ, Козелъ, вцѣпившійся зубами за ухо несчастному животному... оно, визгливо ржущее отъ боли, и болтающееся въ *опарѣ*, а позади его на льду оттащенныя подальше сани съ протянутыми впередъ оглоблями... „Прійди, молъ, Бѣлая, въ мои объятія...“ Забылъ сказать, что я-таки умудрился распречь Бѣлую, возясь съ нею.

Такъ мы провозились здѣсь безуспѣшно часа два, пока не увидѣли въ полуверстѣ отъ насъ какихъ то проѣзжихъ. Я началъ звать, тѣ услышали, пріѣхали къ намъ и вытащили Бѣлую... Шея, грудь и бока изрѣзаны льдомъ и обливаются кровью: ноги окоченѣли отъ холода; дрожитъ и едва держится на ногахъ.... Но она едва почувствовала, что ступать уже можетъ, ступила одною ногою, потомъ ступила другою, опять, опять—и къ санямъ, и стала въ оглобли: запрягай, молъ, меня, буду свой долгъ исполнять!.. Запрегъ я ее съ помощью проѣзжихъ, свалился Козелъ въ передокъ, вывелъ я Бѣлую за поводъ на дорогу, и она пошла исполнять свой долгъ, сначала дрожа и дрябло какъ-то тыкая ногами въ ледъ, а потомъ съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ,—и снова юношескій жаръ, и снова юношеская прыть!...

Въ третьемъ и четвертомъ селахъ, Козелъ уже не говорилъ мнѣ: „*Багатому чортъ диты кольше*!“ зато въ пятомъ селѣ, гдѣ мы остановились покормить Бѣлую и пообѣдать, онъ столько разъ говорилъ, мнѣ это что когда мы поѣхали дальше, онъ даже и *укать* былъ не въ состояніи, а только плакалъ и плакалъ... прерывая по временамъ свой плачъ лишь для того чтобы дернуть за ту или другую возжу, такъ, по какому-то вдохновенію, и такимъ образомъ перевести, такъ сказать, Бѣлую съ одного вѣтра на другой, направить ее, куда намъ прійдется, направо или налѣво,—куда укажетъ вдохновеніе...

Путались мы съ Козломъ по лѣсамъ, лозамъ и очеретамъ до самого вечера, какъ и тогда, съ Мундыромъ, съ тою только разницею, что съ Мундыромъ ѣздили мы все по протореннымъ дорогамъ, а теперь,—всего случалось: иногда путались и не по протореннымъ дорогамъ, иногда и просто безъ дорогъ... Случалось и въ лозу запутываться, случалось перебираться и черезъ поваленныя деревья въ лѣсахъ, барахтаться въ кустахъ очерету, всего, говорю, случалось! И долго мы, можетъ быть, еще путались бы по лѣсамъ, лозамъ и очеретамъ, можетъ проплутались-бы всю ночь, еслибъ не случилось одного обстоятельства, которое легко можно было предвидѣть всякому, кромѣ, разумѣется, плачущаго и дергающаго за возжи, по вдохновенію, Козла.

Какъ теперь вижу эту сцену! какъ-будто она вонъ-тамъ, вонъ прямо предо мною!.. Вечерѣетъ; морозъ крѣпчаетъ; по обѣимъ сторонамъ нашей дороги стѣны лозы и очерета... Но вотъ стѣны эти справа и слѣва распахнулись и побѣжали куда-то въ сторону, и Бѣлая уже летитъ по какому-то открытому мѣсту...

Вдругъ Бѣлая тише-тише... тукъ-тукъ-тукъ подковами—и стала!.. Козелъ дернулъ за одну возжу, за другую:—стоитъ и дрожитъ...

Я высунулъ голову изъ кожуха и взглянулъ впередъ... Боже! въ четырехъ шагахъ передъ Бѣлою рѣка размытая на нѣсколько саженей!.. а Козелъ Бѣлую погоняетъ и погоняетъ!..

„Стій!“ крикнулъ я, сколько было у меня крику въ груди, и, во мгновеніе ока, выпрыгнулъ изъ саней на ледъ...

Козелъ и себѣ глянулъ впередъ—и слезы его исчезли!.. Да, это фактъ! въ одно мгновеніе слезы исчезли, когда онъ увидѣлъ, что у Бѣлой передъ самымъ носомъ!.. глаза его были какъ-будто ему сегодня мой отецъ не подносилъ ни одной чашки, какъ-будто онъ ни одного разу не сказалъ мнѣ: „*багатому чортъ диты колыше*“, а если все это и случилось съ Козломъ то какъ-будто онъ спалъ послѣ того три дня и три ночи, и всталъ настолько съ свѣжею головою, насколько могла помѣщать подъ собой свѣжести его высокоподбритая чуприна!..

И какими умницами всѣ мы оказались въ эту критическую минуту!... и Козелъ, который послушавшись меня—тихонько полѣзъ вдоль саней и, спустившись чрезъ ихъ спинку на ледъ прицѣпилъ къ нимъ возжи, мною отстегнутыя у Бѣлой.... и началъ тянуть сани назадъ, впрочемъ, для большей вразумительности, я-таки долженъ былъ поддѣлываться подъ его смыслъ и сказать ему поговорку: *(послухай мене, дурня, то будешъ розумнымъ)*; и Бѣлая, которая вся какъ листъ дрожала, втягивая въ себя воздухъ, чтобы быть легче, и не проломиться на льду, промытомъ водою до того, что фонтаны прыскали сквозь дыры, когда даже я ступалъ по льду,—поумнѣлъ и я, слѣдуя примѣру Бѣлой, и не позволяя Козлу приближаться къ ней, чтобъ подать ее назадъ, а сдѣлалъ это самъ... Страхъ погибели умудряетъ и скотовъ безсловесныхъ и дѣтей несмысленныхъ!...

Когда мы были внѣ опасности, и когда нѣсколько прошло во мнѣ—(не знаю какъ назвать состояніе въ которое впадаютъ извѣстнаго сорта натуры во время большихъ опасностей?... назовемъ его, пожалуй—экзальтированнымъ состояніемъ!)—когда прошло во мнѣ такое экзальтированное состояніе, я бросился къ Бѣлой, и схвативъ ея морду обѣими руками, началъ горячо цѣловать ее и въ носъ и въ губы и въ подбородокъ:—Билочко моя, утонько моя!.. якъ вернесся, скажи нени, щобъ сама вона тебе нагодувала!.. А Козелъ только:—*якъ Божа воля, то вѝрнышъ зъ моря!...*

Перебравшись на другую сторону рѣки, Козелъ рѣшилъ ни за что больше къ нейне приближаться, а держаться степи,—

и пустилъ Бѣлую... И Бѣлая полетѣла и полетѣла снова!... И долго, почти до полуночи, она летѣла... а я, и на обратномъ пути въ городъ, ночевалъ въ чужомъ уѣздѣ.

Хорошо, или худо? [1])

.... Правда, друзья мои, не хорошо? Да, не хорошо, очень не хорошо! Впрочемъ... будемъ ко всему этому снисходительнѣе! Объ одной сторонѣ предмета, покойникъ Гоголь такъ выразился въ старосвѣтскихъ помѣщикахъ: „По нимъ (Афанасіи Ивановичѣ и Пульхеріи Ивановнѣ) можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную спокойную жизнь, которую вели старыя національныя простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ какъ саранчи, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, нажываютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на эти призрѣнныя и жалкія творенія *такъ же какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи.*“ Повторяю, будемъ снисходительнѣе! Поэту, глядѣвшему на поэтическій образъ, построенный изъ извѣстныхъ матеріаловъ

---

[1]) Черниг. Листокъ, 1863 г., № 12.—Отрывокъ этотъ составляетъ часть другого отрывка, помѣщеннаго въ 3 номерѣ Основы 1861 г. Издатель сознаетъ, что предлагаемый отрывокъ болѣе чѣмъ не выясняетъ своего предмета: при всемъ томъ печатаетъ его: въ отрывкѣ затрогиваются нѣкоторыя стороны нашего XVIII в., а все, что относится къ этому темному XVIII нашему вѣку, хоть бы въ видѣ возбужденія о немъ какого-либо вопроса, не можетъ считаться не стоящимъ никакого вниманія. Кто знаетъ, можетъ быть разсужденіе Василія Петровича наведетъ на мысль кого нибудь изъ нашей дорогой молодежи—заняться предметомъ посерьезнѣе, изучить его и потомъ научить и насъ стариковъ уму-разуму—sine ira et studio... *Авторъ.*

дѣйствительности, простительно было завлечься и забыть, что всего бываетъ и бывало на бѣломъ малороссійскомъ свѣтѣ; но намъ, желающимъ видѣть дѣйствительность въ истинномъ ея свѣтѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду всѣхъ ея сторонъ.

Начать съ того, что не всѣ старинныя и коренныя украинскія фамиліи вели и ведутъ такую ясную и спокойную жизнь, какую вели старосвѣтскіе помѣщики: жизнь многихъ и очень многихъ совершенно была похожа на жизнь выдравшихся изъ дегтярей и торгашей и наводившихъ палаты и присутственныя мѣста человѣковъ, а жизнь нѣкоторыхъ была такова, что устроить себѣ подобную, можетъ быть, ни одному индивидууму изъ породы палатской саранчи не приходило въ голову. На памяти нашихъ дѣдовъ и даже отцовъ бывали еще примѣры грабежей, вооруженною рукою, среди бѣла дня, членами старинныхъ фамилій въ домахъ зажиточныхъ козаковъ... примѣры убійствъ *кыями*, если смѣливались сопротивляться при грабежахъ или мстить за нихъ... На памяти дѣдовъ и даже отцовъ бывали примѣры, что какой-нибудь членъ богатой и старинной фамиліи вывезетъ въ какое-нибудь село или хуторъ нѣсколько бочекъ водки, перепоитъ всю *громаду* и убѣдитъ подписать съ-пьяна дарственный актъ, по которому нѣсколько сотъ, а иногда и нѣсколько тысячъ десятинъ общественной козачьей земли переходило въ собственность старинной фамиліи. На памяти дѣдовъ и отцовъ и, увы, на нашей собственной памяти бывали примѣры жизни членовъ старинныхъ фамилій: съ сомнищами доморощенныхъ одаликъ и баядерокъ, съ оргіями, предъ которыми поблѣднѣли бы оргіи членовъ старинныхъ богатыхъ фамилій XVIII в. остальнаго божьяго міра, съ затѣями и прихотями, куда затѣйливыми и прихотливыми! И все это тѣмъ болѣе было выпукло и обращало на себя вниманіе, что происходило среди народа, въ числѣ нравственныхъ качествъ котораго дѣвическое цѣломудріе, супружеская вѣрность, порядочность въ домоводствѣ и т. д. были неотъемлемыми добродѣтелями и доведены его жизнію до высоты идеальной; что все это нисколько не заботилось ни скрывать, ни облекать въ формы сколько нибудь помягче. На

памяти нашей—*да що й казать!*... А между тѣмъ, съ другой стороны, и между выдравшихся изъ торгашей и дегтярей встрѣчались и встрѣчаются люди, которые хотя и не похожи на Афанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну, но которые выдержали столько невѣдомыхъ міру битвъ съ жизнью, представили столько образцовъ высокихъ добродѣтелей гражданскахъ, общественныхъ и домашнихъ, такъ чистыми и не запятнанными отправились или собираются отправляться на вѣчное успокоеніе, что если бы они сами или кто-либо другой позаботился все это извлечь изъ мрака неизвѣстности и показать людямъ, вѣрно бы у кого, хоть будь онъ потомокъ Афанасія Ивановича съ Пульхеріей Ивановной, не поворотился языкъ обвинить ихъ за то, что они—выдравшіеся изъ торгашей и дегтярей.

Далѣе, отчего бы отцамъ дѣтей, имѣющихъ наводнить палаты и присутственныя мѣста, не разсуждать и не дѣлать такъ, какъ разсуждали и дѣлали отцы тѣхъ дѣтей, отъ которыхъ произошли коренныя старинныя богатыя фамиліи? Желалъ бы я встрѣтить человѣка, который бы доказалъ мнѣ, почему имъ нельзя было того же дѣлать, что дѣлалось двѣсти или тысячу лѣтъ назадъ по этому предмету. Сказать откровенно, я даже думаю, что время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, болѣе благопріятствовало порожденію такихъ явленій, чѣмъ то, въ которое живали родонадальники старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Описываемая эпоха была продолженіемъ (или, если хотите, послѣдствіемъ) той эпохи, въ которую произошелъ большой переворотъ въ понятіяхъ о сословной нравственности украинскаго народа, о сословныхъ его обязанностяхъ и добродѣтеляхъ. Прежнія понятія по этому предмету, выработанныя исторіею, потеряли возможность быть примѣняемыми на дѣлѣ; явились новыя, обладавшія такою возможностію, понятія, къ распространенію которыхъ дѣлаемо было много, въ томъ числѣ, замѣчу мимоходомъ, и многими изъ старинныхъ фамилій. Естественно, что при этомъ въ народѣ нашлись такіе, которые попятились назадъ, и такіе, которые оторопѣли и выпучивъ глаза, смотрѣли на новизну, *якъ теля на нови двери*, но естественно также, что нашлись и та-

кіе, которые бросились за новизною,—а итти за новизною въ этомъ случаѣ значило, между прочимъ, выдираться изъ торгашей и дегтярей и наводнять палаты и присутственныя мѣста.

И теперь еще на нѣкоторыхъ пунктахъ, занимаемыхъ народомъ украинскаго происхожденія, украинскій козакъ называется *шляхетне-урожденнымъ*, или *дворяниномъ*; лѣтъ двѣсти назадъ—и кольми паче! Почему же пятьдесятъ, сто лѣтъ назадъ нельзя было ему считать себя шляхетне-урожонымъ, имѣющимъ право попасть въ число наводнителей палатъ и присутственныхъ мѣстъ, добывать документы о шляхетствѣ, дворянствѣ, и особенно, если кто изъ предковъ бывалъ старшиною? *добывать документы*, т. е. отправиться, куда слѣдуетъ, сказать, что онъ козакъ, слѣдовательно шляхетне-урожоный, дворянинъ, что ему нужны такіе *шляхетныя паперы*, и при этомъ, какъ всегда унасъ водилось то и теперь еще водится иногда, дать извѣстное количество *того дыва, грошей, пидмазать?* „Уже воно звисно, безъ грошей ничого не зроблять!“.

То была эпоха перваго полнаго водворенія—подушной и земской повинности съ ихъ послѣдствіями, рекрутской повинности съ ея послѣдствіями и т. д. и т. д.,—а у кого мои друзья, поворотится языкъ строго осудить человѣка, который старается освободить свое дитя отъ исполненія такихъ гражданскихъ обязанностей и втиснуть его, какимъ бы то ни было образомъ, въ число наводнителей палатъ и присутственныхъ мѣстъ! Вспомните, мои друзья, что въ тѣ времена, если какой нибудь шляхетне-урожоный или неимѣющій такого урожденія не платитъ бывало почему-либо денежныхъ повинностей, часто случалось, что зимою выводили его на ледъ, ставили возлѣ проруби, раздѣвали до нага и обливали холодною водою до тѣхъ поръ, пока не вносимы были деньги,—имъ самимъ или кѣмъ-либо другимъ... Вамъ друзья мои, не случалось можетъ быть, видать подобнаго, а я видѣлъ... Или, друзья мои, принадлежащіе къ стариннымъ фамиліямъ, знаете ли какъ ваши батюшки и дѣдушки, въ качествѣ коммиссаровъ, воинскихъ чиновниковъ и т. д. обходились съ *чубами?* Но что огорчать васъ разсказами о дѣлахъ, о которыхъ,

навѣрное, вамъ никогда не хотѣлось бы вспоминать. Или, помните ли вы послѣдствія, которыя вели за собою во времена оны, несеніе рекрутской повинности? эти длинныя вереницы парней, закованныхъ попарно въ кандалы? эти потрясающія душу сцены на дворахъ рекрутскихъ присутствій? служебные *обычаи друзей* фельдфебелей и *отцовъ* командировъ? эти двадцатисемилѣтніе и болѣе еще продолжительные сроки службы? Послѣ этого, нечего удивляться, что многіе сами собою, или по приказанію родителей, скрывались и часто исчезали, Богъ вѣсть куда, навсегда; что сбывали земли, грунта, все свое имущество, лишь бы откупиться отъ рекрутства, подрѣзывали себѣ жилы, отрубывали пальцы, дѣлали другія разныя членовредденія; что одинъ парень, въ одномъ рекрутскомъ присутствіи, до того пораженъ былъ радостію, когда ему крикнули *затылокъ*! что подскочилъ къ окну, вышибъ его, спрыгнулъ со втораго этажа внизъ и, не смотря на снѣгъ и морозъ, пустился въ одной рубахѣ и безъ сапоговъ, черезъ весь городъ, а тамъ по направленію къ своей деревнѣ... Только на лошадяхъ и то за семь верстъ отъ города родные могли догнать бѣдняка!.. Не диво, значитъ, если отцы старались помѣстить своихъ дѣтей въ палаты и присутственныя мѣста!

То была у насъ эпоха повсемѣстнаго—*спасайся, кто можетъ, хватай что хочешь*. Даже не слишкомъ заботились придавать дѣйствіямъ обмана и произвола видъ законности. Можетъ быть, друзья мои, слова эти покажутся вамъ странными; но вдумайтесь хорошенько въ смыслъ и характеръ того времени, и вы согласитесь, что я правъ. А если такъ, то не порицайте же строго людей, выдравшихся изъ торгашей и дегтярей, и тѣмъ болѣе глядя, какъ ребра чубовъ трещатъ отъ потасовокъ, задаваемыхъ иногда членами старинныхъ фамиліи собственноручно или чрезъ своихъ клевретовъ [1])... Сколько пинковъ и подзатыльниковъ достается торгашамъ и дегтярямъ отъ всякой власти, сколько-нибудь чувствующей къ таковымъ поползновеніе, хоть будь эта власть, напр. объѣзчикъ отъ откупа, лакей судьи, ку-

[1]) Писано, какъ видитъ читатель давно.

черъ городничаго... Какъ съ *государственными могуществами* (какъ называютъ себя козаки, держа официіальную рѣчь предъ начальствомъ) обходятся сельскіе и волосные писаря, головы, и другія власти, близкія и далекія, когда гнѣвъ власти, возбужденный *горилкою,* неисполненнымъ желаніемъ и т. п., разражается надъ *могуществомъ государственнымъ*.... Глядя, говорю, на все это, вамъ можетъ быть, не разъ приходило въ голову, что здѣсь не мѣшало бы у насъ произвести всѣхъ въ четырнадцатый классъ, какъ выразился кто-то и когда-то.

Ужъ если стоятъ брани люди, выдравшіеся изъ торгашей и дегтярей, такъ будемъ ихъ бранить, мои друзья, за то, что они выбившись изъ своего сословія слишкомъ скоро перенимаютъ иныя правила.... Да и то мои друзья, какъ поразмыслишь хорошенько...

РИЗДВЯННИ СВЯТКИ.[1])

Письмо 1-е.

Вмѣсто предисловія.

Считаю нужнымъ предъувѣдомить читателя моихъ писемъ о „Риздвяннихъ Святкахъ", что подъ словомъ „святки", праздники, я буду разумѣть не то, что мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что празднуетъ, или чествуетъ какимъ-нибудь украинскій народъ, и что имѣетъ своимъ основаніемъ его вѣрованія, будутъ ли эти вѣрованія остатки до-христіанскаго періода, или плодъ религіи христіанской, или же осадка исторической его жизни.

Въ кругъ рождественскихъ праздниковъ, народъ украинскій включаетъ: *Багáту Кутю, Святúй Вечиръ, Святки* вообще, *Щéдрый Вечиръ, Посыпáння, Голодну Кутю, Ордань.*—Я буду говорить обо всѣхъ этихъ праздникахъ, и въ томъ порядкѣ въ какомъ они тутъ обозначены. Но такъ-какъ всѣмъ имъ предшествуютъ приготовленія, то я начну съ этихъ приготовленій.

[1]) Основа 1861 г., № 3